

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

АННА КАРЕНИНА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ТОМА 18–19

Лев Николаевич Толстой
Полное собрание
сочинений. Тома 18-19
Серия «Весь Толстой в один клик»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6562280

Содержание

Лев Николаевич	7
Предисловие к электронному изданию	9
АННА КАРЕНИНА	11
АННА КАРЕНИНА	14
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	14
I.	14
II.	18
III.	23
IV.	29
V.	36
VI.	48
VII.	52
VIII.	55
IX.	59
X.	68
XI.	78
XII.	84
XIII.	90
XIV.	93
XV.	103
XVI.	106
XVII.	109
XVIII.	114

XIX.	122
XX.	130
XXI.	135
XXII.	138
XXIII.	145
XXIV.	151
XXV.	159
XXVI.	166
XXVII.	171
XXVIII.	174
XXIX.	178
XXX.	183
XXXI.	187
XXXII.	192
XXXIII.	195
XXXIV.	200
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.	207
I.	207
II.	212
III.	217
IV.	222
V.	227
VI.	232
VII.	239
VIII.	247
IX.	252

X.	258
XI.	259
XII.	262
XIII.	266
XIV.	275
XV.	281
XVI.	286
XVII.	293
XVIII.	299
XIX.	302
XX.	306
XXI.	310
XXII.	318
XXIII.	325
XXIV.	329
XXV.	338
XXVI.	345
XXVII.	351
XXVIII.	355
XXIX.	361
XXX.	368
XXXI.	373
XXXII.	377
XXXIII.	384
XXXIV.	391
XXXV.	399

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.	408
I.	408
Конец ознакомительного фрагмента.	411

Лев Николаевич Толстой

Анна Каренина

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – Ленинград
1934—1935

Электронное издание осуществлено в рамках краудсорсингового проекта [«Весь Толстой в один клик»](#)

Организаторы:

[Государственный музей Л.Н. Толстого](#)

[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)

[Компания АBBYY](#)

Подготовлено на основе электронных копий 18-го и 19-го томов Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, представленных [Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 18-му и 19-му томам Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого включены в настоящее издание

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам info@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в

электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

—

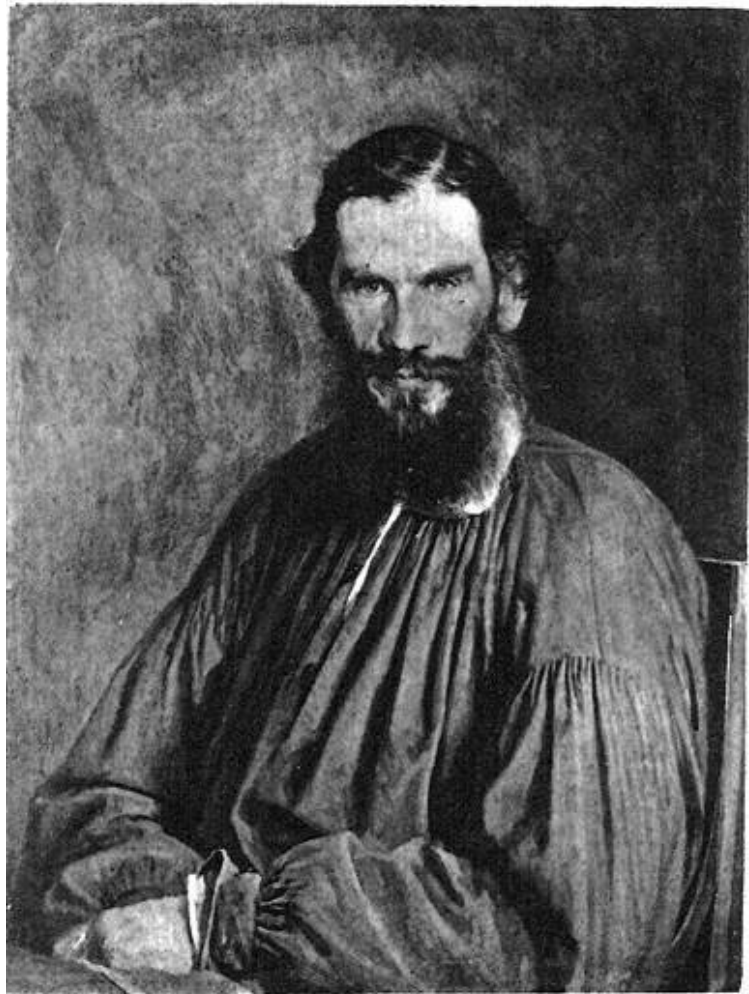
Reproduction libre pour tous les pays.

АННА КАРЕНИНА

РЕДАКТОРЫ:

П. Н. САКУЛИН

Н. К. ГУДЗИЙ

Л. Н. ТОЛСТОЙ В 1873 ГОДУ

Портрет работы И. Н. Крамского. Масло

(Государственная Третьяковская галерея)

Уменьшено в 10 раз

АННА КАРЕНИНА

роман в восьми частях (1873—1877)

Мне отмщение, и Аз воздам.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Всё смешалось в доме Облонских. Жена узнала, что муж был в связи с бывшею в их доме Французенкою-гувернанткой, и объявила мужу, что не может жить с ним в одном доме. Положение это продолжалось уже третий день и мучительно чувствовалось и самими супругами, и всеми членами семьи, и домочадцами. Все члены семьи и домочадцы чувствовали, что нет смысла в их сожительстве и что на каждом постоялом дворе случайно сошедшиеся люди более связаны между собой, чем они, члены семьи и домочадцы Облонских. Жена не выходила из своих комнат, мужа третий день не было до-

ма. Дети бегали по всему дому, как потерянные; Англичанка поссорилась с экономкой и написала записку приятельнице, прося приискать ей новое место; повар ушел еще вчера со двора, во время обеда; черная кухарка и кучер просили расчета.

На третий день после ссоры князь Степан Аркадьич Облонский – Стива, как его звали в свете, – в обычный час, то есть в 8 часов утра, проснулся не в спальне жены, а в своем кабинете, на сафьянном диване. Он повернул свое полное, выхоленное тело на пружинах дивана, как бы желая опять заснуть надолго, с другой стороны крепко обнял подушку и прижался к ней щекой; но вдруг вскочил, сел на диван и открыл глаза.

«Да, да, как это было? – думал он, вспоминая сон. – Да, как это было? Да! Алабин давал обед в Дармштадте; нет, не в Дармштадте, а что-то американское. Да, но там Дармштадт был в Америке. Да, Алабин давал обед на стеклянных столах, да, – и столы пели: *Il mio tesoro*,¹ и не *Il mio tesoro*, а что-то лучше, и какие-то маленькие графинчики, и они же женщины», вспоминал он.

Глаза Степана Аркадьича весело заблестели, и он задумался улыбаясь. «Да, хорошо было, очень хорошо. Много еще там было отличного, да не скажешь словами и мыслями даже наяву не выразишь». И, заметив полосу света, пробившуюся с боку одной из суконных стор, он весело ски-

---

¹ [Мое сокровище,]

нул ноги с дивана, отыскал ими шитые женой (подарок ко дню рождения в прошлом году), обделанные в золотистый сафьян туфли и по старой, девятилетней привычке, не вставая, потянулся рукой к тому месту, где в спальне у него висел халат. И тут он вспомнил вдруг, как и почему он спит не в спальне жены, а в кабинете; улыбка исчезла с его лица, он сморщил лоб.

«Ах, ах, ах! Аа!...» замычал он, вспоминая всё, что было. И его воображению представились опять все подробности ссоры с женою, вся безвыходность его положения и мучительнее всего собственная вина его.

«Да! она не простит и не может простить. И всего ужаснее то, что виной всему я, – виной я, а не виноват. В этом-то вся драма, – думал он. – Ах, ах, ах!» приговаривал он с отчаянием, вспоминая самые тяжелые для себя впечатления из этой ссоры.

Неприятнее всего была та первая минута, когда он, вернувшись из театра, веселый и довольный, с огромною грушей для жены в руке, не нашел жены в гостиной; к удивлению, не нашел ее и в кабинете и наконец увидел ее в спальне с несчастною, открывшею всё, запиской в руке.

Она, эта вечно озабоченная, и хлопотливая, и недалекая, какою он считал ее, Долли, неподвижно сидела с запиской в руке и с выражением ужаса, отчаяния и гнева смотрела на него.

– Что это? это? – спрашивала она, указывая на записку.

И при этом воспоминании, как это часто бывает, мучало Степана Аркадьича не столько самое событие, сколько то, как он ответил на эти слова жены.

С ним случилось в эту минуту то, что случается с людьми, когда они неожиданно уличены в чем-нибудь слишком постыдном. Он не сумел приготовить свое лицо к тому положению, в которое он становился перед женой после открытия его вины. Вместо того чтоб оскорбиться, отречься, оправдываться, просить прощения, оставаться даже равнодушным – все было бы лучше того, что он сделал! – его лицо совершенно невольно («рефлексy головного мозга», подумал Степан Аркадьич, который любил физиологию), совершенно невольно вдруг улыбнулось привычною, доброю и потому глупою улыбкой.

Эту глупую улыбку он не мог простить себе. Увидав эту улыбку, Долли вздрогнула, как от физической боли, разразилась, со свойственною ей горячностью, потоком жестоких слов и выбежала из комнаты. С тех пор она не хотела видеть мужа.

«Всему виной эта глупая улыбка», думал Степан Аркадьич.

«Но что же делать? что делать?» с отчаянием говорил он себе и не находил ответа.

II.

Степан Аркадьич был человек правдивый в отношении к себе самому. Он не мог обманывать себя и уверять себя, что он раскаивается в своем поступке. Он не мог теперь раскаиваться в том, что он, тридцати-четырёхлетний, красивый, влюбчивый человек, не был влюблен в жену, мать пяти живых и двух умерших детей, бывшую только годом моложе его. Он раскаивался только в том, что не умел лучше скрыть от жены. Но он чувствовал всю тяжесть своего положения и жалел жену, детей и себя. Может быть, он сумел бы лучше скрыть свои грехи от жены, если б ожидал, что это известие так на нее подействует. Ясно он никогда не обдумывал этого вопроса, но смутно ему представлялось, что жена давно догадывается, что он не верен ей, и смотрит на это сквозь пальцы. Ему даже казалось, что она, истощенная, состаревшаяся, уже некрасивая женщина и ничем не замечательная, простая, только добрая мать семейства, по чувству справедливости должна быть снисходительна. Оказалось совсем противное.

«Ах, ужасно! ай, ай, ай! ужасно! — твердил себе Степан Аркадьич и ничего не мог придумать. — И как хорошо всё это было до этого, как мы хорошо жили! Она была довольна, счастлива детьми, я не мешал ей ни в чем, предоставлял ей возиться с детьми, с хозяйством, как она хотела. Правда,

нехорошо, что *она* была гувернанткой у нас в доме. Нехорошо! Есть что-то тривиальное, пошлое в ухаживании за своею гувернанткой. Но какая гувернантка! (Он живо вспомнил черные плутовские глаза M-lle Roland и ее улыбку.) Но ведь пока она была у нас в доме, я не позволял себе ничего. И хуже всего то, что она уже... Надо же это всё как нарочно! Ай, ай, ай! Но что же, что же делать?»

Ответа не было, кроме того общего ответа, который дает жизнь на все самые сложные и неразрешимые вопросы. Ответ этот: надо жить потребностями дня, то есть забыться. Забыться сном уже нельзя, по крайней мере, до ночи, нельзя уже вернуться к той музыке, которую пели графинчики-женщины; стало быть, надо забыться сном жизни.

«Там видно будет», сказал себе Степан Аркадьич и, встав, надел серый халат на голубой шелковой подкладке, закинул кисти узлом и, вдоволь забрав воздуха в свой широкий грудной ящик, привычным бодрым шагом вывернутых ног, так легко носивших его полное тело, подошел к окну, поднял стору и громко позвонил. На звонок тотчас же вошел старый друг, камердинер Матвей, неся платье, сапоги и телеграмму. Вслед за Матвеем вошел и цирюльник с припасами для бритья.

– Из присутствия есть бумаги? – спросил Степан Аркадьич, взяв телеграмму и садясь к зеркалу.

– На столе, – отвечал Матвей, взглянул вопросительно, с участием, на барина и, подождав немного, прибавил с хит-

рою улыбкой: – От хозяина извозчика приходили.

Степан Аркадьич ничего не ответил и только в зеркало взглянул на Матвея; во взгляде, которым они встретились в зеркале, видно было, как они понимают друг друга. Взгляд Степана Аркадьича как будто спрашивал: «это зачем ты говоришь? разве ты не знаешь?»

Матвей положил руки в карманы своей жакетки, отставил ногу и молча, добродушно, чуть-чуть улыбаясь, посмотрел на своего барина.

– Я приказал прийти в то воскресенье, а до тех пор чтобы не беспокоили вас и себя понапрасну, – сказал он видимо приготовленную фразу.

Степан Аркадьич понял, что Матвей хотел пошутить и обратить на себя внимание. Разорвав телеграмму, он прочел ее, догадкой поправляя перевранные, как всегда, слова, и лицо его просияло.

– Матвей, сестра Анна Аркадьевна будет завтра, – сказал он, остановив на минуту глянцевою, пухлую ручку цирюльника, расчищавшего розовую дорогу между длинными кудрявыми бакенбардами.

– Славу Богу, – сказал Матвей, этим ответом показывая, что он понимает так же, как и барин, значение этого приезда, то есть что Анна Аркадьевна, любимая сестра Степана Аркадьича, может содействовать примирению мужа с женой.

– Одни или с супругом? – спросил Матвей.

Степан Аркадьич не мог говорить, так как цирюльник за-

нят был верхнею губой, и поднял один палец. Матвей в зеркало кивнул головой.

– Одни. Наверху приготовить?

– Дарье Александровне доложи, где прикажут.

– Дарье Александровне? – как бы с сомнением повторил Матвей.

– Да, доложи. И вот возьми телеграмму, передай, что они скажут.

«Попробовать хотите», понял Матвей, но он сказал только: – Слушаю-с.

Степан Аркадьич уже был умыт и расчесан и собирался одеваться, когда Матвей, медленно ступая поскрипывающими сапогами, с телеграммой в руке, вернулся в комнату. Цирюльника уже не было.

– Дарья Александровна приказали доложить, что они уезжают. Пускай делают, как им, вам то есть, угодно, – сказал он, смеясь только глазами, и, положив руки в карманы и склонив голову на бок, уставился на барина.

Степан Аркадьич помолчал. Потом добрая и несколько жалкая улыбка показалась на его красивом лице.

– А? Матвей? – сказал он, покачивая головой.

– Ничего, сударь, образуется, – сказал Матвей.

– Образуется?

– Так точно-с.

– Ты думаешь? Это кто там? – спросил Степан Аркадьич, услышав за дверью шум женского платья.

– Это я-с, – сказал твердый и приятный женский голос, и из-за двери высунулось строгое рябое лицо Матрены Филимоновны, нянюшки.

– Ну что, Матреша? – спросил Степан Аркадьич, выходя к ней в дверь.

Несмотря на то, что Степан Аркадьич был кругом виноват перед женой и сам чувствовал это, почти все в доме, даже нянюшка, главный друг Дарьи Александровны, были на его стороне.

– Ну что? – сказал он уныло.

– Вы сходите, сударь, повинитесь еще. Авось Бог даст. Очень мучаются, и смотреть жалости, да и всё в доме навывнтараты пошло. Детей, сударь, пожалеть надо. Повинитесь, сударь. Что делать! Люби кататься...

– Да ведь не примет...

– А вы свое сделайте. Бог милостив, Богу молитесь, сударь, Богу молитесь.

– Ну, хорошо, ступай, – сказал Степан Аркадьич, вдруг покраснев. – Ну, так давай одеваться, – обратился он к Матвею и решительно скинул халат.

Матвей уже держал, сдувая что-то невидимое, хомутом приготовленную рубашку и с очевидным удовольствием облек в нее холеное тело барина.

III.

Одевшись, Степан Аркадьич прыснул на себя духами, выправил рукава рубашки, привычным движением рассовал по карманам папиросы, бумажник, спички, часы с двойной цепочкой и брелоками и, встряхнув платок, чувствуя себя чистым, душистым, здоровым и физически веселым, несмотря на свое несчастье, вышел, слегка подрагивая на каждой ноге, в столовую, где уже ждал его кофе и, рядом с кофеем, письма и бумаги из присутствия.

Он прочел письма. Одно было очень неприятное – от купца, купувшего лес в имении жены. Лес этот необходимо было продать; но теперь, до примирения с женой, не могло быть о том речи. Всего же неприятнее тут было то, что этим подмешивался денежный интерес в предстоящее дело его примирения с женою. И мысль, что он может руководиться этим интересом, что он для продажи этого леса будет искать примирения с женой, – эта мысль оскорбляла его.

Окончив письма, Степан Аркадьич придвинул к себе бумаги из присутствия, быстро перелистовал два дела, большим карандашом сделал несколько отметок и, отодвинув дела, взялся за кофе; за кофеем он развернул еще сырую утреннюю газету и стал читать ее.

Степан Аркадьич получал и читал либеральную газету, не крайнюю, но того направления, которого держалось боль-

шинство. И, несмотря на то, что ни наука, ни искусство, ни политика собственно не интересовали его, он твердо держался тех взглядов на все эти предметы, каких держалось большинство и его газета, и изменял их, только когда большинство изменяло их, или, лучше сказать, не изменял их, а они сами в нем незаметно изменялись.

Степан Аркадьич не избирал ни направления, ни взглядов, а эти направления и взгляды сами приходили к нему, точно так же, как он не выбирал формы шляпы или сюртука, а брал те, которые носят. А иметь взгляды ему, жившему в известном обществе, при потребности некоторой деятельности мысли, развивающейся обыкновенно в лета зрелости, было так же необходимо, как иметь шляпу. Если и была причина, почему он предпочитал либеральное направление консервативному, какого держались тоже многие из его круга, то это произошло не оттого, чтоб он находил либеральное направление более разумным, но потому, что оно подходило ближе к его образу жизни. Либеральная партия говорила, что в России всё дурно, и действительно, у Степана Аркадьича долгов было много, а денег решительно не доставало. Либеральная партия говорила, что брак есть отжившее учреждение и что необходимо перестроить его, и действительно, семейная жизнь доставляла мало удовольствия Степану Аркадьичу и принуждала его лгать и притворяться, что было так противно его натуре. Либеральная партия говорила или, лучше, подразумевала, что религия есть только узда для вар-

варской части населения, и действительно, Степан Аркадьич не мог вынести без боли в ногах даже короткого молебна и не мог понять, к чему все эти страшные и высокопарные слова о том свете, когда и на этом жить было бы очень весело. Вместе с этим Степану Аркадьичу, любившему веселую шутку, было приятно иногда озадачить мирного человека тем, что если уже гордиться породой, то не следует останавливаться на Рюрике и отрекаться от первого родоначальника – обезьяны. Итак, либеральное направление сделалось привычкой Степана Аркадьича, и он любил свою газету, как сигару после обеда, за легкий туман, который она производила в его голове. Он прочел руководящую статью, в которой объяснялось, что в наше время совершенно напрасно поднимается вопль о том, будто бы радикализм угрожает поглотить все консервативные элементы и будто бы правительство обязано принять меры для подавления революционной гидры, что, напротив, «по нашему мнению, опасность лежит не в мнимой революционной гидре, а в упорстве традиционности, тормозящей прогресс», и т. д. Он прочел и другую статью, финансовую, в которой упоминалось о Бентаме и Милле и подпущались шпильки министерству. Со свойственной ему быстротою соображения он понимал значение всякой шпильки: от кого и на кого и по какому случаю она была направлена, и это, как всегда, доставляло ему некоторое удовольствие. Но сегодня удовольствие это отравлялось воспоминанием о советах Матрены Филимоновны и о том, что в доме так небла-

гополучно. Он прочел и о том, что граф Бейст, как слышно, проехал в Висбаден, и о том, что нет более седых волос, и о продаже легкой кареты, и предложение молодой особы; но эти сведения не доставляли ему, как прежде, тихого, иронического удовольствия.

Окончив газету, вторую чашку кофе и калач с маслом, он встал, стряхнул крошки калача с жилета и, расправив широкую грудь, радостно улыбнулся, не оттого, чтоб у него на душе было что-нибудь особенно приятное, – радостную улыбку вызвало хорошее пищеварение.

Но эта радостная улыбка сейчас же напомнила ему всё, и он задумался.

Два детские голоса (Степан Аркадьич узнал голоса Гриши, меньшого мальчика, и Тани, старшей девочки) послышались за дверьми. Они что-то везли и уронили.

– Я говорила, что на крышу нельзя сажать пассажиров, – кричала по-английски девочка, – вот подбирай!

«Всё смешалось,—подумал Степан Аркадьич,— вон дети одни бегают». И, подойдя к двери, он кликнул их. Они бросили шкатулку, представлявшую поезд, и вошли к отцу.

Девочка, любимица отца, вбежала смело, обняла его и смеясь повисла у него на шее, как всегда, радуясь на знакомый запах духов, распространившийся от его бакенбард. Поцеловав его наконец в покрасневшее от наклоненного положения и сияющее нежностью лицо, девочка разняла руки и хотела бежать назад; но отец удержал ее.

– Что мама? – спросил он, водя рукой по гладкой, нежной шейке дочери. – Здравствуй, – сказал он, улыбаясь здоровавшемуся мальчику.

Он сознавал, что меньше любил мальчика, и всегда старался быть ровен; но мальчик чувствовал это и не ответил улыбкой на холодную улыбку отца.

– Мама? Встала, – отвечала девочка.

Степан Аркадьич вздохнул. «Значит, опять не спала всю ночь», подумал он.

– Что, она весела?

Девочка знала, что между отцом и матерью была ссора, и что мать не могла быть весела, и что отец должен знать это, и что он притворяется, спрашивая об этом так легко. И она покраснела за отца. Он тотчас же понял это и также покраснел.

– Не знаю, – сказала она. – Она не велела учиться, а велела итти гулять с мисс Гуль к бабушке.

– Ну, иди, Танчурочка моя. Ах да, постой, – сказал он, всё-таки удерживая ее и глядя ее нежную ручку.

Он достал с камина, где вчера поставил, коробочку конфет и дал ей две, выбрав ее любимые, шоколадную и помадную.

– Грише? – сказала девочка, указывая на шоколадную.

– Да, да. – И еще раз погладив ее плечико, он поцеловал ее в корни волос и шею и отпустил ее.

– Карета готова, – сказал Матвей. – Да просительница,–

прибавил он.

– Давно тут? – спросил Степан Аркадьич.

– С полчасика.

– Сколько раз тебе приказано сейчас же докладывать!

– Надо же вам дать хоть кофею откусать, – сказал Матвей тем дружески-грубым тоном, на который нельзя было сердиться.

– Ну, проси же скорее, – сказал Облонский, морщась от досады.

Просительница, штабс-капитанша Калинина, просила о невозможном и бестолковом; но Степан Аркадьич, по своему обыкновению, усадил ее, внимательно, не перебивая, выслушал ее и дал ей подробный совет, к кому и как обратиться, и даже бойко и складно своим крупным, растянутым, красивым и четким почерком написал ей записочку к лицу, которое могло ей пособить. Отпустив штабс-капитаншу, Степан Аркадьич взял шляпу и остановился, припоминая, не забыл ли чего. Оказалось, что он ничего не забыл, кроме того, что хотел забыть, – жену.

«Ах да!» Он опустил голову, и красивое лицо его приняло тоскливое выражение. «Пойти или не пойти?» говорил он себе. И внутренний голос говорил ему, что ходить не надобно, что кроме фальши тут ничего быть не может, что поправить, починить их отношения невозможно, потому что невозможно сделать ее опять привлекательною и возбуждающею любовь или его сделать стариком, неспособным любить. Кроме

фальши и лжи, ничего не могло выйти теперь; а фальшь и ложь были противны его натуре.

«Однако когда-нибудь же нужно; ведь не может же это так остаться», сказал он, стараясь придать себе смелости. Он выпрямил грудь, вынул папироску, закурил, пыхнул два раза, бросил ее в перламутровую раковину-пепельницу, быстрыми шагами прошел мрачную гостиную и отворил другую дверь в спальню жены.

IV.

Дарья Александровна, в кофточке и с пришпиленными на затылке косами уже редких, когда-то густых и прекрасных волос, с осунувшимся, худым лицом и большими, выдававшимися от худобы лица, испуганными глазами, стояла среди разбросанных по комнате вещей пред открытою шифоньеркой, из которой она выбирала что-то. Услыхав шаги мужа, она остановилась, глядя на дверь и тщетно пытаясь придать своему лицу строгое и презрительное выражение. Она чувствовала, что боится его и боится предстоящего свидания. Она только что пыталась сделать то, что пыталась сделать уже десятый раз в эти три дня: отобрать детские и свои вещи, которые она увезет к матери, — и опять не могла на это решиться; но и теперь, как в прежние раза, она говорила себе, что это не может так остаться, что она должна предпринять что-нибудь, наказать, осрамить его, отомстить ему хоть

малою частью той боли, которую он ей сделал. Она всё еще говорила, что уедет от него, но чувствовала, что это невозможно; это было невозможно потому, что она не могла отвыкнуть считать его своим мужем и любить его. Кроме того, она чувствовала, что если здесь, в своем доме, она едва успевала ухаживать за своими пятью детьми, то им будет еще хуже там, куда она поедет со всеми ими. И то в эти три дня меньшей заболел оттого, что его накормили дурным бульоном, а остальные были вчера почти без обеда. Она чувствовала, что уехать невозможно; но, обманывая себя, она всё-таки отбирала вещи и притворялась, что уедет.

Увидав мужа, она опустила руку в ящик шифоньерки, будто отыскивая что-то, и оглянулась на него, только когда он совсем вплоть подошел к ней. Но лицо ее, которому она хотела придать строгое и решительное выражение, выражало потерянность страдание.

– Долли!—сказал он тихим, робким голосом. Он втянул голову в плечи и хотел иметь жалкий и покорный вид, но он всё-таки сиял свежестью и здоровьем.

Она быстрым взглядом оглядела с головы до ног его сияющую свежестью и здоровьем фигуру. «Да, он счастлив и доволен! – подумала она, – а я?... И эта доброта противная, за которую все так любят его и хвалят; я ненавижу эту его доброту», подумала она. Рот ее сжался, мускул щеки затрясся на правой стороне бледного, нервного лица.

– Что вам нужно? – сказала она быстрым, не своим, груд-

НЫМ ГОЛОСОМ.

— Долли! — повторил он с дрожанием в голосе, — Анна приедет сегодня.

— Ну что же мне? Я не могу ее принять! — вскрикнула она.

— Но надо же однако, Долли...

— Уйдите, уйдите, уйдите, — не глядя на него, вскрикнула она, как будто крик этот был вызван физической болью.

Степан Аркадьич мог быть спокоен, когда он думал о жене, мог надеяться, что всё *образуется*, по выражению Матвея, и мог спокойно читать газету и пить кофе; но когда он увидал ее измученное, страдальческое лицо, услышал этот звук голоса, покорный судьбе и отчаянный, ему захватило дыхание, что-то подступило к горлу, и глаза его заблестели слезами.

— Боже мой, что я сделал! Долли! Ради Бога!.. Ведь... — он не мог продолжать, рыдание остановилось у него в горле.

Она захлопнула шифоньерку и взглянула на него.

— Долли, что я могу сказать?... Одно: прости, прости... Вспомни, разве девять лет жизни не могут искупить минуты, минуты...

Она опустила глаза и слушала, ожидая, что он скажет, как будто умоляя его о том, чтобы он как-нибудь разуверил ее.

— Минуты увлечения... — выговорил он и хотел продолжать, но при этом слове, будто от физической боли, опять поджались ее губы и опять запрыгал мускул щеки на правой стороне лица.

– Уйдите, уйдите отсюда! – закричала она еще пронзительнее, – и не говорите мне про ваши увлечения и про ваши мерзости!

Она хотела уйти, но пошатнулась и взялась за спинку стула, чтоб опереться. Лицо его расширилось, губы распухли, глаза налились слезами.

– Долли! – проговорил он, уже всхлипывая. – Ради Бога, подумай о детях, они не виноваты. Я виноват, и накажи меня, вели мне искупить свою вину. Чем я могу, я всё готов! Я виноват, нет слов сказать, как я виноват! Но, Долли, прости!

Она села. Он слышал ее тяжелое, громкое дыхание, и ему было невыразимо жалко ее. Она несколько раз хотела начать говорить, но не могла. Он ждал.

– Ты помнишь детей, чтоб играть с ними, а я помню и знаю, что они погибли теперь, – сказала она видимо одну из фраз, которые она за эти три дня не раз говорила себе.

Она сказала ему «ты», и он с благодарностью взглянул на нее и тронулся, чтобы взять ее руку, но она с отвращением отстранилась от него.

– Я помню про детей и поэтому всё в мире сделала бы, чтобы спасти их; но я сама не знаю, чем я спасу их: тем ли, что увезу от отца, или тем, что оставлю с развратным отцом, – да, с развратным отцом... Ну, скажите, после того... что было, разве возможно нам жить вместе? Разве это возможно? Скажите же, разве это возможно? – повторяла она, возвышая голос. – После того как мой муж, отец моих детей,

входит в любовную связь с гувернанткой своих детей...

— Но что ж делать? Что делать? — говорил он жалким голосом, сам не зная, что он говорит, и всё ниже и ниже опуская голову.

— Вы мне гадки, отвратительны! — закричала она, горячась всё более и более. — Ваши слезы — вода! Вы никогда не любили меня; в вас нет ни сердца, ни благородства! Вы мне мерзки, гадки, чужой, да, чужой совсем! — с болью и злобой произнесла она это ужасное для себя слово *чужой*.

Он поглядел на нее, и злоба, выразившаяся на ее лице, испугала и удивила его. Он не понимал того, что его жалость к ней раздражала ее. Она видела в нем к себе сожаленье, но не любовь. «Нет, она ненавидит меня. Она не простит», подумал он.

— Это ужасно! Ужасно! — проговорил он.

В это время в другой комнате, вероятно упавши, закричал ребенок; Дарья Александровна прислушалась, и лицо ее вдруг смягчилось.

Она, видимо, опоминалась несколько секунд, как бы не зная, где она и что ей делать, и, быстро вставши, тронулась к двери.

«Ведь любит же она моего ребенка, — подумал он, заметив изменение ее лица при крике ребенка, *моего* ребенка; как же она может ненавидеть меня?»

— Долли, еще одно слово, — проговорил он, идя за нею.

— Если вы пойдете за мной, я позову людей, детей! Пускай

все знают, что вы подлец! Я уезжаю нынче, а вы живите здесь с своею любовницей!

И она вышла, хлопнув дверью.

Степан Аркадьич вздохнул, отер лицо и тихими шагами пошел из комнаты. «Матвей говорит: образуется; но как? Я не вижу даже возможности. Ах, ах, какой ужас! И как тривиально она кричала,— говорил он сам себе, вспоминая ее крик и слова: подлец и любовница.— И, может быть, девушки слышали! Ужасно тривиально, ужасно». Степан Аркадьич постоял несколько секунд один, отер глаза, вздохнул и, выпрямив грудь, вышел из комнаты.

Была пятница, и в столовой часовщик Немец заводил часы. Степан Аркадьич вспомнил свою шутку об этом аккуратном плешивом часовщике, что Немец «сам был заведен на всю жизнь, чтобы заводить часы», — и улыбнулся. Степан Аркадьич любил хорошую шутку. «А может быть, и образуется! Хорошо словечко: *образуется*, подумал он. Это надо рассказать».

— Матвей! — крикнул он, — так устрой же всё там с Марьей в диванной для Анны Аркадьевны, — сказал он явившемуся Матвею.

— Слушаю-с.

Степан Аркадьич надел шубу и вышел на крыльцо.

— Кушать дома не будете? — сказал провожавший Матвей.

— Как придется. Да вот возьми на расходы, — сказал он, подавая десять рублей из бумажника. — Довольно будет?

– Довольно ли недовольно, видно обойтись надо, – сказал Матвей, захлопывая дверку и отступая на крыльцо.

Дарья Александровна между тем, успокоив ребенка и по звуку кареты поняв, что он уехал, вернулась опять в спальню. Это было единственное убежище ее от домашних забот, которые обступали ее, как только она выходила. Уже и теперь, в то короткое время, когда она выходила в детскую, Англичанка и Матрена Филимоновна успели сделать ей несколько вопросов, не терпевших отлагательства и на которые она одна могла ответить: что надеть детям на гулянье? давать ли молоко? не послать ли за другим поваром?

– Ах, оставьте, оставьте меня! – сказала она и, вернувшись в спальню, села опять на то же место, где она говорила с мужем, сжав исхудавшие руки с кольцами, спускавшимися с костлявых пальцев, и принялась перебирать в воспоминании весь бывший разговор. «Уехал! Но чем же кончил он *с нею*? – думала она.— Неужели он выдает ее? Зачем я не спросила его? Нет, нет, сойтись нельзя. Если мы и останемся в одном доме – мы чужие. Навсегда чужие! – повторила она опять с особенным значением это страшное для нее слово. – А как я любила, Боже мой, как я любила его!... Как я любила! И теперь разве я не люблю его? Не больше ли, чем прежде, я люблю его? Ужасно, главное, то»... начала она, но не докончила своей мысли, потому что Матрена Филимоновна высунулась из двери.

– Уж прикажите за братом послать, – сказала она, – всё

он изготовит обед; а то, по вчерашнему, до шести часов дети не евши.

— Ну, хорошо, я сейчас выйду и распоряжусь. Да послали ли за свежим молоком?

И Дарья Александровна погрузилась в заботы дня и потопила в них на время свое горе.

V.

Степан Аркадьич в школе учился хорошо, благодаря своим хорошим способностям, но был ленив и шалун и потому вышел из последних; но, несмотря на свою всегда разгульную жизнь, небольшие чины и нестарые годы, он занимал почетное и с хорошим жалованьем место начальника в одном из московских присутствий. Место это он получил чрез мужа сестры Анны, Алексея Александровича Каренина, занимавшего одно из важнейших мест в министерстве, к которому принадлежало присутствие; но если бы Каренин не назначил своего шурина на это место, то чрез сотню других лиц, братьев, сестер, родных, двоюродных, дядей, теток, Стива Облонский получил бы это место или другое подобное, тысяч в шесть жалованья, которые ему были нужны, так как дела его, несмотря на достаточное состояние жены, были расстроены.

Половина Москвы и Петербурга была родня и приятели Степана Аркадьича. Он родился в среде тех людей, которые

были и стали сильными мира сего. Одна треть государственных людей, стариков, были приятелями его отца и знали его в рубашечке; другая треть были с ним на «ты», а третья — были хорошие знакомые; следовательно, раздаватели земных благ в виде мест, аренд, концессий и тому подобного были все ему приятели и не могли обойти своего; и Облонскому не нужно было особенно стараться, чтобы получить выгодное место; нужно было только не отказываться, не завидовать, не ссориться, не обижаться, чего он, по свойственной ему доброте, никогда и не делал. Ему бы смешно показалось, если б ему сказали, что он не получит места с тем жалованьем, которое ему нужно, тем более, что он и не требовал чего-нибудь чрезвычайного; он хотел только того, что получали его сверстники, а исполнять такого рода должность мог он не хуже всякого другого.

Степана Аркадьича не только любили все знавшие его за его добрый, веселый нрав и несомненную честность, но в нем, в его красивой, светлой наружности, блестящих глазах, черных бровях, волосах, белизне и румянце лица, было что-то физически действовавшее дружелюбно и весело на людей, встречавшихся с ним. «Ага! Стива! Облонский! Вот и он!» почти всегда с радостною улыбкой говорили, встречаясь с ним. Если и случалось иногда, что после разговора с ним оказывалось, что ничего особенно радостного не случилось, — на другой день, на третий, опять точно так же все радовались при встрече с ним.

Занимая третий год место начальника одного из присутственных мест в Москве, Степан Аркадьич приобрел, кроме любви, и уважение сослуживцев, подчиненных, начальников и всех, кто имел до него дело. Главные качества Степана Аркадьича, заслужившие ему это общее уважение по службе, состояли, во-первых, в чрезвычайной снисходительности к людям, основанной в нем на сознании своих недостатков; во-вторых, в совершенной либеральности, не той, про которую он вычитал в газетах, но той, что у него была в крови и с которою он совершенно равно и одинаково относился ко всем людям, какого бы состояния и звания они ни были, и в-третьих — главное — в совершенном равнодушии к тому делу, которым он занимался, вследствие чего он никогда не увлекался и не делал ошибок.

Приехав к месту своего служения, Степан Аркадьич, провожаемый почтительным швейцаром с портфелем, прошел в свой маленький кабинет, надел мундир и вошел в присутствие. Писцы и служащие все встали, весело и почтительно кланяясь. Степан Аркадьич поспешно, как всегда, прошел к своему месту, пожал руки членам и сел. Он пошутил и поговорил, ровно сколько это было прилично, и начал занятия. Никто вернее Степана Аркадьича не умел найти ту границу свободы, простоты и официальности, которая нужна для приятного занятия делами. Секретарь весело и почтительно, как и все в присутствии Степана Аркадьича, подошел с бумагами и проговорил тем фамильярно-либеральным тоном,

который введен был Степаном Аркадьичем:

— Мы таки добились сведения из Пензенского губернского правления. Вот, не угодно ли...

— Получили наконец? — проговорил Степан Аркадьич, закладывая пальцем бумагу. — Ну-с, господа... — И присутствие началось.

«Если б они знали,— думал он, с значительным видом склонив голову при слушании доклада, — каким виноватым мальчиком полчаса тому назад был их председатель!» — И глаза его смеялись при чтении доклада. До двух часов занятия должны были идти не прерываясь, а в два часа — перерыв и завтрак.

Еще не было двух часов, когда большие стеклянные двери залы присутствия вдруг отворились, и кто-то вошел. Все члены из-под портрета и из-за зеркала, обрадовавшись развлечению, оглянулись на дверь; но сторож, стоявший у двери, тотчас же изгнал вошедшего и затворил за ним стеклянную дверь.

Когда дело было прочтено, Степан Аркадьич встал потянувшись и, отдавая дань либеральности времени, в присутствии достал папироску и пошел в свой кабинет. Два товарища его, старый служака Никитин и камер-юнкер Гриневич, вышли с ним.

— После завтрака успеем кончить, — сказал Степан Аркадьич.

— Как еще успеем! — сказал Никитин.

— А плут порядочный должен быть этот Фомин, — сказал Гриневич об одном из лиц, участвовавших в деле, которое они разбирали.

Степан Аркадьич поморщился на слова Гриневича, давая этим чувствовать, что неприлично преждевременно составлять суждение, и ничего ему не ответил.

— Кто это входил? — спросил он у сторожа.

— Какой-то, ваше превосходительство, без спросу влез, только я отвернулся. Вас спрашивали. Я говорю: когда выйдут члены, тогда...

— Где он?

— Нешто вышел в сени, а то всё тут ходил. Этот самый, — сказал сторож, указывая на сильно сложенного широкоплечего человека с курчавою бородой, который, не снимая бараньей шапки, быстро и легко взбегал вверх по стертым ступенькам каменной лестницы. Один из сходявших вниз с портфелем худощавый чиновник, приостановившись, неодобрительно посмотрел на ноги бегущего и потом вопросительно взглянул на Облонского.

Степан Аркадьич стоял над лестницей. Добродушно сияющее лицо его из-за шитого воротника мундира просияло еще более, когда он узнал вбегавшего.

— Так и есть! Левин, наконец! — проговорил он с дружескою, насмешливою улыбкой, оглядывая подходившего к нему Левина. — Как это ты не побрезгал найти меня в этом *вертене*? — сказал Степан Аркадьич, не довольствуясь пожа-

тием руки и целуя своего приятеля. — Давно ли?

— Я сейчас приехал, и очень хотелось тебя видеть, — отвечал Левин, застенчиво и вместе с тем сердито и беспокойно оглядываясь вокруг.

— Ну, пойдем в кабинет, — сказал Степан Аркадьич, знавший самолюбивую и озлобленную застенчивость своего приятеля; и, схватив его за руку, он повлек его за собой, как будто проводя между опасностями.

Степан Аркадьич был на «ты» почти со всеми своими знакомыми: со стариками шестидесяти лет, с мальчиками двадцати лет, с актерами, с министрами, с купцами и с генерал-адъютантами, так что очень многие из бывших с ним на «ты» находились на двух крайних пунктах общественной лестницы и очень бы удивились, узнав, что имеют через Облонского что-нибудь общее. Он был на «ты» со всеми, с кем пил шампанское, а пил он шампанское со всеми, и поэтому, в присутствии своих подчиненных встречаясь с своими *постыдными* «ты», как он называл шутя многих из своих приятелей, он, со свойственным ему тактом, умел уменьшать неприятность этого впечатления для подчиненных. Левин не был постыдный «ты», но Облонский с своим тактом почувствовал, что Левин думает, что он пред подчиненными может не желать выказать свою близость с ним и потому поторопился увести его в кабинет.

Левин был почти одних лет с Облонским и с ним на «ты» не по одному шампанскому. Левин был его товарищем и дру-

гом первой молодости. Они любили друг друга, несмотря на различие характеров и вкусов, как любят друг друга приятели, сошедшиеся в первой молодости. Но, несмотря на это, как часто бывает между людьми, избравшими различные роды деятельности, каждый из них, хотя, рассуждая, и оправдывал деятельность другого, в душе презирал ее. Каждому казалось, что та жизнь, которую он сам ведет, есть одна настоящая жизнь, а которую ведет приятель – есть только призрак. Облонский не мог удержать легкой насмешливой улыбки при виде Левина. Уж который раз он видел его приезжавшим в Москву из деревни, где он что-то делал, но что именно, того Степан Аркадьич никогда не мог понять хорошенько, да и не интересовался. Левин приезжал в Москву всегда взволнованный, торопливый, немножко стесненный и раздраженный этою стесненностью и большею частью с совершенно-новым, неожиданным взглядом на вещи. Степан Аркадьич смеялся над этим и любил это. Точно так же и Левин в душе презирал и городской образ жизни своего приятеля и его службу, которую считал пустяками, и смеялся над этим. Но разница была в том, что Облонский, делая, что все делают, смеялся самоуверенно и добродушно, а Левин не самоуверенно и иногда сердито.

– Мы тебя давно ждали, – сказал Степан Аркадьич, войдя в кабинет и выпустив руку Левина, как бы этим показывая, что тут опасности кончились. – Очень, очень рад тебя видеть, – продолжал он. – Ну, что ты? Как? Когда приехал?

Левин молчал, поглядывая на незнакомые ему лица двух товарищей Облонского и в особенности на руку элегантно-го Гриневича, с такими белыми длинными пальцами, с такими длинными, желтыми, загибавшимися в конце ногтями и такими огромными блестящими запонками на рубашке, что эти руки, видимо, поглощали всё его внимание и не давали ему свободы мысли. Облонский тотчас заметил это и улыбнулся.

– Ах да, позвольте вас познакомить, – сказал он. – Мои товарищи: Филипп Иваныч Никитин, Михаил Станиславич Гриневич, – и обратившись к Левину: – земский деятель, новый, земский человек, гимнаст, поднимающий одною рукой пять пудов, скотовод и охотник и мой друг, Константин Дмитрич Левин, брат Сергея Иваныча Кознышева.

– Очень приятно, – сказал старичок.

– Имею честь знать вашего брата, Сергея Иваныча, – сказал Гриневич, подавая свою тонкую руку с длинными ногтями.

Левин нахмурился, холодно пожал руку и тотчас же обратился к Облонскому. Хотя он имел большое уважение к своему, известному всей России, одноутробному брату писателю, однако он терпеть не мог, когда к нему обращались не как к Константину Левину, а как к брату знаменитого Кознышева.

– Нет, я уже не земский деятель. Я со всеми разбранился и не езжу больше на собрания, – сказал он, обращаясь к Об-

лонскому.

– Скоро же! – с улыбкой сказал Облонский. – Но как? отчего?

– Длинная история. Я расскажу когда-нибудь, – сказал Левин, но сейчас же стал рассказывать. – Ну, коротко сказать, я убедился, что никакой земской деятельности нет и быть не может, – заговорил он, как будто кто-то сейчас обидел его, – с одной стороны игрушка, играют в парламент, а я ни достаточно молод, ни достаточно стар, чтобы забавляться игрушками; а с другой (он заикнулся) стороны, это – средство для уездной coterie² наживать деньжонки. Прежде были опеки, суды, а теперь земство, не в виде взяток, а в виде незаслуженного жалованья, – говорил он так горячо, как будто кто-нибудь из присутствовавших оспаривал его мнение.

– Эге! Да ты, я вижу, опять в новой фазе, в консервативной, – сказал Степан Аркадьич. – Но, впрочем, после об этом.

– Да, после. Но мне нужно было тебя видеть, – сказал Левин, с ненавистью вглядываясь в руку Гриневича.

Степан Аркадьич чуть заметно улынулся.

– Как же ты говорил, что никогда больше не наденешь европейского платья? – сказал он, оглядывая его новое, очевидно от французского портного, платье. – Так! я вижу: новая фаза.

Левин вдруг покраснел, но не так, как краснеют взрослые

---

² [партии]

люди, — слегка, сами того не замечая, но так, как краснеют мальчишки, — чувствуя, что они смешны своей застенчивостью и вследствие того стыдась и краснея еще больше, почти до слез. И так странно было видеть это умное, мужественное лицо в таком детском состоянии, что Облонский перестал смотреть на него.

— Да где ж увидимся? Ведь мне очень, очень нужно поговорить с тобою, — сказал Левин.

Облонский как будто задумался:

— Вот что: поедем к Гурину завтракать и там поговорим. До трех я свободен.

— Нет, — подумав, отвечал Левин, — мне еще надо съездить.

— Ну, хорошо, так обедать вместе.

— Обедать? Да мне ведь ничего особенного, только два слова сказать, спросить, а после потолкуем.

— Так сейчас и скажи два слова, а беседовать за обедом.

— Два слова вот какие, — сказал Левин, — впрочем, ничего особенного.

Лицо его вдруг приняло злое выражение, происходившее от усилия преодолеть свою застенчивость.

— Что Щербацкие делают? Всё по старому? — сказал он.

Степан Аркадьич, знавший уже давно, что Левин был влюблен в его свояченицу Кити, чуть заметно улыбнулся, и глаза его весело заблестели.

— Ты сказал, два слова, а я в двух словах ответить не могу, потому что... Извини на минутку...

Вошел секретарь, с фамильярной почтительностью и некоторым, общим всем секретарям, скромным сознанием своего превосходства пред начальником в знании дел, подошел с бумагами к Облонскому и стал, под видом вопроса, объяснять какое-то затруднение. Степан Аркадьич, не дослушав, положил ласково свою руку на рукав секретаря.

– Нет, вы уж так сделайте, как я говорил, – сказал он, улыбкой смягчая замечание, и, кратко объяснив, как он понимает дело, отодвинул бумаги и сказал: – Так и сделайте, пожалуйста, так, Захар Никитич.

Сконфуженный секретарь удалился. Левин, во время совещания с секретарем совершенно оправившись от своего смущения, стоял, облокотившись обеими руками на стул, и на лице его было насмешливое внимание.

– Не понимаю, не понимаю, – сказал он.

– Чего ты не понимаешь? – так же весело улыбаясь и доставая папироску, сказал Облонский. Он ждал от Левина какой-нибудь странной выходки.

– Не понимаю, что вы делаете, – сказал Левин, пожимая плечами. – Как ты можешь это серьезно делать?

– Отчего?

– Да оттого, что нечего делать.

– Ты так думаешь, но мы завалены делом.

– Бумажным. Ну да, у тебя дар к этому, – прибавил Левин.

– То есть, ты думаешь, что у меня есть недостаток чего-то?

– Может быть, и да, – сказал Левин. – Но всё-таки я лю-

буюсь на твоё величие и горжусь, что у меня друг такой великий человек. Однако ты мне не ответил на мой вопрос, — прибавил он, с отчаянным усилием прямо глядя в глаза Облонскому.

— Ну, хорошо, хорошо. Погоди ещё, и ты придёшь к этому. Хорошо, как у тебя три тысячи десятин в Каразинском уезде, да такие мускулы, да свежесть, как у двенадцатилетней девочки, — а придёшь и ты к нам. Да, так о том, что ты спрашивал: перемены нет, но жаль, что ты так давно не был.

— А что? — испуганно спросил Левин.

— Да ничего, — отвечал Облонский. Мы поговорим. Да ты зачем собственно приехал?

— Ах, об этом тоже поговорим после, — опять до ушей покраснев, сказал Левин.

— Ну, хорошо. Понято, — сказал Степан Аркадьич. — Так видишь ли: я бы позвал тебя к себе, но жена не совсем здорова. А вот что: если ты хочешь их видеть, они, наверное, нынче в Зоологическом Саду от четырёх до пяти. Кити на коньках катается. Ты поезжай туда, а я заеду, и вместе куда-нибудь обедать.

— Прекрасно, до свидания же.

— Смотри же, ты ведь, я тебя знаю, забудешь или вдруг уедешь в деревню! — смеясь прокричал Степан Аркадьич.

— Нет, верно.

И, вспомнив о том, что он забыл поклониться товарищам Облонского, только когда он был уже в дверях, Левин вышел

из кабинета.

– Должно быть, очень энергический господин, – сказал Гриневич, когда Левин вышел.

– Да, батюшка, – сказал Степан Аркадьич, покачивая головой, – вот счастливец! Три тысячи десятин в Каразинском уезде, всё впереди, и свежести сколько! Не то что наш брат.

– Что ж вы-то жалуетесь, Степан Аркадьич?

– Да скверно, плохо, – сказал Степан Аркадьич, тяжело вздохнув.

VI.

Когда Облонский спросил у Левина, зачем он собственно приехал, Левин покраснел и рассердился на себя за то, что покраснел, потому что он не мог ответить ему: «я приехал сделать предложение твоей свояченице», хотя он приехал только за этим.

Домà Левиных и Щербацких были старые дворянские московские домà и всегда были между собою в близких и дружеских отношениях. Связь эта утвердилась еще больше во время студенчества Левина. Он вместе готовился и вместе поступил в университет с молодым князем Щербацким, братом Долли и Кити. В это время Левин часто бывал в доме Щербацких и влюбился в дом Щербацких. Как это ни странно может показаться, но Константин Левин был влюблен именно в дом, в семью, в особенности в женскую поло-

вину семьи Щербацких. Сам Левин не помнил своей матери, и единственная сестра его была старше его, так что в доме Щербацких он в первый раз увидел ту самую среду старого дворянского, образованного и честного семейства, которой он был лишен смертью отца и матери. Все члены этой семьи, в особенности женская половина, представлялись ему покрытыми какою-то таинственной, поэтической завесой, и он не только не видел в них никаких недостатков, но под этою поэтичекою, покрывавшею их, завесой предполагал самые возвышенные чувства и всевозможные совершенства. Для чего этим трем барышням нужно было говорить через день по-французски и по-английски; для чего они в известные часы играли попеременно на фортепиано, звуки которого слышались у брата наверху, где занимались студенты; для чего ездили эти учителя французской литературы, музыки, рисованья, танцев; для чего в известные часы все три барышни с M-lle Linon подъезжали в коляске к Тверскому бульвару в своих атласных шубках – Долли в длинной, Натальи в полудлинной, а Кити в совершенно короткой, так что статные ножки ее в туго-натянутых красных чулках были на всем виду; для чего им, в сопровождении лакея с золотою кокардой на шляпе, нужно было ходить по Тверскому бульвару, – всего этого и многого другого, что делалось в их таинственном мире, он не понимал, но знал, что всё, что там делалось, было прекрасно, и был влюблен именно в эту таинственность совершавшегося.

Во время своего студенчества он чуть-было не влюбился в старшую, Долли, но ее вскоре выдали замуж за Облонского. Потом он начал влюбляться во вторую. Он как будто чувствовал, что ему надо влюбиться в одну из сестер, только не мог разобрать, в какую именно. Но и Натали, только что показавшись в свет, вышла замуж за дипломата Львова. Кити еще была ребенок, когда Левин вышел из университета. Молодой Щербацкий, поступив во флот, утонул в Балтийском море, и сношения Левина с Щербацкими, несмотря на дружбу его с Облонским, стали более редки. Но когда в нынешнем году, в начале зимы, Левин приехал в Москву после года в деревне и увидал Щербацких, он понял, в кого из трех ему действительно суждено было влюбиться.

Казалось бы, ничего не могло быть проще того, чтобы ему, хорошей породы, скорее богатому, чем бедному человеку, тридцати двух лет, сделать предложение княжне Щербацкой; по всем вероятностям, его тотчас признали бы хорошою партией. Но Левин был влюблен, и поэтому ему казалось, что Кити была такое совершенство во всех отношениях, такое существо превыше всего земного, а он такое земное низменное существо, что не могло быть и мысли о том, чтобы другие и она сама признали его достойным ее.

Пробыв в Москве, как в чадy, два месяца, почти каждый день видаясь с Кити в свете, куда он стал ездить, чтобы встречаться с нею, Левин внезапно решил, что этого не может быть, и уехал в деревню.

Убеждение Левина в том, что этого не может быть, основывалось на том, что в глазах родных он невыгодная, недостойная партия для прелестной Кити, а сама Кити не может любить его. В глазах родных он не имел никакой привычной, определенной деятельности и положения в свете, тогда как его товарищи теперь, когда ему было тридцать два года, были уже – который полковник и флигель-адъютант, который профессор, который директор банка и железных дорог или председатель присутствия, как Облонский; он же (он знал очень хорошо, каким он должен был казаться для других) был помещик, занимающийся разведением коров, стрельни-ем дупелей и постройками, то есть бездарный малый, из которого ничего не вышло, и делающий, по понятиям общества, то самое, что делают никуда негодившиеся люди.

Сама же таинственная прелестная Кити не могла любить такого некрасивого, каким он считал себя, человека и, главное, такого простого, ничем не выдающегося человека. Кроме того, его прежние отношения к Кити – отношения взрослого к ребенку, вследствие дружбы с ее братом, – казались ему еще новою преградой для любви. Некрасивого, доброго человека, каким он себя считал, можно, полагал он, любить как приятеля, но чтобы быть любимым тою любовью, какою он сам любил Кити, нужно было быть красавцем, а главное – особенным человеком.

Слышал он, что женщины часто любят некрасивых, простых людей, но не верил этому, потому что судил по себе,

так как сам он мог любить только красивых, таинственных и особенных женщин.

Но, пробыв два месяца один в деревне, он убедился, что это не было одно из тех влюблений, которые он испытывал в первой молодости; что чувство это не давало ему минуты покоя; что он не мог жить, не решив вопроса: будет или не будет она его женой; и что его отчаяние происходило только от его воображения, что он не имеет никаких доказательств в том, что ему будет отказано. И он приехал теперь в Москву с твердым решением сделать предложение и жениться, если его примут. Или... он не мог думать о том, что с ним будет, если ему откажут.

VII.

Приехав с утренним поездом в Москву, Левин остановился у своего старшего брата по матери Кознышева и, переодевшись, вошел к нему в кабинет, намереваясь тотчас же рассказать ему, для чего он приехал, и просить его совета; но брат был не один. У него сидел известный профессор философии, приехавший из Харькова собственно затем, чтобы разъяснить недоразумение, возникшее между ними по весьма важному философскому вопросу. Профессор вел жаркую полемику против материалистов, а Сергей Кознышев с интересом следил за этою полемикой и, прочтя последнюю статью профессора, написал ему в письме свои возражения; он

упрекал профессора за слишком большие уступки материалистам. И профессор тотчас же приехал, чтобы столковать-ся. Речь шла о модном вопросе: есть ли граница между психическими и физиологическими явлениями в деятельности человека и где она?

Сергей Иванович встретил брата своею обычною для всех, ласково-холодною улыбкой и, познакомив его с профессором, продолжал разговор.

Маленький, желтый человечек в очках, с узким лбом, на мгновение отвлекся от разговора, чтобы поздороваться, и продолжал речь, не обращая внимания на Левина. Левин сел в ожидании, когда уедет профессор, но скоро заинтересовался предметом разговора.

Левин встречал в журналах статьи, о которых шла речь, и читал их, интересуясь ими, как развитием знакомых ему, как естественнику по университету, основ естествознания, но никогда не сближал этих научных выводов о происхождении человека как животного, о рефлексах, о биологии и социологии, с теми вопросами о значении жизни и смерти для себя самого, которые в последнее время чаще и чаще приходили ему на ум.

Слушая разговор брата с профессором, он замечал, что они связывали научные вопросы с душевными, несколько раз почти подходили к этим вопросам, но каждый раз, как только они подходили близко к самому главному, как ему казалось, они тотчас же поспешно отдалялись и опять углуб-

лялись в область тонких подразделений, оговорок, цитат, намеков, ссылок на авторитеты, и он с трудом понимал, о чем речь.

– Я не могу допустить, – сказал Сергей Иванович с обычной ему ясностью и отчетливостью выражения и изяществом дикции, – я не могу ни в каком случае согласиться с Кейсом, чтобы всё мое представление о внешнем мире вытекало из впечатлений. Самое основное понятие *бытия* получено мною не чрез ощущение, ибо нет и специального органа для передачи этого понятия.

– Да, но они, Вурст, и Кнауст, и Припасов, ответят вам, что ваше сознание бытия вытекает из совокупности всех ощущений, что это сознание бытия есть результат ощущений, Вурст даже прямо говорит, что, коль скоро нет ощущения, нет и понятия бытия.

– Я скажу наоборот, – начал Сергей Иванович...

Но тут Левину опять показалось, что они, подойдя к самому главному, опять отходят, и он решился предложить профессору вопрос.

– Стало быть, если чувства мои уничтожены, если тело мое умрет, существования никакого уж не может быть? – спросил он.

Профессор с досадой и как будто умственной болью от перерыва оглянулся на странного вопрошателя, похожего более на бурлака, чем на философа, и перенес глаза на Сергея Ивановича, как бы спрашивая: что ж тут говорить? Но

Сергей Иванович, который далеко не с тем усилием и одно-сторонностью говорил, как профессор, и у которого в голове оставался простор для того, чтоб и отвечать профессору и вместе понимать ту простую и естественную точку зрения, с которой был сделан вопрос, улыбнулся и сказал:

— Этот вопрос мы не имеем еще права решать...

— Не имеем данных, — подтвердил профессор и продолжал свои доводы. — Нет, — говорил он, — я указываю на то, что если, как прямо говорит Припасов, ощущение и имеет своим основанием впечатление, то мы должны строго различать эти два понятия.

Левин не слушал больше и ждал, когда уедет профессор.

VIII.

Когда профессор уехал, Сергей Иванович обратился к брату.

— Очень рад, что ты приехал. Надолго? Что хозяйство?

Левин знал, что хозяйство мало интересует старшего брата и что он, только делая ему уступку, спросил его об этом, и потому ответил только о продаже пшеницы и деньгах.

Левин хотел сказать брату о своем намерении жениться и спросить его совета, он даже твердо решился на это; но когда он увидел брата, послушал его разговора с профессором, когда услышал потом этот невольнo покровительственный тон, с которым брат расспрашивал его о хозяйственных

делах (материнское имение их было неделимое, и Левин заведывал обеими частями), Левин почувствовал, что не может почему-то начать говорить с братом о своем решении жениться. Он чувствовал, что брат его не так, как ему бы хотелось, посмотрит на это.

— Ну, что у вас земство, как? — спросил Сергей Иванович, который очень интересовался земством и приписывал ему большое значение.

— А право не знаю...

— Как? Ведь ты член управы?

— Нет, уж не член; я вышел, — отвечал Константин Левин, — и не езжу больше на собрания.

— Жалко! — промолвил Сергей Иванович нахмурившись.

Левин в оправдание стал рассказывать, что делалось на собраниях в его уезде.

— Вот это всегда так! — перебил его Сергей Иванович. — Мы, Русские, всегда так. Может быть, это и хорошая наша черта — способность видеть свои недостатки, но мы пересаливаем, мы утешаемся иронией, которая у нас всегда готова на языке. Я скажу тебе только, что дай эти же права, как наши земские учреждения, другому европейскому народу, — Немцы и Англичане выработали бы из них свободу, а мы вот только смеемся.

— Но что же делать? — виновато сказал Левин. — Это был мой последний опыт. И я от всей души пытался. Не могу. Неспособен.

– Не неспособен, – сказал Сергей Иванович, – ты не так смотришь на дело.

– Может быть, – уныло отвечал Левин.

– А ты знаешь, брат Николай опять тут.

Брат Николай был родной и старший брат Константина Левина и одноутробный брат Сергея Ивановича, погибший человек, промотавший большую долю своего состояния, вращавшийся в самом странном и дурном обществе и поссорившийся с братьями.

– Что ты говоришь? – с ужасом вскрикнул Левин. – Почему ты знаешь?

– Прокофий видел его на улице.

– Здесь в Москве? Где он? Ты знаешь? – Левин встал со стула, как бы собираясь тотчас же идти.

– Я жалею, что сказал тебе это, – сказал Сергей Иванович, покачивая головой на волнение меньшого брата. – Я посылал узнать, где он живет, и послал ему вексель его Трубину, по которому я заплатил. Вот что он мне ответил.

И Сергей Иванович подал брату записку из-под преспапье.

Левин прочел написанное странным, родным ему почерком: «Прошу покорно оставить меня в покое. Это одно, чего я требую от своих любезных братьев. Николай Левин».

Левин прочел это и, не поднимая головы, с запиской в руках стоял перед Сергеем Ивановичем.

В душе его боролись желание забыть теперь о несчастном

брате и сознание того, что это будет дурно.

— Он, очевидно, хочет оскорбить меня, — продолжал Сергей Иванович, — но оскорбить меня он не может, и я всей душой желал бы помочь ему, но знаю, что этого нельзя сделать.

— Да, да, — повторял Левин. — Я понимаю и ценю твое отношение к нему; но я поеду к нему.

— Если тебе хочется, съезди, но я не советую, — сказал Сергей Иванович. — То есть, в отношении ко мне, я этого не боюсь, он тебя не поссорит со мной; но для тебя, я советую тебе лучше не ездить. Помочь нельзя. Впрочем, делай как хочешь.

— Может быть, и нельзя помочь, но я чувствую, особенно в эту минуту — ну да это другое — я чувствую, что я не могу быть спокоен.

— Ну, этого я не понимаю, — сказал Сергей Иванович. — Одно я понимаю, — прибавил он, — это урок смирения. Я иначе и снисходительнее стал смотреть на то, что называется подлостью, после того как брат Николай стал тем, что он есть... Ты знаешь, что он сделал...

— Ах, это ужасно, ужасно! — повторял Левин.

Получив от лакея Сергея Ивановича адрес брата, Левин тотчас же собрался ехать к нему, но, обдумав, решил отложить свою поездку до вечера. Прежде всего, для того чтобы иметь душевное спокойствие, надо было решить то дело, для которого он приехал в Москву. От брата Левин поехал в присутствие Облонского и, узнав о Щербацких, поехал туда,

где ему сказали, что он может застать Кити.

IX.

В 4 часа, чувствуя свое бьющееся сердце, Левин слез с извозчика у Зоологического Сада и пошел дорожкой к горам и катку, наверное зная, что найдет ее там, потому что видел карету Щербацких у подъезда.

Был ясный морозный день. У подъезда рядами стояли кареты, сани, ваньки, жандармы. Чистый народ, блестя на ярком солнце шляпами, кишел у входа и по расчищенным дорожкам, между русскими домиками с резными князьками; старые кудрявые березы сада, обвисшие всеми ветвями от снега, казалось, были разубраны в новые торжественные ризы.

Он шел по дорожке к катку и говорил себе: Надо не волноваться, надо успокоиться. О чем ты? Чего ты? Молчи, глупое», обращался он к своему сердцу. И чем больше он старался себя успокоить, тем всё хуже захватывало ему дыхание. Знакомый встретился и окликнул его, но Левин даже не узнал, кто это был. Он подошел к горам, на которых гремели цепи спускаемых и поднимаемых салазок, грохотали катившиеся салазки и звучали веселые голоса. Он прошел еще несколько шагов, и пред ним открылся каток, и тотчас же среди всех катавшихся он узнал ее.

Он узнал, что она тут, по радости и страху, охватившим

его сердце. Она стояла, разговаривая с дамой, на противоположном конце катка. Ничего, казалось, не было особенного ни в ее одежде, ни в ее позе; но для Левина так же легко было узнать ее в этой толпе, как розан в крапиве. Всё освещалось ею. Она была улыбка, озарявшая всё вокруг. «Неужели я могу сойти туда на лед, подойти к ней?» подумал он. Место, где она была, показалось ему недоступною святыней, и была минута, что он чуть не ушел: так страшно ему стало. Ему нужно было сделать усилие над собой и рассудить, что около нее ходят всякого рода люди, что и сам он мог прийти туда кататься на коньках. Он сошел вниз, избегая подолгу смотреть на нее, как на солнце, но он видел ее, как солнце, и не глядя.

На льду собирались в этот день недели и в эту пору дня люди одного кружка, все знакомые между собою. Были тут и мастера кататься, щеголявшие искусством, и учившиеся за креслами, с робкими неловкими движениями, и мальчики, и старые люди, катавшиеся для гигиенических целей; все казались Левину избранными счастливыми, потому что они были тут, вблизи от нее. Все катавшиеся, казалось, совершенно равнодушно обгоняли, догоняли ее, даже говорили с ней и совершенно независимо от нее веселились, пользуясь отличным льдом и хорошою погодой.

Николай Щербацкий, двоюродный брат Кити, в коротенькой жакетке и узких панталонах, сидел с коньками на ногах на скамейке и, увидав Левина, закричал ему:

— А, первый русский конькобежец! Давно ли? Отличный лед, надевайте же коньки.

— У меня и коньков нет, — отвечал Левин, удивляясь этой смелости и развязности в ее присутствии и ни на секунду не теряя ее из вида, хотя и не глядел на нее. Он чувствовал, что солнце приближалось к нему. Она была на угле и, тупо поставив узкие ножки в высоких ботинках, видимо робея, катилась к нему. Отчаянно махавший руками и пригибавшийся к земле мальчик в русском платье обгонял ее. Она катилась не совсем твердо; вынув руки из маленькой муфты, висевшей о на шнурке, она держала их наготове и, глядя на Левина, которого она узнала, улыбалась ему и своему страху. Когда поворот кончился, она дала себе толчок упругою ножкой и подкатилась прямо к Щербацкому; и, ухватившись за него рукой, улыбаясь кивнула Левину. Она была прекраснее, чем он воображал ее.

Когда он думал о ней, он мог себе живо представить ее всю, в особенности прелесть этой, с выражением детской ясности и доброты, небольшой белокурой головки, так свободно поставленной на статных девичьих плечах. Детскость выражения ее лица в соединении с тонкой красотой стана составляли ее особенную прелесть, которую он хорошо помнил: но, что всегда, как неожиданность, поражало в ней, это было выражение ее глаз, кротких, спокойных и правдивых, и в особенности ее улыбка, всегда переносившая Левина в волшебный мир, где он чувствовал себя умиленным и смяг-

ченным, каким он мог запомнить себя в редкие дни своего раннего детства.

– Давно ли вы здесь? – сказала она, подавая ему руку. – Благодарствуйте, – прибавила она, когда он поднял платок, выпавший из ее муфты.

– Я? я недавно, я вчера... нынче то есть... приехал, – отвечал Левин, не вдруг от волнения поняв ее вопрос. – Я хотел к вам ехать, – сказал он и тотчас же, вспомнив, с каким намерением он искал ее, смутился и покраснел. – Я не знал, что вы катаетесь на коньках, и прекрасно катаетесь.

Она внимательно посмотрела на него, как бы желая понять причину его смущения.

– Вашу похвалу надо ценить. Здесь сохранились предания, что вы лучший конькобежец, – сказала она, стряхивая маленькую ручкой в черной перчатке иглы иная, упавшие на муфту.

– Да, я когда-то со страстью катался; мне хотелось дойти до совершенства.

– Вы всё, кажется, делаете со страстью, – сказала она улыбаясь. – Мне так хочется посмотреть, как вы катаетесь. Надейте же коньки, и давайте кататься вместе.

«Кататься вместе! Неужели это возможно?» думал Левин, глядя на нее.

– Сейчас надену, – сказал он.

И он пошел надевать коньки.

– Давно не бывали у нас, сударь, – говорил катальщик,

поддерживая ногу и навинчивая каблук. – После вас никого из господ мастеров нету. Хорошо ли так будет? – говорил он, натягивая ремень.

– Хорошо, хорошо, поскорей, пожалуйста, – отвечал Левин, с трудом удерживая улыбку счастья, выступавшую невольно на его лице. «Да, – думал он, – вот это жизнь, вот это счастье! *Вместе*, сказала она, *давайте кататься вместе*. Сказать ей теперь? Но ведь я оттого и боюсь сказать, что теперь я счастлив, счастлив хоть надеждой... А тогда?... Но надо же! надо, надо! Прочь слабость!»

Левин стал на ноги, снял пальто и, разбежавшись по шершавому у домика льду, выбежал на гладкий лед и покатился без усилия, как будто одною своею волей убыстряя, укорачивая и направляя бег. Он приблизился к ней с робостью, но опять ее улыбка успокоила его.

Она подала ему руку, и они пошли рядом, прибавляя хода, и, чем быстрее, тем крепче она сжимала его руку.

– С вами я бы скорее выучилась, я почему-то уверена в вас, – сказала она ему.

– И я уверен в себе, когда вы опираетесь на меня, – сказал он, но тотчас же испугался того, что сказал, и покраснел. И действительно, как только он произнес эти слова, вдруг, как солнце зашло за тучи, лицо ее утратило всю свою ласковость, и Левин узнал знакомую игру ее лица, означавшую усилие мысли: на гладком лбу ее вспухла морщинка.

– У вас нет ничего неприятного? Впрочем, я не имею пра-

ва спрашивать, – быстро проговорил он.

– Отчего же?... Нет, у меня ничего нет неприятного, – отвечала она холодно и тотчас же прибавила: – Вы не видели M-lle Linon?

– Нет еще.

– Подите к ней, она так вас любит.

«Что это? Я огорчил ее. Господи, помоги мне!» подумал Левин и побежал к старой Француженке с седыми букольками, сидевшей на скамейке. Улыбаясь и выставляя свои фальшивые зубы, она встретила его, как старого друга.

– Да, вот растем, – сказала она ему, указывая главами на Кити, – и стареем. Tiny bear³ уже стал большой! – продолжала Француженка смеясь и напомнила ему его шутку о трех барышнях, которых он называл тремя медведями из английской сказки. – Помните, вы бывало так говорили?

Он решительно не помнил этого, но она уже лет десять смеялась этой шутке и любила ее.

– Ну, идите, идите кататься. А хорошо стала кататься наша Кити, не правда ли?

Когда Левин опять подбежал к Кити, лицо ее уже было не строго, глаза смотрели так же правдиво и ласково, но Левину показалось, что в ласковости ее был особенный, умышленно-спокойный тон. И ему стало грустно. Поговорив о своей старой гувернантке, о ее странностях, она спросила его о его жизни.

---

³ [Медвежонок]

– Неужели вам не скучно зимою в деревне? – сказала она.

– Нет, не скучно, я очень занят, – сказал он, чувствуя, что она подчиняет его своему спокойному тону, из которого он не в силах будет выйти, так же, как это было в начале зимы.

– Вы надолго приехали? – спросила его Кити.

– Я не знаю, – отвечал он, не думая о том, что говорит. Мысль о том, что если он поддастся этому ее тону спокойной дружбы, то он опять уедет ничего не решив, пришла ему, и он решился возмутиться.

– Как не знаете?

– Не знаю. Это от вас зависит, – сказал он и тотчас же ужаснулся своим словам.

Не слыхала ли она его слов или не хотела слышать, но она как бы спотыкнулась, два раза стукнув ножкой, и поспешно покатила прочь от него. Она подкатилась к M-lle Linon, что-то сказала ей и направилась к домику, где дамы снимали коньки.

«Боже мой, что я сделал! Господи Боже мой! Помоги мне, научи меня», говорил Левин, молясь и вместе с тем чувствуя потребность сильного движения, разбегаясь и выписывая внешние и внутренние круги.

В это время один из молодых людей, лучший из новых конькобежцев, с папироской во рту, в коньках, вышел из кофейной и, разбежавшись, пустился на коньках вниз по ступеням, громыхая и подпрыгивая. Он влетел вниз и, не изменив даже свободного положения рук, покатился по льду.

– Ах, это новая штука! – сказал Левин и тотчас же побежал наверх, чтобы сделать эту новую штуку.

– Не убейтесь, надо привычку! – крикнул ему Николай Щербацкий.

Левин вошел на приступки, разбежался сверху сколько мог и пустился вниз, удерживая в непривычном движении равновесие руками. На последней ступени он зацепился, но, чуть дотронувшись до льда рукой, сделал сильное движение, справился и смеясь покатился дальше.

«Славный, милый», подумала Кити в это время, выходя из домика с M-1 le Linon и глядя на него с улыбкой тихой ласки, как на любимого брата. «И неужели я виновата, неужели я сделала что-нибудь дурное? Они говорят: кокетство. Я знаю, что я люблю не его; но мне всё-таки весело с ним, и он такой славный. Только зачем он это сказал?...» думала она.

Увидав уходившую Кити и мать, встречавшую ее на ступеньках, Левин, раскрасневшийся после быстрого движения, остановился и задумался. Он снял коньки и догнал у выхода сада мать с дочерью.

– Очень рада вас видеть, – сказала княгиня. – Четверги, как всегда, мы принимаем.

– Стало быть, нынче?

– Очень рады будем видеть вас, – сухо сказала княгиня.

Сухость эта огорчила Кити, и она не могла удержаться от желания заглядить холодность матери. Она повернула голову и с улыбкой проговорила:

– До свидания.

В это время Степан Аркадьич, со шляпой на боку, блестя лицом и глазами, веселым победителем входил в сад. Но, подойдя к теще, он с грустным, виноватым лицом отвечал на ее вопросы о здоровье Долли. Поговорив тихо и уныло с тещей, он выпрямил грудь и взял под руку Левина.

– Ну что ж, едем? – спросил он. – Я всё о тебе думал, и я очень рад, что ты приехал, – сказал он, с значительным видом глядя ему в глаза.

– Едем, едем, – отвечал счастливый Левин, не перестававший слышать звук голоса, сказавший: «до свидания», и видеть улыбку, с которою это было сказано.

– В «Англию», или в «Эрмитаж»?

– Мне всё равно.

– Ну, в «Англию», – сказал Степан Аркадьич, выбрав «Англию» потому, что там он, в «Англии», был более должен, чем в «Эрмитаже». Он потому считал нехорошим избегать этой гостиницы. – У тебя есть извозчик? Ну и прекрасно, а то я отпустил карету.

Всю дорогу приятели молчали. Левин думал о том, что означала эта перемена выражения на лице Кити, и то уверял себя, что есть надежда, то приходил в отчаяние и ясно видел, что его надежда безумна, а между тем чувствовал себя совсем другим человеком, не похожим на того, каким он был до ее улыбки и слов: *до свидания*.

Степан Аркадьич дорогой сочинял *меню* обеда.

— Ты ведь любишь тюрбо? — сказал он Левину, подъезжая.

— Что? — переспросил Левин. — Тюрбо? Да, я *ужасно* люблю тюрбо.

Х.

Когда Левин вошел с Облонским в гостиницу, он не мог не заметить некоторой особенности выражения, как бы сдержанного сияния, на лице и во всей фигуре Степана Аркадьича. Облонский снял пальто и со шляпой набекрень прошел в столовую, отдавая приказания липнувшему к нему Татарам во фраках и с салфетками. Кланяясь направо и налево нашедшимся и тут, как везде, радостно встречавшим его знакомым, он подошел к буфету, закусил водку рыбкой, и что-то такое сказал раскрашенной, в ленточках, кружевах и завитушках Француженке, сидевшей за конторкой, что даже эта Француженка искренно засмеялась. Левин же только оттого не выпил водки, что ему оскорбительна была эта Француженка, вся составленная, казалось, из чужих волос, *poudre de riz* и *vinaigre de toilette*.⁴ Он, как от грязного места, поспешно отошел от нее. Вся душа его была переполнена воспоминанием о Кити, и в глазах его светилась улыбка торжества и счастья.

— Сюда, ваше сиятельство, пожалуйста, здесь не беспокоят ваше сиятельство, — говорил особенно липнувший ста-

---

⁴ [рисовой пудры и туалетного уксуса.]

рый, белесый Татарин с широким тазом и расходившимися над ним фалдами фрака. – Пожалуйста, ваше сиятельство, – говорил он Левину, в знак почтения к Степану Аркадьичу ухаживая и за его гостем.

Мгновенно разостлав свежую скатерть на покрытый уже скатертью круглый стол под бронзовым бра, он пододвинул бархатные стулья и остановился перед Степаном Аркадьичем с салфеткой и карточкой в руках, ожидая приказаний.

– Если прикажете, ваше сиятельство, отдельный кабинет сейчас опростается: князь Голицын с дамой. Устрицы свежие получены.

– А! устрицы.

Степан Аркадьич задумался.

– Не изменить ли план, Левин? – сказал он, остановив палец на карте. И лицо его выражало серьезное недоумение. – Хороши ли устрицы? Ты смотри.

– Фленсбургские, ваше сиятельство, остендских нет.

– Фленсбургские-то фленсбургские, да свежи ли?

– Вчера получены-с.

– Так что ж, не начать ли с устриц, а потом уж и весь план изменить? А?

– Мне всё равно. Мне лучше всего щи и каша; но ведь здесь этого нет.

– Каша а ла русс, прикажете? – сказал Татарин, как няня над ребенком, нагибаясь над Левиным.

– Нет, без шуток, что ты выберешь, то и хорошо. Я побе-

гал на коньках, и есть хочется. И не думай, – прибавил он, заметив на лице Облонского недовольное выражение, – чтоб я не оценил твоего выбора. Я с удовольствием поем хорошо.

– Еще бы! Что ни говори, это одно из удовольствий жизни, – сказал Степан Аркадьич. – Ну, так дай ты нам, братец ты мой, устриц два, или мало – три десятка, суп с кореньями....

– Прентаньер, – подхватил Татарин. Но Степан Аркадьич, видно, не хотел ему доставлять удовольствие называть по-французски кушанья.

– С кореньями, знаешь? Потом тюрбо под густым соусом, потом.... ростбифу; да смотри, чтобы хорош был. Да каплунов, что ли, ну и консервов.

Татарин, вспомнив манеру Степана Аркадьича не называть кушанья по французской карте, не повторял за ним, но доставил себе удовольствие повторить весь заказ по карте: «суп прентаньер, тюрбо сос Бомарше, пулард а лестрагон, маседуан де фрюи....» и тотчас, как на пружинах, положив одну переплетенную карту и подхватив другую, карту вин, поднес ее Степану Аркадьичу.

– Что же пить будем?

– Я что хочешь, только немного, шампанское, – сказал Левин.

– Как? сначала? А впрочем, правда, пожалуй. Ты любишь с белой печатью?

– Каше блан, – подхватил Татарин.

- Ну, так этой марки к устрицам подай, а там видно будет.
- Слушаю-с. Столового какого прикажете?
- Ньюи подай. Нет, уж лучше классический шабли.
- Слушаю-с. Сыру *вашего* прикажете?
- Ну да, пармезану. Или ты другой любишь?
- Нет, мне всё равно, – не в силах удерживать улыбки говорил Левин.

И Татарин с развевающимися фалдами побежал и через пять минут влетел с блюдом открытых на перламутровых раковинах устриц и с бутылкой между пальцами.

Степан Аркадьич смял накрахмаленную салфетку, засунул ее себе за жилет и, положив покойно руки, взялся за устрицы.

– А недурны, – говорил он, сдирая серебряною вилочкой с перламутровой раковины шлюпающих устриц и проглатывая их одну за другой. – Недурны, – повторял он, вскидывая влажные и блестящие глаза то на Левина, то на Татарина.

Левин ел и устрицы, хотя белый хлеб с сыром был ему приятнее. Но он любовался на Облонского. Даже Татарин, отвинтивший пробку и разливавший игристое вино по разлатым тонким рюмкам, с заметной улыбкой удовольствия, поправляя свой белый галстук, поглядывал на Степана Аркадьича.

– А ты не очень любишь устрицы? – сказал Степан Аркадьич, выпивая свой бокал, – или ты озабочен? А?

Ему хотелось, чтобы Левин был весел. Но Левин не то что

был не весел, он был стеснен. С тем, что было у него в душе, ему жутко и неловко было в трактире, между кабинетами, где обедали с дамами, среди этой беготни и суетни; эта обстановка бронз, зеркал, газа, Татар – всё это было ему оскорбительно. Он боялся запачкать то, что переполняло его душу.

– Я? Да, я озабочен; но, кроме того, меня это всё стесняет, – сказал он. – Ты не можешь представить себе, как для меня, деревенского жителя, всё это дико, как ногти того господина, которого я видел у тебя...

– Да, я видел, что ногти бедного Гриневича тебя очень заинтересовали, – смеясь сказал Степан Аркадьич.

– Не могу, – отвечал Левин. – Ты постарайся, войди в меня, стань на точку зрения деревенского жителя. Мы в деревне стараемся привести свои руки в такое положение, чтоб удобно было ими работать; для этого обстригаем ногти, засучиваем иногда рукава. А тут люди нарочно отпускают ногти, насколько они могут держаться, и прицепляют в виде запонок блюдечки, чтоб уж ничего нельзя было делать руками.

Степан Аркадьич весело улыбался.

– Да, это признак того, что грубый труд ему не нужен. У него работает ум...

– Может быть. Но всё-таки мне дико, так же, как мне дико теперь то, что мы, деревенские жители, стараемся поскорее наесться, чтобы быть в состоянии делать свое дело, а мы с тобой стараемся как можно дольше не наесться и для этого едим устрицы....

– Ну, разумеется, – подхватил Степан Аркадьич. – Но в этом-то и цель образования: изо всего сделать наслаждение.

– Ну, если это цель, то я желал бы быть диким.

– Ты и так дик. Вы все Левины дики.

Левин вздохнул. Он вспомнил о брате Николае, и ему стало совестно и больно, и он нахмурился; но Облонский заговорил о таком предмете, который тотчас же отвлек его.

– Ну что ж, поедешь нынче вечером к нашим, к Щербацким то есть? – сказал он, отодвигая пустые шершавые раковины, придвигая сыр и значительно блестя глазами.

– Да, я непременно поеду, – отвечал Левин. – Хотя мне показалось, что княгиня неохотно звала меня.

– Что ты! Вздор какой! Это ее манера.... Ну давай же, братец, суп!... Это ее манера, *grande dame*,⁵ – сказал Степан Аркадьич. – Я тоже приеду, но мне на спевку к графине Бониной надо. Ну как же ты не дик? Чем же объяснить то, что ты вдруг исчез из Москвы? Щербацкие меня спрашивали о тебе беспрестанно, как будто я должен знать. А я знаю только одно: ты делаешь всегда то, что никто не делает.

– Да, – сказал Левин медленно и взволнованно. – Ты прав, я дик. Но только дикость моя не в том, что я уехал, а в том, что я теперь приехал. Теперь я приехал...

– О какой ты счастливец! – подхватил Степан Аркадьич, глядя в глаза Левину.

– Отчего?

---

⁵ [важной дамы,]

– Узнаю коней ретивых по каким-то их таврам, юношей влюбленных узнаю по их глазам, – продекламировал Степан Аркадьич. – У тебя всё впереди.

– А у тебя разве уж назади?

– Нет, хоть не назади, но у тебя будущее, а у меня настоящее – так, в пересыпочку.

– А что?

– Да нехорошо. Ну, да я о себе не хочу говорить, и к тому же объяснить всего нельзя, – сказал Степан Аркадьич. – Так ты зачем же приехал в Москву?... Эй, принимай! – крикнул он Татарину.

– Ты догадываешься? – отвечал Левин, не спуская со Степана Аркадьича своих в глубине светящихся глаз.

– Догадываюсь, но не могу начать говорить об этом. Уж поэтому ты можешь видеть, верно или не верно я догадываюсь, – сказал Степан Аркадьич, с тонкою улыбкой глядя на Левина.

– Ну что же ты скажешь мне? – сказал Левин дрожащим голосом и чувствуя, что на лице его дрожат все мускулы. – Как ты смотришь на это?

Степан Аркадьич медленно выпил свой стакан шабли, не спуская глаз с Левина.

– Я? – сказал Степан Аркадьич, – я ничего так не желал бы, как этого, ничего. Это лучшее, что могло бы быть.

– Но ты не ошибаешься? Ты знаешь, о чем мы говорим? – проговорил Левин, впиваясь глазами в своего собеседника. –

Ты думаешь, что это возможно?

– Думаю, что возможно. Отчего же невозможно?

– Нет, ты точно думаешь, что это возможно? Нет, ты скажи всё, что ты думаешь! Ну, а если, если меня ждет отказ?... И я даже уверен....

– Отчего же ты это думаешь? – улыбаясь на его волнение, сказал Степан Аркадьич.

– Так мне иногда кажется. Ведь это будет ужасно и для меня и для нее.

– Ну, во всяком случае для девушки тут ничего ужасного нет. Всякая девушка гордится предложением.

– Да, всякая девушка, но не она.

Степан Аркадьич улыбнулся. Он так знал это чувство Левина, знал, что для него все девушки в мире разделяются на два сорта: один сорт – это все девушки в мире, кроме ее, и эти девушки имеют все человеческие слабости, и девушки очень обыкновенные; другой сорт – она одна, не имеющая никаких слабостей и превыше всего человеческого.

– Постой, соуса возьми, – сказал он, удерживая руку Левина, который отталкивал от себя соус.

Левин покорно положил себе соуса, но не дал есть Степану Аркадьичу.

– Нет, ты постой, постой, – сказал он. – Ты пойми, что это для меня вопрос жизни и смерти. Я никогда ни с кем не говорил об этом. И ни с кем я не могу говорить об этом, как с тобой. Ведь вот мы с тобой по всему чужие: другие вкусы,

взгляды, всё; но я знаю, что ты меня любишь и понимаешь, и от этого я тебя ужасно люблю. Но, ради Бога, будь вполне откровенен.

– Я тебе говорю, что я думаю, – сказал Степан Аркадьич улыбаясь. – Но я тебе больше скажу: моя жена – удивительнейшая женщина.... – Степан Аркадьич вздохнул, вспомнив о своих отношениях с женою, и, помолчав с минуту, продолжал: – У нее есть дар предвидения. Она насквозь видит людей; но этого мало, – она знает, что будет, особенно по части браков. Она, например, предсказала, что Шаховская выйдет за Брентельна. Никто этому верить не хотел, а так вышло. И она – на твоей стороне.

– То есть как?

– Так, что она мало того что любит тебя, – она говорит, что Кити будет твоею женой непременно.

При этих словах лицо Левина вдруг просияло улыбкой, тою, которая близка к слезам умиления.

– Она это говорит! – вскрикнул Левин. – Я всегда говорил, что она прелесть, твоя жена. Ну и довольно, довольно об этом говорить, – сказал он, вставая с места.

– Хорошо, но садись же.

Но Левин не мог сидеть. Он прошелся два раза своими твердыми шагами по клеточке-комнате, помигал глазами, чтобы не видно было слез, и тогда только сел опять за стол.

– Ты пойми, – сказал он, – что это не любовь. Я был влюблен, но это не то. Это не мое чувство, а какая-то сила внеш-

няя завладела мной. Ведь я уехал, потому что решил, что этого не может быть, понимаешь, как счастья, которого не бывает на земле; но я бился с собой и вижу, что без этого нет жизни. И надо решить...

– Для чего же ты уезжал?

– Ах, постой! Ах, сколько мыслей! Сколько надо спросить! Послушай. Ты ведь не можешь представить себе, что ты сделал для меня тем, что сказал. Я так счастлив, что даже гадок стал; я всё забыл. Я нынче узнал, что брат Николай... знаешь, он тут... я и про него забыл. Мне кажется, что и он счастлив. Это в роде сумасшествия. Но одно ужасно... Вот ты женился, ты знаешь это чувство... Ужасно то, что мы – старые, уже с прошедшим... не любви, а грехов... вдруг сближаемся с существом чистым, невинным; это отвратительно, и поэтому нельзя не чувствовать себя недостойным.

– Ну, у тебя грехов немного.

– Ах, всё-таки, – сказал Левин, – всё-таки, «с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклиная, и горько жалуюсь...» Да.

– Что ж делать, так мир устроен, – сказал Степан Аркадьич.

– Одно утешение, как в этой молитве, которую я всегда любил, что не по заслугам прости меня, а по милосердию. Так и она только простить может.

XI.

Левин выпил свой бокал, и они помолчали.

– Одно еще я тебе должен сказать. Ты знаешь Вронского? – спросил Степан Аркадьич Левина.

– Нет, не знаю. Зачем ты спрашиваешь?

– Подай другую, – обратился Степан Аркадьич к Татарину, доливавшему бокалы и вертевшемуся около них, именно когда его не нужно было.

– Зачем мне знать Вронского?

– А затем тебе знать Вронского, что это один из твоих конкурентов.

– Что такое Вронский? – сказал Левин, и лицо его из того детски-восторженного выражения, которым только что любовался Облонский, вдруг перешло в злое и неприятное.

– Вронский – это один из сыновей графа Кирилла Ивановича Вронского и один из самых лучших образцов золоченой молодежи петербургской. Я его узнал в Твери, когда я там служил, а он приезжал на рекрутский набор. Страшно богат, красив, большие связи, флигель-адъютант и вместе с тем – очень милый, добрый малый. Но более, чем просто добрый малый. Как я его узнал здесь, он и образован и очень умен; это человек, который далеко пойдет.

Левин хмурился и молчал.

– Ну-с, он появился здесь вскоре после тебя, и, как я пони-

маю, он по уши влюблен в Кити, и ты понимаешь, что мать....

– Извини меня, но я не понимаю ничего, – сказал Левин, мрачно насупливаясь. И тотчас же он вспомнил о брате Николае и о том, как он гадок, что мог забыть о нем.

– Ты постой, постой, – сказал Степан Аркадьич, улыбаясь и трогая его руку. – Я тебе сказал то, что я знаю, и повторяю, что в этом тонком и нежном деле, сколько можно догадываться, мне кажется, шансы на твоей стороне.

Левин откинулся назад на стул, лицо его было бледно.

– Но я бы советовал тебе решить дело как можно скорее, – продолжал Облонский, доливая ему бокал.

– Нет, благодарствуй, я больше не могу пить, – сказал Левин, отодвигая свой бокал. – Я буду пьян... Ну, ты как поживаешь? – продолжал он, видимо желая переменить разговор.

– Еще слово: во всяком случае, советую решить вопрос скорее. Нынче не советую говорить, – сказал Степан Аркадьич. – Поезжай завтра утром, классически, делать предложение, и да благословит тебя Бог...

– Что ж ты всё хотел на охоту ко мне приехать? Вот приезжай весной, – сказал Левин.

Теперь он всею душой раскаивался, что начал этот разговор со Степаном Аркадьичем. Его *особенное* чувство было осквернено разговором о конкуренции какого-то петербургского офицера, предположениями и советами Степана Аркадьича.

Степан Аркадьич улыбнулся. Он понимал, что делалось в

душе Левина.

– Приеду когда-нибудь, – сказал он. – Да, брат, женщины, – это винт, на котором всё вертится. Вот и мое дело плохо, очень плохо. И всё от женщин. Ты мне скажи откровенно, – продолжал он, достав сигару и держась одною рукой за бокал, – ты мне дай совет.

– Но в чем же?

– Вот в чем. Положим, ты женат, ты любишь жену, но ты увлекся другою женщиной...

– Извини, но я решительно не понимаю этого, как бы... всё равно как не понимаю, как бы я теперь, наевшись, тут же пошел мимо калачной и украл бы калач.

Глаза Степана Аркадьича блестели больше обыкновенного.

– Отчего же? Калач иногда так пахнет, что не удержишься.

Himmlisch ist's, wenn ich bezwungen
Meine irdische Begier;
Aber noch wenn's nicht gelungen,
Hatt'ich auch recht hübsch Plaisir!⁶

Говоря это, Степан Аркадьич тонко улыбался. Левин тоже не мог не улыбнуться.

– Да, но без шуток, – продолжал Облонский. – Ты пойми, что женщина, милое, кроткое, любящее существо, бедная,

---

⁶ [Великолепно, если я поборолСвою земную страсть,Но если это и не удалось,Я всё же испытал блаженство!]

одинокая и всем пожертвовала. Теперь, когда уже дело сделано, – ты пойми, – неужели бросить ее? Положим: расстаться, чтобы не разрушить семейную жизнь; но неужели не пожалеть ее, не устроить, не смягчить?

– Ну, уж извини меня. Ты знаешь, для меня все женщины делятся на два сорта... то есть нет... вернее: есть женщины, и есть... Я прелестных падших созданий не видал и не увижу, а такие, как та крашеная Француженка у конторки, с завитками, – это для меня гадины, и все падшие – такие же.

– А Евангельская?

– Ах перестань! Христос никогда бы не сказал этих слов, если бы знал, как будут злоупотреблять ими. Изо всего Евангелия только и помнят эти слова. Впрочем, я говорю не то, что думаю, а то, что чувствую. Я имею отвращение к падшим женщинам. Ты пауков боишься, а я этих гадин. Ты ведь, наверно, не изучал пауков и не знаешь их нравов: так и я.

– Хорошо тебе так говорить; это всё равно, как этот Диккенсовский господин который перебрасывает левою рукой через правое плечо все затруднительные вопросы. Но отрицание факта – не ответ. Что ж делать, ты мне скажи, что делать? Жена стареется, а ты полн жизни. Ты не успеешь оглянуться, как ты уже чувствуешь, что ты не можешь любить любовью жену, как бы ты ни уважал ее. А тут вдруг подвернется любовь, и ты пропал, пропал! – с унылым отчаянием проговорил Степан Аркадьич.

Левин усмехнулся.

– Да, и пропал, – продолжал Облонский. – Но что же делать?

– Не красть калачей.

Степан Аркадьич рассмеялся.

– О моралист! Но ты пойми, есть две женщины: одна настаивает только на своих правах, и права эти твоя любовь, которой ты не можешь ей дать; а другая жертвует тебе всем и ничего не требует. Что тебе делать? Как поступить? Тут страшная драма.

– Если ты хочешь мою исповедь относительно этого, то я скажу тебе, что не верю, чтобы тут была драма. И вот почему. По моему, любовь... обе любви, которые, помнишь, Платон определяет в своем *Пире*, обе любви служат пробным камнем для людей. Одни люди понимают только одну, другие другую. И те, что понимают только неплатоническую любовь, напрасно говорят о драме. При такой любви не может быть никакой драмы. «Покорно вас благодарю за удовольствие, мое почтение», вот и вся драма. А для платонической любви не может быть драмы, потому что в такой любви всё ясно и чисто, потому что...

В эту минуту Левин вспомнил о своих грехах и о внутренней борьбе, которую он пережил. И он неожиданно прибавил:

– А впрочем, может быть, ты и прав. Очень может быть... Но я не знаю, решительно не знаю.

– Вот видишь ли, – сказал Степан Аркадьич, – ты очень

цельный человек. Это твое качество и твой недостаток. Ты сам цельный характер и хочешь, чтобы вся жизнь слагалась из цельных явлений, а этого не бывает. Ты вот презираешь общественную служебную деятельность, потому что тебе хочется, чтобы дело постоянно соответствовало цели, а этого не бывает. Ты хочешь тоже, чтобы деятельность одного человека всегда имела цель, чтобы любовь и семейная жизнь всегда были одно. А этого не бывает. Всё разнообразие, вся прелесть, вся красота жизни складывается из тени и света.

Левин вздохнул и ничего не ответил. Он думал о своем и не слушал Облонского.

И вдруг они оба почувствовали, что хотя они и друзья, хотя они обедали вместе и пили вино, которое должно было бы еще более сблизить их, но что каждый думает только о своем, и одному до другого нет дела. Облонский уже не раз испытывал это случающееся после обеда крайнее раздвоение вместо сближения и знал, что надо делать в этих случаях.

– Счет! – крикнул он и вышел в соседнюю залу, где тотчас же встретил знакомого адъютанта и вступил с ним в разговор об актрисе и ее содержателе. И тотчас же в разговоре с адъютантом Облонский почувствовал облегчение и отдохновение от разговора с Левиным, который вызывал его всегда на слишком большое умственное и душевное напряжение.

Когда Татарин явился со счетом в двадцать шесть рублей с копейками и с дополнением на водку, Левин, которого в другое время, как деревенского жителя, привел бы в ужас счет

на его долю в четырнадцать рублей, теперь не обратил внимания на это, расплатился и отправился домой, чтобы переодеться и ехать к Щербацким, где решится его судьба.

ХII.

Княжне Кити Щербацкой было восемнадцать лет. Она выезжала первую зиму. Успехи ее в свете были больше, чем обеих ее старших сестер, и больше, чем даже ожидала княгиня. Мало того, что юноши, танцующие на московских балах, почти все были влюблены в Кити, уже в первую зиму представились две серьезные партии: Левин и, тотчас же после его отъезда, граф Вронский.

Появление Левина в начале зимы, его частые посещения и явная любовь к Кити были поводом к первым серьезным разговорам между родителями Кити о ее будущности и к спорам между князем и княгиней. Князь был на стороне Левина, говорил, что он ничего не желает лучшего для Кити. Княгиня же, со свойственною женщинам привычкой обходить вопрос, говорила, что Кити слишком молода, что Левин ничем не показывает, что имеет серьезные намерения, что Кити не имеет к нему привязанности, и другие доводы; но не говорила главного, того, что она ждет лучшей партии для дочери, и что Левин несимпатичен ей, и что она не понимает его. Когда же Левин внезапно уехал, княгиня была рада и с торжеством говорила мужу: «видишь, я была права». Когда

же появился Вронский, она еще более была рада, утвердившись в своем мнении, что Кити должна сделать не просто хорошую, но блестящую партию.

Для матери не могло быть никакого сравнения между Вронским и Левиным. Матери не нравились в Левине и его странные и резкие суждения, и его неловкость в свете, основанная, как она полагала, на гордости, и его, по ее понятиям, дикая какая-то жизнь в деревне, с занятиями скотиной и мужиками; не нравилось очень и то, что он, влюбленный в ее дочь, ездил в дом полтора месяца, чего-то как будто ждал, высматривал, как будто боялся, не велика ли будет честь, если он сделает предложение, и не понимал, что, едзя в дом, где девушка невеста, надо было объясниться. И вдруг, не объяснившись, уехал. «Хорошо, что он так непривлекателен, что Кити не влюбилась в него», думала мать.

Вронский удовлетворял всем желаниям матери. Очень богат, умен, знатен, на пути блестящей военно-придворной карьеры и обворожительный человек. Нельзя было ничего лучшего желать.

Вронский на балах явно ухаживал за Кити, танцевал с нею и ездил в дом, стало быть, нельзя было сомневаться в серьезности его намерений. Но, несмотря на то, мать всю эту зиму находилась в страшном беспокойстве и волнении.

Сама княгиня вышла замуж тридцать лет тому назад, по сватовству тетушки. Жених, о котором было всё уже вперед известно, приехал, увидал невесту, и его увидали; сваха тет-

ка узнала и передала взаимно произведенное впечатление; впечатление было хорошее; потом в назначенный день было сделано родителям и принято ожидаемое предложение. Всё произошло очень легко и просто. По крайней мере так казалось княгине. Но на своих дочерях она испытала, как не легко и не просто это, кажущееся обыкновенным, дело — выдавать дочерей замуж. Сколько страхов было пережито, сколько мыслей передумано, сколько денег потрачено, сколько столкновений с мужем при выдаче замуж старших двух, Дарьи и Натальи! Теперь, при вывозе меньшей, переживались те же страхи, те же сомнения и еще большие, чем из-за старших, ссоры с мужем. Старый князь, как и все отцы, был особенно щепетилен насчет чести и чистоты своих дочерей; он был неблагоприятно ревнив к дочерям, и особенно к Кити, которая была его любимица, и на каждом шагу делал сцены княгине за то, что она компрометирует дочь. Княгиня привыкла к этому еще с первыми дочерьми, но теперь она чувствовала, что щепетильность князя имеет больше оснований. Она видела, что в последнее время многое изменилось в приемах общества, что обязанности матери стали еще труднее. Она видела, что сверстницы Кити составляли какие-то общества, отправлялись на какие-то курсы, свободно обращались с мужчинами, ездили одни по улицам, многие не приседали и, главное, были все твердо уверены, что выбрать себе мужа есть их дело, а не родителей. «Нынче уж так не выдают замуж, как прежде», думали и говорили все эти

молодые девушки и все даже старые люди. Но как же нынче выдают замуж, княгиня ни от кого не могла узнать. Французский обычай – родителям решать судьбу детей – был не принят, осуждался. Английский обычай – совершенной свободы девушки – был тоже не принят и невозможен в русском обществе. Русский обычай сватовства считался чем-то безобразным, над ним смеялись все и сама княгиня. Но как надо выходить и выдавать замуж, никто не знал. Все, с кем княгине случалось толковать об этом, говорили ей одно: «Помилуйте, в наше время уж пора оставить эту старину. Ведь молодым людям в брак вступать, а не родителям; стало-быть, и надо оставить молодых людей устраиваться, как они знают». Но хорошо было говорить так тем, у кого не было дочерей; а княгиня понимала, что при сближении дочь могла влюбиться, и влюбиться в того, кто не захочет жениться, или в того, кто не годится в мужа. И сколько бы ни внушали княгине, что в наше время молодые люди сами должны устраивать свою судьбу, она не могла верить этому, как не могла бы верить тому, что в какое бы то ни было время для пятилетних детей самыми лучшими игрушками должны быть заряженные пистолеты. И потому княгиня беспокоилась с Кити больше, чем со старшими дочерьми.

Теперь она боялась, чтобы Вронский не ограничился одним ухаживаньем за ее дочерью. Она видела, что дочь уже влюблена в него, но утешала себя тем, что он честный человек и потому не сделает этого. Но вместе с тем она знала

как с нынешнею свободой обращения легко вскружить голову девушки и как вообще мужчины легко смотрят на эту вину. На прошлой неделе Кити рассказала матери свой разговор во время мазурки с Вронским. Разговор этот отчасти успокоил княгиню; но совершенно спокойною она не могла быть. Вронский сказал Кити, что они, оба брата, так привыкли во всем подчиняться своей матери, что никогда не решатся предпринять что-нибудь важное, не посоветовавшись с нею. «И теперь я жду, как особенного счастья, приезда ма-тушки из Петербурга», сказал он.

Кити рассказала это, не придавая никакого значения этим словам. Но мать поняла это иначе. Она знала, что старуху ждут со дня на день, знала, что старуха будет рада выбору сына, и ей странно было, что он, боясь оскорбить мать, не делает предложения; однако ей так хотелось и самого брака и, более всего, успокоения от своих тревог, что она верила этому. Как ни горько было теперь княгине видеть несчастье старшей дочери Долли, сбивавшейся оставить мужа, волнение о решавшейся судьбе меньшей дочери поглощало все ее чувства. Нынешний день, с появлением Левина, ей прибавилось еще новое беспокойство. Она боялась, чтобы дочь, имевшая, как ей казалось, одно время чувство к Левину, из излишней честности не отказала бы Вронскому и вообще чтобы приезд Левина не запутал, не задержал дела, столь близкого к окончанию.

– Что он, давно ли приехал? – сказала княгиня про Леви-

на, когда они вернулись домой.

– Нынче, маман.

– Я одно хочу сказать... – начала княгиня, – и по серьезно-оживленному лицу ее Кити угадала, о чем будет речь.

– Мама, – сказала она, вспыхнув и быстро поворачиваясь к ней, – пожалуйста, пожалуйста, не говорите ничего про это. Я знаю, я всё знаю.

Она желала того же, чего желала и мать, но мотивы желания матери оскорбляли ее.

– Я только хочу сказать, что, подав надежду одному...

– Мама, голубчик, ради Бога, не говорите. Так страшно говорить про это.

– Не буду, не буду, – сказала мать, увидав слезы на глазах дочери, – но одно, моя душа: ты мне обещала, что у тебя не будет от меня тайны. Не будет?

– Никогда, мама, никакой, – отвечала Кити, покраснев и взглянув прямо в лицо матери. – Но мне нечего говорить теперь. Я... я... если бы хотела, я не знаю, что сказать как... я не знаю...

«Нет, неправду не может она сказать с этими глазами», подумала мать, улыбаясь на ее волнение и счастье. Княгиня улыбалась тому, как огромно и значительно кажется ей, бедняжке, то, что происходит теперь в ее душе.

ХІІІ.

Кити испытывала после обеда и до начала вечера чувство, подобное тому, какое испытывает юноша пред битвою. Сердце ее билось сильно, и мысли не могли ни на чем остановиться.

Она чувствовала, что нынешний вечер, когда они оба в первый раз встречаются, должен быть решительный в ее судьбе. И она беспрестанно представляла себе их, то каждого порознь, то вместе обоих. Когда она думала о прошедшем, она с удовольствием, с нежностью останавливалась на воспоминаниях своих отношений к Левину. Воспоминания детства и воспоминания о дружбе Левина с ее умершим братом придавали особенную поэтическую прелесть ее отношениям с ним. Его любовь к ней, в которой она была уверена, была лестна и радостна ей. И ей легко было вспомнить о Левине. В воспоминание же о Вронском примешивалось что-то неловкое, хотя он был в высшей степени светский и спокойный человек; как будто фальшь какая-то была, — не в нем, он был очень прост и мил, — но в ней самой, тогда как с Левиным она чувствовала себя совершенно простою и ясною. Но за то, как только она думала о будущем с Вронским, перед ней вставала перспектива блестяще-счастливая; с Левиным же будущность представлялась туманною.

Взойдя наверх одеться для вечера и взглянув в зеркало,

она с радостью заметила, что она в одном из своих хороших дней и в полном обладании всеми своими силами, а это ей так нужно было для предстоящего: она чувствовала в себе внешнюю тишину и свободную грацию движений.

В половине восьмого, только что она сошла в гостиную, лакей доложил: «Константин Дмитрич Левин». Княгиня была еще в своей комнате, и князь не выходил. «Так и есть», подумала Кити, и вся кровь прилила ей к сердцу. Она ужаснулась своей бледности, взглянув в зеркало.

Теперь она верно знала, что он затем и приехал раньше, чтобы застать ее одну и сделать предложение. И тут только в первый раз всё дело представилось ей совсем с другой, новой стороны. Тут только она поняла, что вопрос касается не ее одной, – с кем она будет счастлива и кого она любит, – но что сию минуту она должна оскорбить человека, которого она любит. И оскорбить жестоко... За что? За то, что он, милый, любит ее, влюблен в нее. Но, делать нечего, так нужно, так должно.

«Боже мой, неужели это я сама должна сказать ему? – подумала она. – Ну что я скажу ему? Неужели я скажу ему, что я его не люблю? Это будет неправда. Что ж я скажу ему? Скажу, что люблю другого? Нет, это невозможно. Я уйду, уйду».

Она уже подходила к дверям, когда услышала его шаги. «Нет! нечестно. Чего мне бояться? Я ничего дурного не сделала. Что будет, то будет! Скажу правду. Да с ним не может быть неловко. Вот он, сказала она себе, увидав всю его силь-

ную и робкую фигуру с блестящими, устремленными на себя глазами. Она прямо взглянула ему в лицо, как бы умоляя его о пощаде, и подала руку.

— Я не во время, кажется, слишком рано, — сказал он, оглянув пустую гостиную. Когда он увидел, что его ожидания сбылись, что ничто не мешает ему высказаться, лицо его сделалось мрачно.

— О нет, — сказала Кити и села к столу.

— Но я только того и хотел, чтобы застать вас одну, — начал он, не садясь и не глядя на нее, чтобы не потерять смелости.

— Мама сейчас выйдет. Она вчера очень устала. Вчера....

Она говорила, сама не зная, что говорят ее губы, и не спуская с него умоляющего и ласкающего взгляда.

Он взглянул на нее; она покраснела и замолчала.

— Я сказал вам, что не знаю, надолго ли я приехал.... что это от вас зависит...

Она всё ниже и ниже склоняла голову, не зная сама, что будет отвечать на приближавшееся.

— Что это от вас зависит, — повторил он. — Я хотел сказать... я хотел сказать... Я за этим приехал... что... быть моею женой! — проговорил он, не зная сам, что говорил; но, почувствовав, что самое страшное сказано, остановился и посмотрел на нее.

Она тяжело дышала, не глядя на него. Она испытывала восторг. Душа ее была переполнена счастьем. Она никак не ожидала, что высказанная любовь его произведет на нее та-

кое сильное впечатление. Но это продолжалось только одно мгновение. Она вспомнила Вронского. Она подняла на Левина свои светлые правдивые глаза и, увидав его отчаянное лицо, поспешно ответила:

— Этого не может быть... простите меня.

Как за минуту тому назад она была близка ему, как важна для его жизни! И как теперь она стала чужда и далека ему!

— Это не могло быть иначе, — сказал он, не глядя на нее.

Он поклонился и хотел уйти.

XIV.

Но в это самое время вышла княгиня. На лице ее изобразился ужас, когда она увидела их одних и их расстроенные лица. Левин поклонился ей и ничего не сказал. Кити молчала, не поднимая глаз. «Слава Богу, отказала», — подумала мать, и лицо ее просияло обычной улыбкой, с которой она встречала по четвергам гостей. Она села и начала расспрашивать Левина о его жизни в деревне. Он сел опять, ожидая приезда гостей, чтоб уехать незаметно.

Через пять минут вошла подруга Кити, прошлую зиму вышедшая замуж, графиня Нордстон.

Это была сухая, желтая, с черными блестящими глазами, болезненная и нервная женщина. Она любила Кити, и любовь ее к ней, как и всегда любовь замужних к девушкам, выражалась в желании выдать Кити по своему идеалу счастья

замуж, и потому желала выдать ее за Вронского. Левин, которого она в начале зимы часто у них встречала, был всегда неприятен ей. Ее постоянное и любимое занятие при встрече с ним состояло в том, чтобы шутить над ним.

— Я люблю, когда он с высоты своего величия смотрит на меня: или прекращает свой умный разговор со мной, потому что я глупа, или снисходит до меня. Я это очень люблю: снисходит! Я очень рада, что он меня терпеть не может, — говорила она о нем.

Она была права, потому что, действительно, Левин терпеть ее не мог и презирал за то, чем она гордилась и что ставила себе в достоинство, — за ее нервность, за ее утонченное презрение и равнодушие ко всему грубому и житейскому.

Между Нордстон и Левиным установилось то нередко встречающееся в свете отношение, что два человека, оставаясь по внешности в дружелюбных отношениях, презируют друг друга до такой степени, что не могут даже серьезно обращаться друг с другом и не могут даже быть оскорблены один другим.

Графиня Нордстон тотчас же накинулась на Левина.

— А! Константин Дмитрич! Опять приехали в наш развратный Вавилон, — сказала она, подавая ему крошечную желтую руку и вспоминая его слова, сказанные как-то в начале зимы, что Москва есть Вавилон. — Что, Вавилон исправился или вы испортились? — прибавила она, с усмешкой оглядываясь на Кити.

– Мне очень лестно, графиня, что вы так помните мои слова, – отвечал Левин, успевший оправиться и сейчас же по привычке входя в свое шуточно-враждебное отношение к графине Нордстон. – Верно, они на вас очень сильно действуют.

– Ах, как же! Я всё записываю. Ну что, Кити, ты опять каталась на коньках?..

И она стала говорить с Кити. Как ни неловко было Леви-ну уйти теперь, ему всё-таки легче было сделать эту нелов-кость, чем остаться весь вечер и видеть Кити, которая из-редка взглядывала на него и избегала его взгляда. Он хотел встать, но княгиня, заметив, что он молчит, обратилась к нему.

– Вы надолго приехали в Москву? Ведь вы, кажется, ми-ровым земством занимаетесь, и вам нельзя надолго.

– Нет, княгиня, я не занимаюсь более земством, – сказал он. – Я приехал на несколько дней.

«Что-то с ним особенное, – подумала графиня Нордстон, взглядываясь в его строгое, серьезное лицо, – что-то он не вытягивается в свои рассуждения. Но я уж выведу его. Ужасно люблю сделать его дураком пред Кити, и сделаю».

– Константин Дмитрич, – сказала она ему, – растолкуйте мне, пожалуйста, что такое значит, – вы всё это знаете, – у нас в Калужской деревне все мужики и все бабы всё пропи-ли, что у них было, и теперь ничего нам не платят. Что это значит? Вы так хвалите всегда мужиков.

В это время еще дама вошла в комнату, и Левин встал.

– Извините меня, графиня, – но я, право, ничего этого не знаю и ничего не могу вам сказать, – сказал он и оглянулся на входившего вслед за дамой военного.

«Это должен быть Вронский», подумал Левин и, чтоб убедиться в этом, взглянул на Кити. Она уже успела взглянуть на Вронского и оглянулась на Левина. И по одному этому взгляду невольно просиявших глаз ее Левин понял, что она любила этого человека, понял так же верно, как если б она сказала ему это словами. Но что же это за человек?

Теперь, – хорошо ли это, дурно ли, – Левин не мог не остаться; ему нужно было узнать, что за человек был тот, кого она любила.

Есть люди, которые, встречая своего счастливого в чем бы то ни было соперника, готовы сейчас же отвернуться от всего хорошего, что есть в нем, и видеть в нем одно дурное; есть люди, которые, напротив, более всего желают найти в этом счастливом сопернике те качества, которыми он победил их, и ищут в нем со щемящею болью в сердце одного хорошего. Левин принадлежал к таким людям. Но ему нетрудно было отыскать хорошее и привлекательное во Вронском. Оно сразу бросилось ему в глаза. Вронский был невысокий, плотно сложенный брюнет, с добродушно-красивым, чрезвычайно спокойным и твердым лицом. В его лице и фигуре, от коротко обстриженных черных волос и свежевыбритого подбородка до широкого с иголочки нового мундира, всё было просто

и вместе изящно. Дав дорогу входившей даме, Вронский подошел к княгине и потом к Кити.

В то время как он подходил к ней, красивые глаза его особенно нежно заблестели, и с чуть-заметною счастливою и скромно-торжествующею улыбкой (так показалось Левину), почтительно и осторожно наклонясь над нею, он протянул ей свою небольшую, но широкую руку.

Со всеми поздоровавшись и сказав несколько слов, он сел, ни разу не взглянув на не спускавшего с него глаз Левина.

– Позвольте вас познакомить, – сказала княгиня, указывая на Левина. – Константин Дмитрич Левин. Граф Алексей Кириллович Вронский.

Вронский встал и, дружелюбно глядя в глаза Левину, пожал ему руку.

– Я нынче зимой должен был, кажется, обедать с вами, – сказал он, улыбаясь своею простою и открытою улыбкой, – но вы неожиданно уехали в деревню.

– Константин Дмитрич презирает и ненавидет город и нас, горожан, – сказала графиня Нордстон.

– Должно быть, мои слова на вас сильно действуют, что вы их так помните, – сказал Левин и, вспомнив, что он уже сказал это прежде, покраснел.

Вронский взглянул на Левина и графиню Нордстон и улыбнулся.

– А вы всегда в деревне? – спросил он. – Я думаю, зимой скучно?

– Не скучно, если есть занятия, да и с самим собой не скучно, – резко ответил Левин.

– Я люблю деревню, – сказал Вронский, замечая и делая вид, что не замечает тона Левина.

– Но надеюсь, граф, что вы бы не согласились жить всегда в деревне, – сказала графиня Нордстон.

– Не знаю, я не пробовал подолгу. Я испытывал странное чувство, – продолжал он. – Я нигде так не скучал по деревне, русской деревне, с лаптями и мужиками, как прожив с матушкой зиму в Ницце. Ницца сама по себе скучна, вы знаете. Да и Неаполь, Сорренто хороши только на короткое время. И именно там особенно живо вспоминается Россия, и именно деревня. Они точно как...

Он говорил, обращаясь и к Кити и к Левину и переводя с одного на другого свой спокойный и дружелюбный взгляд, – говорил, очевидно, что приходило в голову.

Заметив, что графиня Нордстон хотела что-то сказать, он остановился, не досказав начатого, и стал внимательно слушать ее.

Разговор не умолкал ни на минуту, так что старой княгине, всегда имевшей про запас, на случай неимения темы, два тяжелых орудия: классическое и реальное образование и общую воинскую повинность, не пришлось выдвигать их, а графине Нордстон не пришлось подразнить Левина.

Левин хотел и не мог вступить в общий разговор; ежеминутно говоря себе: «теперь уйти», он не уходил, чего-то до-

жидаясь.

Разговор зашел о вертящихся столах и духах, и графиня Нордстон, верившая в спиритизм, стала рассказывать чудеса, которые она видела.

– Ах, графиня, непременно свезите, ради Бога, свезите меня к ним! Я никогда ничего не видал необыкновенного, хотя везде отыскиваю, – улыбаясь сказал Вронский.

– Хорошо, в будущую субботу, – отвечала графиня Нордстон. – Но вы, Константин Дмитрич, верите? – спросила она Левина.

– Зачем вы меня спрашиваете? Ведь вы знаете, что я скажу.

– Но я хочу слышать ваше мнение.

– Мое мнение только то, – отвечал Левин, – что эти вертящиеся столы доказывают, что так называемое образованное общество не выше мужиков. Они верят в глаз, и в порчу, и в привороты, а мы....

– Что ж, вы не верите?

– Не могу верить, графиня.

– Но если я сама видела?

– И бабы рассказывают, как они сами видели домовых.

– Так вы думаете, что я говорю неправду?

И она невесело засмеялась.

– Да нет, Маша, Константин Дмитрич говорит, что он не может верить, – сказала Кити, краснея за Левина, и Левин понял это и, еще более раздражившись, хотел отвечать,

но Вронский со своею открытою веселою улыбкой сейчас же пришел на помощь разговору, угрожавшему сделаться неприятным.

– Вы совсем не допускаете возможности: – спросил он. – Почему же? Мы допускаем существование электричества, которого мы не знаем; почему же не может быть новая сила, еще нам неизвестная, которая....

– Когда найдено было электричество, – быстро перебил Левин, – то было только открыто явление, и неизвестно было, откуда оно происходит и что оно производит, и века прошли прежде, чем подумали о применении его. Спириты же, напротив, начали с того, что столики им пишут и духи к ним приходят, а потом уже стали говорить, что это есть сила неизвестная.

Вронский внимательно слушал Левина, как он всегда слушал, очевидно интересуясь его словами.

– Да, но спириты говорят: теперь мы не знаем, что это за сила, но сила есть, и вот при каких условиях она действует. А ученые пускай раскроют, в чем состоит эта сила. Нет, я не вижу, почему это не может быть новая сила, если она....

– А потому, – перебил Левин, – что при электричестве каждый раз, как вы потрете смолу о шерсть, обнаруживается известное явление, а здесь не каждый раз, стало быть, это не природное явление.

Вероятно, чувствуя, что разговор принимает слишком серьезный для гостинной характер, Вронский не возражал, а,

стараясь переменить предмет разговора, весело улыбнулся и повернулся к дамам.

– Давайте сейчас попробуем, графиня, – начал он; но Левин хотел досказать то, что он думал.

– Я думаю, – продолжал он, – что эта попытка спиритов объяснять свои чудеса какою-то новою силой – самая неудачная. Они прямо говорят о силе духовной и хотят ее подвергнуть материальному опыту.

Все ждали, когда он кончит, и он чувствовал это.

– А я думаю, что вы будете отличный медиум, – сказала графиня Нордстон, – в вас есть что-то восторженное.

Левин открыл рот, хотел сказать что-то, покраснел и ничего не сказал.

– Давайте сейчас, княжна, испытаем столы, пожалуйста, – сказал Вронский. – Княгиня, вы позволите?

И Вронский встал, отыскивая глазами столик.

Кити встала за столиком и, проходя мимо, встретила глазами с Левиным. Ей всею душой было жалко его, тем более, что она жалела его в несчастии, которого сама была причиною. «Если можно меня простить, то простите, – сказал ее взгляд, – я так счастлива».

«Всех ненавижу, и вас, и себя», отвечал его взгляд, и он взялся за шляпу. Но ему не судьба была уйти. Только что хотели устроиться около столика, а Левин уйти, как вошел старый князь и, поздоровавшись с дамами, обратился к Левину.

– А! – начал он радостно. – Давно ли? Я и не знал, что ты

тут. Очень рад вас видеть.

Старый князь иногда *ты*, иногда *вы* говорил Левину. Он обнял Левина и, говоря с ним, не замечал Вронского, который встал и спокойно дожидался, когда князь обратится к нему.

Кити чувствовала, как после того, что произошло, любезность отца была тяжела Левину. Она видела также, как холодно отец ее наконец ответил на поклон Вронского и как Вронский с дружелюбным недоумением посмотрел на ее отца, стараясь понять и не понимая, как и за что можно было быть к нему недружелюбно расположенным, и она покраснела.

– Князь, отпустите нам Константина Дмитрича, – сказала графиня Нордстон. – Мы хотим опыт делать.

– Какой опыт? столы вертеть? Ну, извините меня, дамы и господа, но, по моему, в колечко веселее играть, – сказал старый князь, глядя на Вронского и догадываясь, что он затеял это. – В колечке еще есть смысл.

Вронский посмотрел с удивлением на князя своими твердыми глазами и, чуть-улыбнувшись, тотчас же заговорил с графиней Нордстон о предстоящем на будущей неделе большом бале.

– Я надеюсь, что вы будете? – обратился он к Кити.

Как только старый князь отвернулся от него, Левин незаметно вышел, и последнее впечатление, вынесенное им с этого вечера, было улыбающееся, счастливое лицо Кити, отве-

чавшей Вронскому на его вопрос о бале.

XV.

Когда вечер кончился, Кити рассказала матери о разговоре ее с Левиным, и, несмотря на всю жалость, которую она испытала к Левиному, ее радовала мысль, что ей было сделано *предложение*. У нее не было сомнения, что она поступила как следовало. Но в постели она долго не могла заснуть. Одно впечатление неотступно преследовало ее. Это было лицо Левина с насупленными бровями и мрачно-уныло смотрящими из-под них добрыми глазами, как он стоял, слушая отца и взглядывая на нее и на Вронского. И ей так жалко стало его, что слезы навернулись на глаза. Но тотчас же она подумала о том, на кого она променяла его. Она живо вспомнила это мужественное, твердое лицо, это благородное спокойствие и светящуюся во всем доброту ко всем; вспомнила любовь к себе того, кого она любила, и ей опять стало радостно на душе, и она с улыбкой счастья легла на подушку. «Жалко, жалко, но что же делать? Я не виновата», говорила она себе; но внутренний голос говорил ей другое. В том ли она рассказывалась, что завлекла Левина, или в том, что отказала, — она не знала. Но счастье ее было отравлено сомнениями. «Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!», говорила она про себя, пока заснула.

В это время внизу, в маленьком кабинете князя, происхо-

дила одна из часто повторявшихся между родителями сцен за любимую дочь.

— Что? Вот что! — кричал князь, размахивая руками и тотчас же запахивая свой беличий халат. — То, что в вас нет гордости, достоинства, что вы срамите, губите дочь этим сватовством, подлым, дурацким!

— Да помилуй, ради самого Бога, князь, что я сделала? — говорила княгиня, чуть не плача.

Она, счастливая, довольная после разговора с дочерью, пришла к князю проститься по обыкновению, и хотя она не намерена была говорить ему о предложении Левина и отказе Кити, но намекнула мужу на то, что ей кажется дело с Вронским совсем конченным, что оно решится, как только придет его мать. И тут-то, на эти слова, князь вдруг вспылil и начал выкрикивать неприличные слова.

— Что вы сделали? А вот что: во-первых, вы заманиваете жениха, и вся Москва будет говорить, и резонно. Если вы делаете вечера, так зовите всех, а не избранных женишков. Позовите всех этих *тютьков* (так князь называл московских молодых людей), позовите тапера, и пускай пляшут, а не так, как нынче, — женишков, и сводить. Мне видеть мерзко, мерзко, и вы добились, вскружили голову девчонке. Левин в тысячу раз лучше человек. А это франтик петербургский, их на машине делают, они все на одну стать, и все дрянь. Да хоть бы он принц крови был, моя дочь ни в ком не нуждается!

— Да что же я сделала?

– А то... – с гневом вскрикнул князь.

– Знаю я, что если тебя слушать, перебила княгиня, – то мы никогда не отдадим дочь замуж. Если так, то надо в деревню уехать.

– И лучше уехать.

– Да постой. Разве я заискиваю? Я нисколько не заискиваю. А молодой человек, и очень хороший, влюбился, и она, кажется...

– Да, вот вам кажется! А как она в самом деле влюбится, а он столько же думает жениться, как я?... Ох! не смотрели бы мои глаза!.. «Ах, спиритизм, ах, Ницца, ах, на бале»... – И князь, воображая, что он представляет жену, приседал на каждом слове. – А вот, как сделаем несчастье Катеньки, как она в самом деле заберет в голову...

– Да почему же ты думаешь?

– Я не думаю, а знаю; на это глаза есть у нас, а не у баб. Я вижу человека, который имеет намерения серьезные, это Левин; и вижу перепела, как этот щелкопер, которому только повеселиться.

– Ну, уж ты забереешь в голову...

– А вот вспомнишь, да поздно, как с Дашенькой.

– Ну, хорошо, хорошо, не будем говорить, – остановила его княгиня, вспомнив про несчастную Долли.

– И прекрасно, и прощай!

И, перекрестив друг друга и поцеловавшись, но чувствуя, что каждый остался при своем мнении, супруги разошлись.

Княгиня была сперва твердо уверена, что нынешний вечер решил судьбу Кити и что не может быть сомнения в намерениях Вронского; но слова мужа смутили ее. И, вернувшись к себе, она, точно так же как и Кити, с ужасом пред неизвестностью будущего, несколько раз повторила в душе: «Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!»

XVI.

Вронский никогда не знал семейной жизни. Мать его была в молодости блестящая светская женщина, имевшая во время замужества, и в особенности после, много романов, известных всему свету. Отца своего он почти не помнил и был воспитан в Пажеском Корпусе.

Выйдя очень молодым блестящим офицером из школы, он сразу попал в колею богатых петербургских военных. Хотя он и ездил изредка в петербургский свет, все любовные интересы его были вне света.

В Москве в первый раз он испытал, после роскошной и грубой петербургской жизни, прелесть сближения со светскою, милою и невинною девушкой, которая полюбила его. Ему и в голову не приходило, чтобы могло быть что-нибудь дурное в его отношениях к Кити. На балах он танцевал преимущественно с нею; он ездил к ним в дом. Он говорил с нею то, что обыкновенно говорят в свете, всякий вздор, но вздор, которому он невольно придавал особенный для нее смысл.

Несмотря на то, что он ничего не сказал ей такого, чего не мог бы сказать при всех, он чувствовал, что она всё более и более становилась в зависимость от него, и чем больше он это чувствовал, тем ему было приятнее, и его чувство к ней становилось нежнее. Он не знал, что его образ действий относительно Кити имеет определенное название, что это есть заманивание барышень без намерения жениться и что это заманивание есть один из дурных поступков, обыкновенных между блестящими молодыми людьми, как он. Ему казалось, что он первый открыл это удовольствие, и он наслаждался своим открытием.

Если б он мог слышать, что говорили ее родители в этот вечер, если б он мог перенестись на точку зрения семьи и узнать, что Кити будет несчастна, если он не женится на ней, он бы очень удивился и не поверил бы этому. Он не мог поверить тому, что то, что доставляло такое большое и хорошее удовольствие ему, а главное ей, могло быть дурно. Еще меньше он мог бы поверить тому, что он должен жениться.

Женитьба для него никогда не представлялась возможностью. Он не только не любил семейной жизни, но в семье, и в особенности в муже, по тому общему взгляду холостого мира, в котором он жил, он представлял себе нечто чуждое, враждебное, а всего более – смешное. Но хотя Вронский и не подозревал того, что говорили родители, он, выйдя в этот вечер от Щербацких, почувствовал, что та духовная тайная связь, которая существовала между ним и Кити, утвердилась

нынешний вечер так сильно, что надо предпринять что-то. Но что можно и что должно было предпринять, он не мог придумать.

«То и прелестно, – думал он, возвращаясь от Щербацких и вынося от них, как и всегда, приятное чувство чистоты и свежести, происходившее отчасти и оттого, что он не курил целый вечер, и вместе новое чувство умиления пред ее к себе любовью, – то и прелестно, что ничего не сказано ни мной, ни ею, но мы так понимали друг друга в этом невидимом разговоре взглядов и интонаций, что нынче яснее, чем когда-нибудь, она сказала мне, что любит. И как мило, просто и, главное, доверчиво! Я сам себя чувствую лучше, чище. Я чувствую, что у меня есть сердце и что есть во мне много хорошего, Эти милые влюбленные глаза! Когда она сказала: *и очень...*»

«Ну так что ж? Ну и ничего. Мне хорошо, и ей хорошо». И он задумался о том, где ему окончить нынешний вечер.

Он прикинул воображением места, куда он мог бы ехать. «Клуб? партия безика, шампанское с Игнатовым? Нет, не поеду. Château des fleurs, там найду Облонского, куплеты, сапсан. Нет, надоело. Вот именно за то я люблю Щербацких, что сам лучше делаюсь. Поеду домой». Он прошел прямо в свой номер у Дюссо, велел подать себе ужинать и потом, раздевшись, только успел положить голову на подушку, заснул крепким и спокойным, как всегда, сном.

XVII.

На другой день, в 11 часов утра, Вронский выехал на станцию Петербургской железной дороги встречать мать, и первое лицо, попавшееся ему на ступеньках большой лестницы, был Облонский, ожидавший с этим же поездом сестру.

— А! ваше сиятельство! — крикнул Облонский. — Ты за кем?

— Я за матушкой, — улыбаясь, как и все, кто встречался с Облонским, отвечал Вронский, пожимая ему руку, и вместе с ним взошел на лестницу. — Она нынче должна быть из Петербурга.

— А я тебя ждал до двух часов. Куда же ты поехал от Щербацких?

— Домой, — отвечал Вронский. — Признаться, мне так было приятно вчера после Щербацких, что никуда не хотелось.

— Узнаю коней ретивых по каким-то их таврам, юношей влюбленных узнаю по их глазам, — продекламировал Степан Аркадьевич точно так же, как прежде Левину.

Вронский улыбнулся с таким видом, что он не отрекается от этого, но тотчас же переменял разговор.

— А ты кого встречаешь? — спросил он.

— Я? я хорошенькую женщину, — сказал Облонский.

— Вот как!

– Nonni soit qui mal y pense!⁷ Сестру Анну.

– Ах, это Каренину? – сказал Вронский.

– Ты ее, верно, знаешь?

– Кажется, знаю. Или нет.... Право, не помню, – рассеянно отвечал Вронский, смутно представляя себе при имени Карениной что-то чопорное и скучное.

– Но Алексея Александровича, моего знаменитого зятя, верно, знаешь. Его весь мир знает.

– То есть знаю по репутации и по виду. Знаю, что он умный, ученый, божественный что-то.... Но ты знаешь, это не в моей... not in my line,⁸ – сказал Вронский.

– Да, он очень замечательный человек; немножко консерватор, но славный человек, – заметил Степан Аркадьич, – славный человек.

– Ну, и тем лучше для него, – сказал Вронский улыбаясь. – А, ты здесь, – обратился он к высокому старому лакею матери, стоявшему у двери, – войди сюда.

Вронский в это последнее время, кроме общей для всех приятности Степана Аркадьича, чувствовал себя привязанным к нему еще тем, что он в его воображении соединялся с Кити.

– Ну что ж, в воскресенье сделаем ужин для *дивы*? – сказал он ему, с улыбкой взяв его под руку.

– Непременно. Я сберу подписку. Ах, познакомился ты

---

⁷ [Стыдно тому, кто дурно это истолкует!]

⁸ [не в моей компетенции.]

вчера с моим приятелем Левиным? – спросил Степан Аркадьич.

– Как же. Но он что-то скоро уехал.

– Он славный малый, – продолжал Облонский. – Не правда ли?

– Я не знаю, – отвечал Вронский, – отчего это во всех Москвичах, разумеется, исключая тех, с кем говорю, – шутливо вставил он, – есть что-то резкое. Что-то они всё на дыбы становятся, сердятся, как будто всё хотят дать почувствовать что-то...

– Есть это, правда, есть... – весело смеясь, сказал Степан Аркадьич.

– Что, скоро ли? – обратился Вронский к служащему.

– Поезд вышел, – отвечал служитель.

Приближение поезда всё более и более обозначалось движением приготовлений на станции, беганьем артельщиков, появлением жандармов и служащих и подъездом встречающих. Сквозь морозный пар виднелись рабочие в полушубках, в мягких валеных сапогах, переходившие через рельсы загибающихся путей. Слышался свист паровика на дальних рельсах и передвижение чего-то тяжелого.

– Нет, – сказал Степан Аркадьич, которому очень хотелось рассказать Вронскому о намерениях Левина относительно Кити. – Нет, ты неверно оценил моего Левина. Он очень нервный человек и бывает неприятен, правда, но зато иногда он бывает очень мил. Это такая честная, правди-

вая натура, и сердце золотое. Но вчера были особенные причины, — с значительною улыбкой продолжал Степан Аркадьич, совершенно забывая то искреннее сочувствие, которое он вчера испытывал к своему приятелю, и теперь испытывая такое же, только к Вронскому. — Да, была причина, почему он мог быть или особенно счастлив, или особенно несчастлив.

Вронский остановился и прямо спросил:

— То есть что же? Или он вчера сделал предложение твоей belle soeur?..⁹

— Может быть, — сказал Степан Аркадьич. — Что-то мне показалось такое вчера. Да, если он рано уехал и был еще не в духе, то это так... Он так давно влюблен, и мне его очень жаль.

— Вот как!... Я думаю, впрочем, что она может рассчитывать на лучшую партию, — сказал Вронский и, выпрямив грудь, опять принялся ходить. — Впрочем, я его не знаю, — прибавил он. — Да, это тяжелое положение! От этого-то большинство и предпочитает знаться с Кларами. Там неудача доказывает только, что у тебя не достало денег, а здесь — твое достоинство на весах. Однако вот и поезд.

Действительно, вдали уже свистел паровоз. Через несколько минут платформа задрожала, и, пыхая сбиваемым книзу от мороза паром, прокатился паровоз с медленно и мерно нагибающимся и растягивающимся рычагом среднего колеса и с кланяющимся, обвязанным, заиндевелым маши-

---

⁹ [свояченице?]

нистом; а за тендером, всё медленнее и более потрясая платформу, стал проходить вагон с багажом и с визжавшею собакой; наконец, подрагивая пред остановкой, подошли пассажирские вагоны.

Молодцоватый кондуктор, на ходу давая свисток, соскочил, и вслед за ним стали по одному сходить нетерпеливые пассажиры: гвардейский офицер, держась прямо и строго оглядываясь; вертлявый купчик с сумкой, весело улыбаясь; мужик с мешком через плечо.

Вронский, стоя рядом с Облонским, оглядывал вагоны и выходявших и совершенно забыл о матери. То, что он сейчас узнал про Кити, возбуждало и радовало его. Грудь его невольно выпрямлялась, и глаза блестели. Он чувствовал себя победителем.

— Графиня Вронская в этом отделении, — сказал молодцоватый кондуктор, подходя к Вронскому.

Слова кондуктора разбудили его и заставили вспомнить о матери и предстоящем свидании с ней. Он в душе своей не уважал матери и, не отдавая себе в том отчета, не любил ее, хотя по понятиям того круга, в котором жил, по воспитанию своему, не мог себе представить других к матери отношений, как в высшей степени покорных и почтительных, и тем более внешне покорных и почтительных, чем менее в душе он уважал и любил ее.

XVIII.

Вронский пошел за кондуктором в вагон и при входе в отделение остановился, чтобы дать дорогу выходившей даме. С привычным тактом светского человека, по одному взгляду на внешность этой дамы, Вронский определил ее принадлежность к высшему свету. Он извинился и пошел было в вагон, но почувствовал необходимость еще раз взглянуть на нее — не потому, что она была очень красива, не по тому изяществу и скромной грации, которые видны были во всей ее фигуре, но потому, что в выражении миловидного лица, когда она прошла мимо его, было что-то особенно ласковое и нежное. Когда он оглянулся, она тоже повернула голову. Блестящие, казавшиеся темными от густых ресниц, серые глаза дружелюбно, внимательно остановились на его лице, как будто она признавала его, и тотчас же перенеслись на подходившую толпу, как бы ища кого-то. В этом коротком взгляде Вронский успел заметить сдержанную оживленность, которая играла в ее лице и порхала между блестящими глазами и чуть заметной улыбкой, изгибавшею ее румяные губы. Как будто избыток чего-то так переполнял ее существо, что мимо ее воли выражался то в блеске взгляда, то в улыбке. Она потушила умышленно свет в глазах, но он светился против ее воли в чуть заметной улыбке.

Вронский вошел в вагон. Мать его, сухая старушка с чер-

ными глазами и буколками, шурилась, вглядываясь в сына, и слегка улыбалась тонкими губами. Поднявшись с диванчика и передав горничной мешочек, она подала маленькую сухую руку сыну и, подняв его голову от руки, поцеловала его в лицо.

– Получил телеграмму? Здоров? Слава Богу.

– Хорошо доехали? – сказал сын, садясь подле нее и невольно прислушиваясь к женскому голосу из-за двери. Он знал, что это был голос той дамы, которая встретила его при входе.

– Я всё-таки с вами несогласна, – говорил голос дамы.

– Петербургский взгляд, сударыня.

– Не петербургский, а просто женский, – отвечала она.

– Ну-с, позвольте поцеловать вашу ручку.

– До свиданья, Иван Петрович. Да посмотрите, не тут ли брат, и пошлите его ко мне, – сказала дама у самой двери и снова вошла в отделение.

– Что ж, нашли брата? – сказала Вронская, обращаясь к даме.

Вронский вспомнил теперь, что это была Каренина.

– Ваш брат здесь, – сказал он, вставая. – Извините меня, я не узнал вас, да и наше знакомство было так коротко, – сказал Вронский, кланяясь, – что вы, верно, не помните меня.

– О, нет, – сказала она, – я бы узнала вас, потому что мы с вашею матушкой, кажется, всю дорогу говорили только о вас, – сказала она, позволяя наконец просившемуся наружу

оживлению выразиться в улыбке. — А брата моего всё-таки нет.

— Позови же его, Алеша, — сказала старая графиня.

Вронский вышел на платформу и крикнул:

— Облонский! Здесь!

Но Каренина не дождалась брата, а, увидав его, решительным легким шагом вышла из вагона. И, как только брат подошел к ней, она движением, поразившим Вронского своею решительностью и грацией, обхватила брата левою рукой за шею, быстро притянула к себе и крепко поцеловала. Вронский, не спуская глаз, смотрел на нее и, сам не зная чему, улыбался. Но вспомнив, что мать ждала его, он опять вошел в вагон.

— Не правда ли, очень мила? — сказала графиня про Каренину. — Ее муж со мною посадил, и я очень рада была. Всю дорогу мы с ней проговорили. Ну, а ты, говорят... *vous filez le parfait amour. Tant mieux, mon cher, tant mieux.*¹⁰

— Я не знаю, на что вы намекаете, тамап, — отвечал сын холодно. — Что ж, тамап, идем.

Каренина опять вошла в вагон, чтобы проститься с графинею.

— Ну вот, графиня, вы встретили сына, а я брата, — весело сказала она. — И все истории мои истощились; дальше нечего было бы рассказывать.

---

¹⁰ [у тебя всё еще тянется идеальная любовь. Тем лучше, мой милый, тем лучше.]

– Ну, нет, – сказала графиня, взяв ее за руку, – я бы с вами объехала вокруг света и не соскучилась бы. Вы одна из тех милых женщин, с которыми и поговорить и помолчать приятно. А о сыне вашем, пожалуйста, не думайте; нельзя же никогда не разлучаться.

Каренина стояла неподвижно, держась чрезвычайно прямо, и глаза ее улыбались.

– У Анны Аркадьевны, – сказала графиня, объясняя сыну, – есть сынок восьми лет, кажется, и она никогда с ним не разлучалась и всё мучается, что оставила его.

– Да, мы всё время с графиней говорили, я о своем, она о своем сыне, – сказала Каренина, и опять улыбка осветила ее лицо, улыбка ласковая, относившаяся к нему.

– Вероятно, это вам очень наскучило, – сказал он, сейчас, на лету, подхватывая этот мяч кокетства, который она бросила ему. Но она, видимо, не хотела продолжать разговора в этом тоне и обратилась к старой графине:

– Очень благодарю вас. Я и не видала, как провела вчерашний день. До свиданья, графиня.

– Прощайте, мой дружок, – отвечала графиня. – Дайте поцеловать ваше хорошенькое личико. Я просто, по-старушечьи, прямо говорю, что полюбила вас.

Как ни казенна была эта фраза, Каренина, видимо, от души поверила и порадовалась этому. Она покраснела, слегка нагнулась, подставила свое лицо губам графини, опять выпрямилась и с тою же улыбкой, волновавшеюся между губа-

ми и глазами, подала руку Вронскому. Он пожал маленькую ему поданную руку и, как чему-то особенному, обрадовался тому энергическому пожатию, с которым она крепко и смело тряхнула его руку. Она вышла быстрою походкой, так странно легко носившею ее довольно полное тело.

– Очень мила, – сказала старушка.

То же самое думал ее сын. Он провожал ее глазами до тех пор, пока не скрылась ее грациозная фигура, и улыбка осталась на его лице. В окно он видел, как она подошла к брату, положила ему руку на руку и что-то оживленно начала говорить ему, очевидно о чем-то не имеющем ничего общего с ним, с Вронским, и ему ото показалось досадным.

– Ну, что, тамап, вы совершенно здоровы? – повторил он, обращаясь к матери.

– Всё хорошо, прекрасно. Alexandre очень был мил. И Marie очень хороша стала. Она очень интересна.

И опять начала рассказывать о том, что более всего интересовало ее, о крестинах внука, для которых она ездила в Петербург, и про особенную милость Государя к старшему сыну.

– Вот и Лаврентий, – сказал Вронский, глядя в окно, – теперь пойдемте, если угодно.

Старый дворецкий, ехавший с графиней, явился в вагон доложить, что всё готово, и графиня поднялась, чтоб идти.

– Пойдемте, теперь мало народа, – сказал Вронский.

Девушка взяла мешок и собачку, дворецкий и артельщик

другие мешки. Вронский взял под руку мать; но когда они уже выходили из вагона, вдруг несколько человек с испуганными лицами пробежали мимо. Пробежал и начальник станции в своей необыкновенного цвета фуражке. Очевидно, что-то случилось необыкновенное. Народ от поезда бежал назад.

– Что?... Что?... Где?... Бросился!.. задавило!.. – слышалось между проходившими.

Степан Аркадьич с сестрой под руку, тоже с испуганными лицами, вернулись и остановились, избегая народ, у входа в вагон.

Дамы вошли в вагон, а Вронский со Степаном Аркадьичем пошли за народом узнавать подробности несчастья.

Сторож, был ли он пьян или слишком закутан от сильного мороза, не слышал отодвигаемого задом поезда, и его раздавили.

Еще прежде чем вернулись Вронский и Облонский, дамы узнали эти подробности от дворецкого.

Облонский и Вронский оба видели обезображенный труп. Облонский, видимо, страдал. Он морщился и, казалось, готов был плакать.

– Ах, какой ужас! Ах, Анна, если бы ты видела! Ах, какой ужас! – приговаривал он.

Вронский молчал, и красивое лицо его было серьезно, но совершенно спокойно.

– Ах, если бы вы видели, графиня, – говорил Степан Ар-

кадьич. — И жена его тут... Ужасно видеть ее... Она бросилась на тело. Говорят, он один кормил огромное семейство. Вот ужас!

— Нельзя ли что-нибудь сделать для нее? — взволнованным шопотом сказала Каренина.

Вронский взглянул на нее и тотчас же вышел из вагона.

— Я сейчас приду, тамап, — прибавил он, обертываясь в дверях.

Когда он возвратился через несколько минут, Степан Аркадьич уже разговаривал с графиней о новой певице, а графиня нетерпеливо оглядывалась на дверь, ожидая сына.

— Теперь пойдемте, — сказал Вронский, входя.

Они вместе вышли. Вронский шел впереди с матерью. Сзади шла Каренина с братом. У выхода к Вронскому подошел догнавший его начальник станции.

— Вы передали моему помощнику двести рублей. Потрудитесь обозначить, кому вы назначаете их?

— Вдове, — сказал Вронский, пожимая плечами. — Я не понимаю, о чем спрашивать.

— Вы дали? — крикнул сзади Облонский и, прижав руку сестры, прибавил: — Очень мило, очень мило! Неправда ли, славный малый? Мое почтение, графиня.

И он с сестрой остановились, отыскивая ее девушку.

Когда они вышли, карета Вронских уже отъехала. Выходившие люди всё еще переговаривались о том, что случилось.

– Вот смерть-то ужасная! – сказал какой-то господин, проходя мимо. – Говорят, на два куска.

– Я думаю, напротив, самая легкая, мгновенная, – заметил другой.

– Как это не примут мер, – говорил третий.

Каренина села в карету, и Степан Аркадьич с удивлением увидал, что губы ее дрожат, и она с трудом удерживает слезы.

– Что с тобой, Анна? – спросил он, когда они отъехали несколько сот сажен.

– Дурное предзнаменование, – сказала она.

– Какие пустяки! – сказал Степан Аркадьич. – Ты приехала, это главное. Ты не можешь представить себе, как я надеюсь на тебя.

– А ты давно знаешь Вронского? – спросила она.

– Да. Ты знаешь, мы надеемся, что он женится на Кити.

– Да? – тихо сказала Анна. – Ну, теперь давай говорить о тебе, – прибавила она, встряхивая головой, как будто хотела физически отогнать что-то лишнее и мешавшее ей. – Давай говорить о твоих делах. Я получила твое письмо и вот приехала.

– Да, вся надежда на тебя, – сказал Степан Аркадьич.

– Ну, расскажи мне всё.

И Степан Аркадьич стал рассказывать.

Подъехав к дому, Облонский высадил сестру, вздохнул, пожал ее руку и отправился в присутствие.

XIX.

Когда Анна вошла в комнату, Долли сидела в маленькой гостиной с белоголовым пухлым мальчиком, уж теперь похожим на отца, и слушала его урок из французского чтения. Мальчик читал, вертя в руке и стараясь оторвать чуть державшуюся пуговицу курточки. Мать несколько раз отнимала руку, но пухлая ручонка опять бралась за пуговицу. Мать отрывала пуговицу и положила ее в карман.

— Успокой руки, Гриша, — сказала она и опять взялась за свое одеяло, давнишнюю работу, за которую она всегда бралась в тяжелые минуты, и теперь вязала нервно, закидывая пальцем и считая петли. Хотя она и велела вчера сказать мужу, что ей дела нет до того, придет или не придет его сестра, она всё приготовила к ее приезду и с волнением ждала золовку.

Долли была убита своим горем, вся поглощена им. Однако она помнила, что Анна, золовка, была жена одного из важнейших лиц в Петербурге и петербургская *grande dame*. И, благодаря этому обстоятельству, она не исполнила сказанного мужу, то есть не забыла, что придет золовка. «Да наконец Анна ни в чем не виновата, — думала Долли. — Я о ней ничего, кроме самого хорошего, не знаю, и в отношении к себе я видела от нее только ласку и дружбу». Правда, сколько она могла запомнить свое впечатление в Петербурге у Карени-

ных, ей не нравился самый дом их; что-то было фальшивое во всем складе их семейного быта. «Но за что же я не приму ее? Только бы не вздумала она утешать меня! – думала Долли. – Все утешения, и увещания, и прощения христианские – всё это я уж тысячу раз передумала, и всё это не годится».

Все эти дни Долли была одна с детьми. Говорить о своем горе она не хотела, а с этим горем на душе говорить о постороннем она не могла. Она знала, что, так или иначе, она Анне выскажет всё, и то ее радовала мысль о том, как она выскажет, то злила необходимость говорить о своем унижении с ней, его сестрой, и слышать от нее готовые фразы увещания и утешения.

Она, как часто бывает, глядя на часы, ждала ее каждую минуту и пропустила именно ту, когда гостя приехала, так что не слыхала звонка.

Услыхав шум платья и легких шагов уже в дверях, она оглянулась, и на измученном лице ее невольно выразилось не радость, а удивление. Она встала и обняла золовку.

– Как, уж приехала? – сказала она, целуя ее.

– Долли, как я рада тебя видеть!

– И я рада, – слабо улыбаясь и стараясь по выражению лица Анны узнать, знает ли она, сказала Долли. «Верно, знает», подумала она, заметив соболезнавание на лице Анны. – Ну, пойдем, я тебя проведу в твою комнату, – продолжала она, стараясь отдалить сколько возможно минуту объяснения.

– Это Гриша? Боже мой, как он вырос! – сказала Анна

и, поцеловав его, не спуская глаз с Долли, остановилась и покраснела. – Нет, позволь никуда не ходить.

Она сняла платок, шляпу и, зацепив ею за прядь своих черных, везде вьющихся волос, мотая головой, отцепляла волоса.

– А ты сияешь счастьем и здоровьем! – сказала Долли почти с завистью.

– Я?... Да, – сказала Анна. – Боже мой, Таня! Ровесница Сереже моему, – прибавила она, обращаясь ко вбежавшей девочке. Она взяла ее на руки и поцеловала. – Прелестная девочка, прелесть! Покажи же мне всех.

Она называла их и припоминала не только имена, но года, месяцы, характеры, болезни всех детей, и Долли не могла не оценить этого.

– Ну, так пойдем к ним, – сказала она. – Вася спит теперь, жалко.

Осмотрев детей, они сели, уже одни, в гостиной, пред кофеем. Анна взялась за поднос и потом отодвинула его.

– Долли, – сказала она, – он говорил мне.

Долли холодно посмотрела на Анну. Она ждала теперь притворно-сочувственных фраз; но Анна ничего такого не сказала.

– Долли, милая! – сказала она, – я не хочу ни говорить тебе за него, ни утешать; это нельзя. Но, душенька, мне просто жалко, жалко тебя всею душой!

Из-за густых ресниц ее блестящих глаз вдруг показались

слезы. Она пересела ближе к невестке и взяла ее руку своею энергическою маленькою рукой. Долли не отстранилась, но лицо ее не изменяло своего сухого выражения. Она сказала:

– Утешить меня нельзя. Всё потеряно после того, что было, всё пропало!

И как только она сказала это, выражение лица ее вдруг смягчилось. Анна подняла сухую, худую руку Долли, поцеловала ее и сказала:

– Но, Долли, что же делать, что же делать? Как лучше поступить в этом ужасном положении? – вот о чем надо подумать.

– Всё кончено, и больше ничего, – сказала Долли. – И хуже всего то, ты пойми, что я не могу его бросить; дети, я связана. А с ним жить я не могу, мне мука видеть его.

– Долли, голубчик, он говорил мне, но я от тебя хочу слышать, скажи мне всё.

Долли посмотрела на нее вопросительно.

Участие и любовь непритворные видны были на лице Анны.

– Изволь, – вдруг сказала она. – Но я скажу сначала. Ты знаешь, как я вышла замуж. Я с воспитанием тамап не только была невинна, но я была глупа. Я ничего не знала. Говорят, я знаю, мужа рассказывают женам свою прежнюю жизнь, но Стива.... – она поправилась – Степан Аркадьич ничего не сказал мне. Ты не поверишь, но я до сих пор думала, что я одна женщина, которую он знал. Так я жила восемь

лет. Ты пойми, что я не только не подозревала неверности, но что я считала это невозможным, и тут, представь себе, с такими понятиями узнать вдруг весь ужас, всю гадость.... – Ты пойми меня. Быть уверенной вполне в своем счастье, и вдруг... – продолжала Долли, удерживая рыдания, – и получить письмо.... письмо его к своей любовнице, к моей гувернантке. Нет, это слишком ужасно! – Она поспешно вынула платок и закрыла им лицо. – Я понимаю еще увлечение, – продолжала она, помолчав, – но обдуманно, хитро обманывать меня.... с кем же?... Продолжать быть моим мужем вместе с нею.... это ужасно! Ты не можешь понять....

– О, нет, я понимаю! Понимаю, милая Долли, понимаю, – говорила Анна, пожимая ее руку.

– И ты думаешь, что он понимает весь ужас моего положения? – продолжала Долли. – Нисколько! Он счастлив и доволен.

– О, нет! – быстро перебила Анна. – Он жалок, он убит раскаяньем...

– Способен ли он к раскаянью? – перебила Долли, внимательно вглядываясь в лицо золовки.

– Да, я его знаю. Я не могла без жалости смотреть на него. Мы его обе знаем. Он добр, но он горд, а теперь так унижен. Главное, что меня тронуло... – (и тут Анна угадала главное, что могло тронуть Долли) – его мучают две вещи: то, что ему стыдно детей, и то, что он, любя тебя... да, да, любя больше всего на свете, – поспешно перебила она хотевшую возра-

жать Долли, – сделал тебе больно, убил тебя. «Нет, нет, она не простит», всё говорит он.

Долли задумчиво смотрела мимо золовки, слушая ее слова.

– Да, я понимаю, что положение его ужасно; виноватому хуже, чем невинному, – сказала она, – если он чувствует, что от вины его всё несчастье. Но как же простить, как мне опять быть его женою после нее? Мне жить с ним теперь будет мученье, именно потому, что я люблю свою прошедшую любовь к нему...

И рыдания перервали ее слова.

Но как будто нарочно, каждый раз, как она смягчалась, она начинала опять говорить о том, что раздражало ее.

– Она ведь молода, ведь она красива, – продолжала она. – Ты понимаешь ли, Анна, что у меня моя молодость, красота взяты кем? Им и его детьми. Я отслужила ему, и на этой службе ушло всё мое, и ему теперь, разумеется, свежее пошлое существо приятнее. Они, верно, говорили между собою обо мне или, еще хуже, умалчивали, – ты понимаешь? – Опять ненавистью зажглись ее глаза. – И после этого он будет говорить мне... Что ж, я буду верить ему? Никогда. Нет, уж кончено всё, всё, что составляло утешенье, награду труда, мук... Ты согласишься ли? я сейчас учила Гришу: прежде это бывало радость, теперь мученье. Зачем я стараюсь, тружусь? Зачем дети? Ужасно то, что вдруг душа моя перевернулась, и вместо любви, нежности у меня к нему одна злоба, да, зло-

ба. Я бы убила его и...

– Душенька, Долли, я понимаю, но не мучь себя. Ты так оскорблена, так возбуждена, что ты многое видишь не так.

Долли затихла, и они минуты две помолчали.

– Что делать, подумай, Анна, помоги. Я всё передумала и ничего не вижу.

Анна ничего не могла придумать, но сердце ее прямо отзывалось на каждое слово, на каждое выражение лица невестки.

– Я одно скажу, – начала Анна, – я его сестра, я знаю его характер, эту способность всё, всё забыть (она сделала жест пред лбом), эту способность полного увлечения, но зато и полного раскаяния. Он не верит, не понимает теперь, как он мог сделать то, что сделал.

– Нет, он понимает, он понимал! – перебила Долли. – Но я... ты забываешь меня... разве мне легче?

– Постой. Когда он говорил мне, признаюсь тебе, я не понимала еще всего ужаса твоего положения. Я видела только его и то, что семья расстроена; мне его жалко было, но, поговорив с тобой, я, как женщина, вижу другое; я вижу твои страдания, и мне, не могу тебе сказать, как жаль тебя! Но, Долли, душенька, я понимаю твои страдания вполне, только одного я не знаю: я не знаю... я не знаю, насколько в душе твоей есть еще любви к нему. Это ты знаешь, – настолько ли есть, чтобы можно было простить. Если есть, то прости!

– Нет, – начала Долли; но Анна прервала ее, целуя еще

раз ее руку.

– Я больше тебя знаю свет, – сказала она. – Я знаю этих людей, как Стива, как они смотрят на это. Ты говоришь, что он с *ней* говорил об тебе. Этого не было. Эти люди делают неверности, но свой домашний очаг и жена – это для них святыня. Как-то у них эти женщины остаются в презрении и не мешают семье. Они какую-то черту проводят непроходимую между семьей и этим. Я этого не понимаю, но это так.

– Да, но он целовал ее....

– Долли, постой, душенька. Я видела Стиву, когда он был влюблен в тебя. Я помню это время, когда он приезжал ко мне и плакал, говоря о тебе, и какая поэзия и высота была ты для него, и я знаю, что чем больше он с тобой жил, тем выше ты для него становилась. Ведь мы смеялись бывало над ним, что он к каждому слову прибавлял: «Долли удивительная женщина». Ты для него божество всегда была и осталась, а это увлечение не души его...

– Но если это увлечение повторится?

– Оно не может, как я понимаю....

– Да, но ты простила бы?

– Не знаю, не могу судить... Нет, могу, – сказала Анна, подумав; и, уловив мыслью положение и свесив его на внутренних весах, прибавила: – Нет, могу, могу, могу. Да, я простила бы. Я не была бы тою же, да, но простила бы, и так простила бы, как будто этого не было, совсем не было.

– Ну, разумеется, – быстро прервала Долли, как будто она

говорила то, что не раз думала, — иначе бы это не было прощение. Если простить, то совсем, совсем. Ну, пойдем, я тебя проведу в твою комнату, — сказала она вставая, и по дороге Долли обняла Анну. — Милая моя, как я рада, что ты приехала. Мне легче, гораздо легче стало.

XX.

Весь день этот Анна провела дома, то есть у Облонских, и не принимала никого, так как уж некоторые из ее знакомых, успев узнать о ее прибытии, приезжали в этот же день. Анна всё утро провела с Долли и с детьми. Она только послала записочку к брату, чтоб он непременно обедал дома. «Приезжай, Бог милостив», писала она.

Облонский обедал дома; разговор был общий, и жена говорила с ним, называя его «ты», чего прежде не было. В отношениях мужа с женой оставалась та же отчужденность, но уже не было речи о разлуке, и Степан Аркадьич видел возможность объяснения и примирения.

Тотчас после обеда приехала Кити. Она знала Анну Аркадьевну, но очень мало, и ехала теперь к сестре не без страху пред тем, как ее примет эта петербургская светская дама, которую все так хвалили. Но она понравилась Анне Аркадьевне, — это она увидела сейчас. Анна, очевидно, любовалась ее красотой и молодостью, и не успела Кити опомниться, как она уже чувствовала себя не только под ее влиянием,

но чувствовала себя влюбленной в нее, как способны влюбляться молодые девушки в замужних и старших дам. Анна непохожа была на светскую даму или на мать восьмилетнего сына, но скорее походила бы на двадцатилетнюю девушку по гибкости движений, свежести и установившемуся на ее лице оживлению, выбивавшему то в улыбку, то во взгляд, если бы не серьезное, иногда грустное выражение ее глаз, которое поражало и притягивало к себе Кити. Кити чувствовала, что Анна была совершенно проста и ничего не скрывала, но что в ней был другой какой-то, высший мир недоступных для нее интересов, сложных и поэтических.

После обеда, когда Долли вышла в свою комнату, Анна быстро встала и подошла к брату, который закуривал сигару.

– Стива, – сказала она ему, весело подмигивая, крестя его и указывая на дверь глазами. – Иди, и помогай тебе Бог.

Он бросил сигару, поняв ее, и скрылся за дверью.

Когда Степан Аркадьич ушел, она вернулась на диван, где сидела окруженная детьми. Оттого ли, что дети видели, что мама любила эту тетю, или оттого, что они сами чувствовали в ней особенную прелесть; но старшие два, а за ними и меньшие, как это часто бывает с детьми, еще до обеда прилипли к новой тете и не отходили от нее. И между ними составилось что-то в роде игры, состоящей в том, чтобы как можно ближе сидеть подле тети, дотрогиваться до нее, держать ее маленькую руку, целовать ее, играть с ее кольцом или хоть дотрогиваться до оборки ее платья.

– Ну, ну, как мы прежде сидели, – сказала Анна Аркадьевна, садясь на свое место.

И опять Гриша подsunул голову под ее руку и прислонился головой к ее платью и засиял гордостью и счастьем.

– Так теперь когда же бал? – обратилась она к Кити.

– На будущей неделе, и прекрасный бал. Один из тех балов, на которых всегда весело.

– А есть такие, где всегда весело? – с нежною насмешкой сказала Анна.

– Странно, но есть. У Бобрищевых всегда весело, у Никитиных тоже, а у Межковых всегда скучно. Вы разве не замечали?

– Нет, душа моя, для меня уж нет таких балов, где весело, – сказала Анна, и Кити увидела в ее глазах тот особенный мир, который ей не был открыт. – Для меня есть такие, на которых менее трудно и скучно....

– Как может быть *вам* скучно на бале?

– Отчего же *мне* не может быть скучно на бале? – спросила Анна.

Кити заметила, что Анна знала, какой последует ответ.

– Оттого, что вы всегда лучше всех.

Анна имела способность краснеть. Она покраснела и сказала:

– Во-первых, никогда; а во-вторых, если б это и было, то зачем мне это?

– Вы поедете на этот бал? – спросила Кити.

– Я думаю, что нельзя будет не ехать. Вот это возьми, – сказала она Тане, которая стаскивала легко сходявшееся кольцо с ее белого, тонкого в конце пальца.

– Я очень рада буду, если вы поедете. Я бы так хотела вас видеть на бале.

– По крайней мере, если придется ехать, я буду утешаться мыслью, что это сделает вам удовольствие... Гриша, не тебе, пожалуйста, они и так все растрепались, – сказала она, поправляя выбившуюся прядь волос, которою играл Гриша.

– Я вас воображаю на бале в лиловом.

– Отчего же непременно в лиловом? – улыбаясь спросила Анна. – Ну, дети, идите, идите. Слышите ли? Мис Гуль зовет чай пить, – сказала она, отрывая от себя детей и отправляя их в столовую.

– А я знаю, отчего вы зовете меня на бал. Вы ждете много от этого бала, и вам хочется, чтобы все тут были, все принимали участие.

– Почему вы знаете? Да.

– О! как хорошо ваше время, – продолжала Анна. – Помню и знаю этот голубой туман, в роде того, что на горах в Швейцарии. Этот туман, который покрывает всё в блаженное то время, когда вот-вот кончится детство, и из этого огромного круга, счастливого, веселого, делается путь всё уже и уже, и весело и жутко входить в эту анфиладу, хотя она кажется и светлая и прекрасная.... Кто не прошел через это?

Кити молча улыбалась. «Но как же она прошла через это?

Как бы я желала знать весь ее роман», подумала Кити, вспоминая непоэтическую наружность Алексея Александровича, ее мужа.

– Я знаю кое-что. Стива мне говорил, и поздравляю вас, он мне очень нравится, – продолжала Анна, – я встретила Вронского на железной дороге.

– Ах, он был там? – спросила Кити покраснев. – Что же Стива сказал вам?

– Стива мне всё разболтал. И я очень была бы рада.

– Я ехала вчера с матерью Вронского, – продолжала она, – и мать не умолкая говорила мне про него; это ее любимец; я знаю, как матери пристрастны, но..

– Что ж мать рассказывала вам?

– Ах, много! И я знаю, что он ее любимец, но всё-таки видно, что это рыцарь... Ну, например, она рассказывала, что он хотел отдать всё состояние брату, что он в детстве еще что-то необыкновенное сделал, спас женщину из воды. Словом, герой, – сказала Анна, улыбаясь и вспоминая про эти двести рублей, которые он дал на станции.

Но она не рассказала про эти двести рублей. Почему-то ей неприятно было вспоминать об этом. Она чувствовала, что в этом было что-то касающееся до нее и такое, чего не должно было быть.

– Она очень просила меня поехать к ней, – продолжала Анна, – и я рада повидать старушку и завтра поеду к ней. Однако, слава Богу, Стива долго остается у Долли в кабине-

те, — прибавила Анна, переменяя разговор и вставая, как показалось Кити, чем-то недовольная.

— Нет, я прежде! нет, я! — кричали дети, окончив чай и выбегая к тете Анне.

— Все вместе! — сказала Анна и смеясь побежала им на встречу и обняла и повалила всю эту кучу копошащихся и визжащих от восторга детей.

XXI.

К чаю больших Долли вышла из своей комнаты. Степан Аркадьич не выходил. Он, должно быть, вышел из комнаты жены задним ходом.

— Я боюсь, что тебе холодно будет наверху, — заметила Долли, обращаясь к Анне, — мне хочется перевести тебя вниз, и мы ближе будем.

— Ах, уж, пожалуйста, обо мне не заботьтесь, — отвечала Анна, вглядываясь в лицо Долли и стараясь понять, было или не было примирения.

— Тебе светло будет здесь, — отвечала невестка.

— Я тебе говорю, что я сплю везде и всегда как сурок.

— О чем это? — спросил Степан Аркадьич, выходя из кабинета и обращаясь к жене.

По тону его и Кити и Анна сейчас поняли, что примирение состоялось.

— Я Анну хочу перевести вниз, но надо гардины переве-

силь. Никто не сумеет сделать, надо самой, – отвечала Долли, обращаясь к нему.

«Бог знает, вполне ли помирились?» подумала Анна, услышав ее тон, холодный и спокойный.

– Ах, полно, Долли, всё делать трудности, – сказал муж. – Ну, хочешь, я всё сделаю...

«Да, должно быть помирились», подумала Анна.

– Знаю, как ты всё сделаешь, – отвечала Долли, – скажешь Матвею сделать то, чего нельзя сделать, а сам уедешь, а он всё перепутает, – и привычная насмешливая улыбка морщила концы губ Долли, когда она говорила это.

«Полное, полное примиренье, полное, – подумала Анна, – слава Богу!» – и, радуясь тому, что она была причиной этого, она подошла к Долли и поцеловала ее.

– Совсем нет, отчего ты так презираешь нас с Матвеем? – сказал Степан Аркадьич, улыбаясь чуть заметно и обращаясь к жене.

Весь вечер, как всегда, Долли была слегка насмешлива по отношению к мужу, а Степан Аркадьич доволен и весел, но настолько, чтобы не показать, что он, будучи прощен, забыл свою вину.

В половине десятого особенно радостная и приятная вечерняя семейная беседа за чайным столом у Облонских была нарушена самым, повидимому, простым событием, но это простое событие почему-то всем показалось странным. Разговорившись об общих петербургских знакомых, Анна быст-

ро встала.

— Она у меня есть в альбоме, — сказала она, — да и кстати я покажу моего Сережу, — прибавила она с гордою материнскою улыбкой.

К десяти часам, когда она обыкновенно прощалась с сыном и часто сама, пред тем как ехать на бал, укладывала его, ей стало грустно, что она так далеко от него; и о чем бы ни говорили, она нет-нет и возвращалась мыслью к своему кудрявому Сереже. Ей захотелось посмотреть на его карточку и поговорить о нем. Воспользовавшись первым предлогом, она встала и своею легкою, решительною походкой пошла за альбомом. Лестница наверх в ее комнату выходила на площадку большой входной теплой лестницы.

В то время, как она выходила из гостиной, в передней слышался звонок.

— Кто это может быть? — сказала Долли.

— За мной рано, а еще кому-нибудь поздно, — заметила Кити.

— Верно, с бумагами, — прибавил Степан Аркадьич, и, когда Анна проходила мимо лестницы, слуга взбегал наверх, чтобы доложить о приехавшем, а сам приехавший стоял у лампы, Анна, взглянув вниз, узнала тотчас же Вронского, и странное чувство удовольствия и вместе страха чего-то вдруг шевельнулось у нее в сердце. Он стоял, не снимая пальто, и что-то доставал из кармана. В ту минуту, как она поровнялась с серединой лестницы, он поднял глаза, увидел

ее, и в выражении его лица сделалось что-то пристыженное и испуганное. Она, слегка наклонив голову, прошла, а вслед за ней послышался громкий голос Степана Аркадьича, звавшего его войти, и негромкий, мягкий и спокойный голос отказывавшегося Вронского.

Когда Анна вернулась с альбомом, его уже не было, и Степан Аркадьич рассказывал, что он заезжал узнать об обеде, который они завтра давали приезжей знаменитости.

– И ни за что не хотел войти. Какой-то он странный, – прибавил Степан Аркадьич.

Кити покраснела. Она думала, что она одна поняла, зачем он приезжал и отчего не вошел. «Он был у нас, – думала она, – и не застал и подумал, я здесь; но не вошел, оттого что думал – поздно, и Анна здесь».

Все переглянулись, ничего не сказав, и стали смотреть альбом Анны.

Ничего не было ни необыкновенного, ни странного в том, что человек заехал к приятелю в половине десятого узнать подробности затеваемого обеда и не вошел; но всем это показалось странно. Более всех странно и нехорошо это показалось Анне.

XXII.

Бал только что начался, когда Кити с матерью входила на большую, уставленную цветами и лакеями в пудре и крас-

ных кафтанах, залитую светом лестницу. Из зал несяся стоявший в них, равномерный как в улье, шорох движенья, и, пока они на площадке между деревьями опраивали перед зеркалом прически и платья, из залы слышались осторожно-отчетливые звуки скрипок оркестра, начавшего первый вальс. Штатский старичок, опраивавший свои седые височки у другого зеркала и изливавший от себя запах духов, столкнулся с ними на лестнице и посторонился, видимо любясь незнакомою ему Кити. Безбородый юноша, один из тех светских юношей, которых старый князь Щербацкий называл *тютьками*, в чрезвычайно-открытом жилете, опраивая на ходу белый галстук, поклонился им и, пробежав мимо, вернулся, приглашая Кити на кадрили. Первая кадрили была уж отдана Вронскому, она должна была отдать этому юноше вторую. Военный, застегивая перчатку, сторонился у двери и, поглаживая усы, любовался на розовую Кити.

Несмотря на то, что туалет, прическа и все приготовления к балу стоили Кити больших трудов и соображений, она теперь, в своем сложном тюлевом платье на розовом чехле, вступала на бал так свободно и просто, как будто все эти розетки, кружева, все подробности туалета не стоили ей и ее домашним ни минуты внимания, как будто она родилась в этом тюле, кружевах, с этою высокою прической, с розой и двумя листками наверху ее.

Когда старая княгиня пред входом в залу хотела опраивить на ней завернувшуюся ленту пояса, Кити слегка отклони-

лась. Она чувствовала, что всё само собою должно быть хорошо и грациозно на ней и что поправлять ничего не нужно.

Кити была в одном из своих счастливых дней. Платье не теснило нигде, нигде не спускалась кружевная берта, розетки не смялись и не оторвались; розовые туфли на высоких, выгнутых каблуках не жали, а веселили ножку. Густые бандо белокурых волос держались как свои на маленькой головке. Пуговицы все три застегнулись, не порвавшись, на высокой перчатке, которая обвила ее руку, не изменив ее формы. Черная бархатка медальона особенно нежно окружила шею. Бархатка эта была прелесть, и дома, глядя в зеркало на свою шею, Кити чувствовала, что эта бархатка говорила. Во всем другом могло еще быть сомнение, но бархатка была прелесть. Кити улыбнулась и здесь на бале, взглянув на нее в зеркало. В обнаженных плечах и руках Кити чувствовала холодную мраморность, чувство, которое она особенно любила. Глаза блестели, и румяные губы не могли не улыбаться от сознания своей привлекательности. Не успела она войти в залу и дойти до тюлево-ленто-кружевно-цветной толпы дам, ожидавших приглашения танцевать (Кити никогда не стаивала в этой толпе), как уж ее пригласили на вальс, и пригласил лучший кавалер, главный кавалер по бальной иерархии, знаменитый дирижер балов, церемониймейстер, женатый, красивый и статный мужчина, Егорушка Корсунский. Только что оставив графиню Банину, с которою он протанцевал первый тур вальса, он, оглядывая свое хозяйство, то

есть пустившихся танцевать несколько пар, увидел входившую Киту и подбежал к ней тою особенною, свойственною только дирижерам балов развязною иноходью и, поклонившись, даже не спрашивая, желает ли она, занес руку, чтоб обнять ее тонкую талию. Она оглянулась, кому передать веер, и хозяйка, улыбаясь ей, взяла его.

– Как хорошо, что вы приехали во время, – сказал он ей, обнимая ее талию, – а то, что за манера опаздывать.

Она положила, согнувши, левую руку на его плечо, и маленькие ножки в розовых башмаках быстро, легко и мерно задвигались в такт музыки по скользкому паркету.

– Отдыхаешь, вальсируя с вами, – сказал он ей, пускаясь в первые небыстрые шаги вальса. – Прелесть, какая легкость, *précision*,¹¹ – говорил он ей то, что говорил почти всем хорошим знакомым.

Она улыбнулась на его похвалу и через его плечо продолжала разглядывать залу. Она была не вновь выезжающая, у которой на бале все лица сливаются в одно волшебное впечатление; она и не была затасканная по балам девушка, которой все лица бала так знакомы, что наскучили; но она была на середине этих двух, – она была возбуждена, а вместе с тем обладала собой настолько, что могла наблюдать. В левом углу залы, она видела, сгруппировался цвет общества. Там была до невозможного обнаженная красавица Лиди, жена Корсунского; там была хозяйка, там сиял своею лысиной

---

¹¹ [точность,]

Кривин, всегда бывший там, где цвет общества; туда смотрели юноши, не смея подойти; и там она нашла глазами Стиву и потом увидала прелестную фигуру и голову Анны в черном бархатном платье. И *он* был тут. Кити не видала его с того вечера, когда она отказала Левину. Кити своими дальнорезкими глазами тотчас узнала его и даже заметила, что он смотрел на нее.

– Что ж, еще тур? Вы не устали? – сказал Корсунский, слегка запыхавшись.

– Нет, благодарствуйте.

– Куда же отвести вас?

– Каренина тут, кажется... отведите меня к ней.

– Куда прикажете.

И Корсунский завальсировал, умеряя шаг, прямо на толпу в левом углу залы, приговаривая: «*pardon, mesdames, pardon, pardon, mesdames*» и, лавируя между морем кружев, тюля и лент и не зацепив ни за перышко, повернул круто свою даму, так что открылись ее тонкие ножки в ажурных чулках, а шлейф разнесло опахалом и закрыло им колени Кривину. Корсунский поклонился, выпрямил открытую грудь и подал руку, чтобы провести ее к Анне Аркадьевне. Кити, покрасневшись, сняла шлейф с колен Кривина и, закруженная немного, оглянулась, отыскивая Анну. Анна была не в лиловом, как того непременно хотела Кити, а в черном, низко срезанном бархатном платье, открывавшем ее точеные, как старой слоновой кости, полные плечи и грудь и округлые

руки с тонкою крошечною кистью. Всё платье было обшито венецианским гипюром. На голове у нее, в черных волосах, своих без примеси, была маленькая гирлянда анютиных глазок и такая же на черной ленте пояса между белыми кружевами. Прическа ее была незаметна. Заметны были только, украшая ее, эти своевольные короткие колечки курчавых волос, всегда выбивавшиеся на затылке и висках. На точеной крепкой шее была нитка жемчугу.

Кити видела каждый день Анну, была влюблена в нее и представляла себе ее непременно в лиловом. Но теперь, увидав ее в черном, она почувствовала, что не понимала всей ее прелести. Она теперь увидела ее совершенно новою и неожиданною для себя. Теперь она поняла, что Анна не могла быть в лиловом и что ее прелесть состояла именно в том, что она всегда выступала из своего туалета, что туалет никогда не мог быть виден на ней. И черное платье с пышными кружевами не было видно на ней; это была только рамка, и была видна только она, простая, естественная, изящная и вместе веселая и оживленная.

Она стояла, как и всегда, чрезвычайно прямо держась, и, когда Кити подошла к этой кучке, говорила с хозяином дома, слегка поворотив к нему голову.

– Нет, я не брошу камня, – отвечала она ему на что-то, – хотя я не понимаю, – продолжала она, пожав плечами, и тотчас же с нежною улыбкой покровительства обратилась к Кити. Беглым женским взглядом окинув ее туалет, она сдела-

ла чуть-заметное, но понятное для Кити, одобрительное ее туалету и красоте движение головой. — Вы и в залу входите танцуя, — прибавила она.

— Это одна из моих вернейших помощниц, — сказал Корсунский, кланяясь Анне Аркадьевне, которой он не видал еще. — Княжна помогает сделать бал веселым и прекрасным. Анна Аркадьевна, тур вальса, — сказал он нагибаясь.

— А вы знакомы? — спросил хозяин.

— С кем мы не знакомы? Мы с женой как белые волки, нас все знают, — отвечал Корсунский. — Тур вальса, Анна Аркадьевна.

— Я не танцую, когда можно не танцевать, — сказала она.

— Но нынче нельзя, — отвечал Корсунский.

В это время подходил Вронский.

— Ну, если нынче нельзя не танцевать, так пойдемте, — сказала она, не замечая поклона Вронского, и быстро подняла руку на плечо Корсунского.

«За что она недовольна им?» подумала Кити, заметив, что Анна умышленно не ответила на поклон Вронского. Вронский подошел к Кити, напоминая ей о первой кадрили и сожалея, что всё это время не имел удовольствия ее видеть. Кити смотрела, любуясь, на вальсировавшую Анну и слушала его. Она ждала, что он пригласит ее на вальс, но он не пригласил, и она удивленно взглянула на него. Он покраснел и поспешно пригласил вальсировать, но только что он обнял ее тонкую талию и сделал первый шаг, как вдруг музы-

ка остановилась. Кити посмотрела на его лицо, которое было на таком близком от нее расстоянии, и долго потом, чрез несколько лет, этот взгляд, полный любви, которым она тогда взглянула на него и на который он не ответил ей, мучительным стыдом резал ее сердце.

— Pardon, pardon! Вальс, вальс! — закричал с другой стороны залы Корсунский и, подхватив первую попавшуюся ба-рышню, стал сам танцовать.

XXIII.

Вронский с Кити прошел несколько туров вальса. После вальса Кити подошла к матери и едва успела сказать несколько слов с Нордстон, как Вронский уже пришел за ней для первой кадрили. Во время кадрили ничего значительного не было сказано, шел прерывистый разговор то о Корсунских, муже и жене, которых он очень забавно описывал, как милых сорокалетних детей, то о будущем общественном театре, и только один раз разговор затронул ее за живое, когда он спросил о Левине, тут ли он, и прибавил, что он очень понравился ему. Но Кити и не ожидала большего от кадрили. Она ждала с замиранием сердца мазурки. Ей казалось, что в мазурке всё должно решиться. То, что он во время кадрили не пригласил ее на мазурку, не тревожило ее. Она была уверена, что она танцует мазурку с ним, как и на прежних балах, и пятерым отказала мазурку, говоря, что танцует. Весь бал

до последней кадрили был для Кити волшебным сновидением радостных цветов, звуков и движений. Она не танцевала, только когда чувствовала себя слишком усталою и просила отдыха. Но, танцуя последнюю кадрили с одним из скучных юношей, которому нельзя было отказать, ей случилось быть *vis-à-vis* с Вронским и Анной. Она не сходилась с Анной с самого приезда и тут вдруг увидала ее опять совершенно новою и неожиданною. Она увидала в ней столь знакомую ей самой черту возбуждения от успеха. Она видела, что Анна пьяна вином возбуждаемого ею восхищения. Она знала это чувство и знала его признаки и видела их на Анне – видела дрожащий, вспыхивающий блеск в глазах и улыбку счастья и возбуждения, невольно изгибающую губы, и отчетливую грацию, верность и легкость движений.

«Кто? – спросила она себя. – Все или один?» И, не помогая мучившемуся юноше, с которым она танцевала, в разговоре, нить которого он упустил и не мог поднять, и наружно подчиняясь весело-громким повелительным крикам Корсунского, то бросающего всех в *grand rond*,¹² то в *chaîne*,¹³ она наблюдала, и сердце ее сжималось больше и больше. «Нет, это не любованье толпы опьянило ее, а восхищение одного. И этот один? неужели это он?» Каждый раз, как он говорил с Анной, в глазах ее вспыхивал радостный блеск, и улыбка счастья изгибала ее румяные губы. Она как будто делала уси-

---

¹² [большой круг,]

¹³ [цепь,]

лие над собой, чтобы не выказывать этих признаков радости, но они сами собой выступали на ее лице. «Но что он?» Кिति посмотрела на него и ужаснулась. То, что Кिति так ясно представлялось в зеркале лица Анны, она увидела на нем. Куда делась его всегда спокойная, твердая манера и беспечно спокойное выражение лица? Нет, он теперь, каждый раз, как обращался к ней, немного сгибал голову, как бы желая пасть пред ней, и во взгляде его было одно выражение покорности и страха. «Я не оскорбить хочу, – каждый раз как будто говорил его взгляд, – но спасти себя хочу, и не знаю как». На лице его было такое выражение, которого она никогда не видала прежде.

Они говорили об общих знакомых, вели самый ничтожный разговор, но Кिति казалось, что всякое сказанное ими слово решало их и ее судьбу. И странно то, что хотя они действительно говорили о том, как смешон Иван Иванович своим французским языком, и о том, что для Елецкой можно было бы найти лучше партию, а между тем эти слова имели для них значение, и они чувствовали это так же, как и Кिति. Весь бал, весь свет, всё закрылось туманом в душе Кिति. Только пройденная ею строгая школа воспитания поддерживала ее и заставляла делать то, чего от нее требовали, то есть танцевать, отвечать на вопросы, говорить, даже улыбаться. Но пред началом мазурки, когда уже стали расставлять стулья и некоторые пары двинулись из маленьких в большую залу, на Кिति нашла минута отчаяния и ужаса. Она отказала

пятерым и теперь не танцевала мазурки. Даже не было надежды, чтоб ее пригласили, именно потому, что она имела слишком большой успех в свете, и никому в голову не могло прийти, чтоб она не была приглашена до сих пор. Надо было сказать матери, что она больна, и уехать домой, но на это у нее не было силы. Она чувствовала себя убитой.

Она зашла в глубь маленькой гостиной и опустилась на кресло. Воздушная юбка платья поднялась облаком вокруг ее тонкого стана; одна обнаженная, худая, нежная девичья рука, бессильно опущенная, утонула в складках розового тюника; в другой она держала веер и быстрыми, короткими движениями обмахивала свое разгоряченное лицо. Но, вопреки этому виду бабочки, только что уцепившейся за травку и готовой, вот-вот вспорхнув, развернуть радужные крылья, страшное отчаяние щемило ей сердце.

«А может быть, я ошибаюсь, может быть, этого не было?» И она опять вспоминала всё, что она видела.

– Кити, что ж это такое? – сказала графиня Нордстон, по ковру неслышно подойдя к ней. – Я не понимаю этого.

У Кити дрогнула нижняя губа; она быстро встала.

– Кити, ты не танцуешь мазурку?

– Нет, нет, – сказала Кити дрожащим от слез голосом.

– Он при мне звал ее на мазурку, – сказала Нордстон, зная, что Кити поймет, кто он и она. – Она сказала: разве вы не танцуете с княжной Щербацкой?

– Ах, мне всё равно! – отвечала Кити.

Никто, кроме ее самой, не понимал ее положения, никто не знал того, что она вчера отказала человеку, которого она, может быть, любила, и отказала потому, что верила в другого.

Графиня Нордстон нашла Корсунского, с которым она танцевала мазурку, и велела ему пригласить Кити.

Кити танцевала в первой паре, и, к ее счастью, ей не надо было говорить, потому что Корсунский всё время бегал, распоряжаясь по своему хозяйству. Вронский с Анной сидели почти против нее. Она видела их своими дальнотзорными глазами, видела их и вблизи, когда они сталкивались в парах, и чем больше она видела их, тем больше убеждалась, что несчастье ее свершилось. Она видела, что они чувствовали себя наедине в этой полной зале. И на лице Вронского, всегда столь твердом и независимом, она видела то поразившее ее выражение потерянности и покорности, похожее на выражение умной собаки, когда она виновата.

Анна улыбалась, и улыбка передавалась ему. Она задумывалась, и он становился серьезен. Какая-то сверхъестественная сила притягивала глаза Кити к лицу Анны. Она была прелестна в своем простом черном платье, прелестны были ее полные руки с браслетами, прелестна твердая шея с ниткой жемчуга, прелестны выующиеся волосы расстроившейся прически, прелестны грациозные легкие движения маленьких ног и рук, прелестно это красивое лицо в своем оживлении; но было что-то ужасное и жестокое в ее прелести.

Кити любовалась ею еще более, чем прежде, и всё больше и больше страдала. Кити чувствовала себя раздавленной, и лицо ее выражало это. Когда Вронский увидал ее, столкнувшись с ней в мазурке, он не вдруг узнал ее – так она изменилась.

– Прекрасный бал! – сказал он ей, чтобы сказать что-нибудь.

– Да, – отвечала она.

В середине мазурки, повторяя сложную фигуру, вновь выдуманную Корсунским, Анна вышла на середину круга, взяла двух кавалеров и подозвала к себе одну даму и Кити. Кити испуганно смотрела на нее, подходя. Анна прищурившись смотрела на нее и улыбнулась, пожав ей руку. Но заметив, что лицо Кити только выражением отчаяния и удивления ответило на ее улыбку, она отвернулась от нее и весело заговорила с другою дамой.

«Да, что-то чуждое, бесовское и прелестное есть в ней», сказала себе Кити.

Анна не хотела оставаться ужинать, но хозяин стал просить ее.

– Полно, Анна Аркадьевна, – заговорил Корсунский, забирая ее обнаженную руку под рукав своего фрака. – Какая у меня идея котильона! Un bijou!¹⁴

И он понемножку двигался, стараясь увлечь ее. Хозяин улыбался одобрительно.

---

¹⁴ [Прелесть!]

— Нет, я не останусь, — ответила Анна улыбаясь; но, несмотря на улыбку, и Корсунский и хозяин поняли по решительному тону, с каким она отвечала, что она не останется.

— Нет, я и так в Москве танцевала больше на вашем одном бале, чем всю зиму в Петербурге, — сказала Анна, оглядываясь на подле нее стоявшего Вронского. — Надо отдохнуть перед дорогой.

— А вы решительно едете завтра? — спросил Вронский.

— Да, я думаю, — отвечала Анна, как бы удивляясь смелости его вопроса; но неудержимый дрожащий блеск глаз и улыбки обжег его, когда она говорила это.

Анна Аркадьевна не осталась ужинать и уехала.

XXIV.

«Да, что-то есть во мне противное, отталкивающее, — думал Левин, вышедши от Щербацких и пешком направляясь к брату. — И не гожусь я для других людей. Гордость, говорят. Нет, у меня нет и гордости. Если бы была гордость, я не поставил бы себя в такое положение». И он представлял себе Вронского, счастливого, доброго, умного и спокойного, никогда, наверное, не бывавшего в том ужасном положении, в котором он был нынче вечером. «Да, она должна была выбрать его. Так надо, и жаловаться мне не на кого и не за что. Виноват я сам. Какое право имел я думать, что она захочет

соединить свою жизнь с моею? Кто я? И что я? Ничтожный человек, никому и ни для кого ненужный». И он вспомнил о брате Николае и с радостью остановился на этом воспоминании. «Не прав ли он, что всё на свете дурно и гадко? И едва ли мы справедливо судим и судили о брате Николае. Разумеется, с точки зрения Прокофья, видевшего его в оборванной шубе и пьяного, он презренный человек; но я знаю его иначе. Я знаю его душу и знаю, что мы похожи с ним. А я, вместо того чтобы ехать отыскать его, поехал обедать и сюда». Левин подошел к фонарю, прочел адрес брата, который у него был в бумажнике, и позвал извозчика. Всю длинную дорогу до брата Левин живо припоминал себе все известные ему события из жизни брата Николая. Вспоминал он, как брат в университете и год после университета, несмотря на насмешки товарищей, жил как монах, в строгости исполняя все обряды религии, службы, посты и избегая всяких удовольствий, в особенности женщин; и потом как вдруг его прорвало, он сблизился с самыми гадкими людьми и пустился в самый беспутный разгул. Вспоминал потом про историю с мальчиком, которого он взял из деревни, чтобы воспитывать, и в припадке злости так избил, что началось дело по обвинению в причинении увечья. Вспоминал потом историю с шулером, которому он проиграл деньги, дал вексель и на которого сам подал жалобу, доказывая, что тот его обманул. (Это были те деньги, которые заплатил Сергей Иванович.) Потом вспоминал, как он ночевал ночь в части за буйство.

Вспоминал затеянный им постыдный процесс с братом Сергеем Ивановичем за то, что тот будто бы не выплатил ему долю из материнского имения; и последнее дело, когда он уехал служить в Западный край, и там попал под суд за побои, нанесенные старшине.... Всё это было ужасно гадко, но Левину это представлялось совсем не так гадко, как это должно было представляться тем, которые не знали Николая Левина, не знали всей его истории, не знали его сердца.

Страница текста «Анны Карениной», печатавшегося в «Русском вестнике» с исправлениями Толстого и Н. Н. Стрехова

Размер подлинника

Левин помнил, как в то время, когда Николай был в периоде набожности, постов, монахов, служб церковных, когда он искал в религии помощи, узды на свою страстную натуру, никто не только не поддержал его, но все, и он сам, смеялись над ним. Его дразнили, звали его Ноем, монахом; а когда его прорвало, никто не помог ему, а все с ужасом и омерзением отвернулись.

Левин чувствовал, что брат Николай в душе своей, в самой основе своей души, несмотря на всё безобразие своей жизни, не был более неправ, чем те люди, которые презирали его. Он не был виноват в том, что родился с своим неудержимым характером и стесненным чем-то умом. Но он всегда хотел быть хорошим. «Всё выскажу ему, всё заставлю его высказать и покажу ему, что я люблю и потому понимаю его», решил сам с собою Левин, подъезжая в одиннадцатом часу к гостинице, указанной на адресе.

– Наверху 12-й и 13-й, – ответил швейцар на вопрос Левина.

– Дома?

– Должно, дома.

Дверь 12-го номера была полуотворена, и оттуда, в полосе

света, выходил густой дым дурного и слабого табаку, и слышался незнакомый Левину голос; но Левин тотчас же узнал, что брат тут; он услышал его покашливание.

Когда он вошел в дверь, незнакомый голос говорил:

– Всё зависит от того, насколько разумно и сознательно поведется дело.

Константин Левин заглянул в дверь и увидел, что говорит с огромной шапкой волос молодой человек в поддевке, а молодая рябоватая женщина, в шерстяном платье без рукавчиков и воротничков, сидит на диване. Брата не видно было. У Константина больно сжалось сердце при мысли о том, в среде каких чужих людей живет его брат. Никто не услышал его, и Константин, снимая калоши, прислушивался к тому, что говорил господин в поддевке. Он говорил о каком-то предприятии.

– Ну, чорт их дери, привилегированные классы, – прокашливаясь проговорил голос брата. – Маша! Добудь ты нам поужинать и дай вина, если осталось, а то пошли.

Женщина встала, вышла за перегородку и увидала Константина.

– Какой-то барин, Николай Дмитрич, – сказала она.

– Кого нужно? – сердито сказал голос Николая Левина.

– Это я, – отвечал Константин Левин, выходя на свет.

– Кто я? – еще сердитее повторил голос Николая. Слышно было, как он быстро встал, зацепив за что-то, и Левин увидал перед собой в дверях столь знакомую и всё-таки по-

ражающую своею дикостью и болезненностью огромную, худую, сутоловатую фигуру брата, с его большими испуганными глазами.

Он был еще хуже, чем три года тому назад, когда Константин Левин видел его в последний раз. На нем был короткий сюртук. И руки и широкие кости казались еще огромнее. Волосы стали реже, те же прямые усы висели на губы, те же глаза странно и наивно смотрели на вошедшего.

– А, Костя! — вдруг проговорил он, узнав брата, и глаза его засветились радостью. Но в ту же секунду он оглянулся на молодого человека и сделал столь знакомое Константину судорожное движение головой и шеей, как будто галстук жал его; и совсем другое, дикое, страдальческое и жестокое выражение остановилось на его исхудалом лице.

– Я писал и вам и Сергею Иванычу, что я вас не знаю и не хочу знать. Что тебе, что вам нужно?

Он был совсем не такой, каким воображал его Константин. Самое тяжелое и дурное в его характере, то, что делало столь трудным общение с ним, было позабыто Константином Левиным, когда он думал о нем; и теперь, когда увидел его лицо, в особенности это судорожное поворачиванье головы, он вспомнил всё это.

– Мне ни для чего не нужно видеть тебя, – робко отвечал он. – Я просто приехал тебя видеть.

Робость брата, видимо, смягчила Николая. Он дернулся губами.

– А, ты так? – сказал он. – Ну, входи, садись. Хочешь ужинать? Маша, три порции принеси. Нет, постой. Ты знаешь, кто это? – обратился он к брату, указывая на господина в поддевке, – это господин Крицкий, мой друг еще из Киева, очень замечательный человек. Его, разумеется, преследует полиция, потому что он не подлец.

И он оглянулся по своей привычке на всех бывших в комнате. Увидав, что женщина, стоявшая в дверях, двинулась было итти, он крикнул ей: «Постой, я сказал». И с тем неумением, с тою нескладностью разговора, которые так знал Константин, он, опять оглядывая всех, стал рассказывать брату историю Крицкого: как его выгнали из университета за то, что он завел общество вспоможения бедным студентам и воскресные школы, и как потом он поступил в народную школу учителем, и как его оттуда также выгнали, и как потом судили за что-то.

– Вы Киевского университета? – сказал Константин Левин Крицкому, чтобы прервать установившееся неловкое молчание.

– Да, Киевского был, —насупившись, сердито говорил Крицкий.

– А эта женщина, – перебил его Николай Левин, указывая на нее, —моя подруга жизни, Марья Николаевна. Я взял ее из дома, – и он дернулся шеей, говоря это. – Но люблю ее и уважаю и всех, кто меня хочет знать, —прибавил он, возвышая голос и хмурясь, – прошу любить и уважать ее. Она

всё равно что моя жена, всё равно. Так вот, ты знаешь, с кем имеешь дело. И если думаешь, что ты унизишься, так вот Бог, а вот порог.

И опять глаза его вопросительно обежали всех.

— Отчего же я унижусь, я не понимаю.

— Так вели, Маша, принести ужинать: три порции, водки и вина... Нет, постой... Нет, не надо... Иди.

XXV.

— Так видишь, — продолжал Николай Левин, с усилием морща лоб и подергиваясь. Ему, видимо, трудно было сообразить, что сказать и сделать. — Вот видишь ли... — Он указал в углу комнаты какие-то железные бруски, завязанные бичевками. — Видишь ли это? Это начало нового дела, к которому мы приступаем. Дело это есть производительная артель....

Константин почти не слушал. Он вглядывался в его болезненное чахоточное лицо, и всё больше и больше ему жалко было его, и он не мог заставить себя слушать то, что брат рассказывал ему про артель. Он видел, что эта артель есть только якорь спасения от презрения к самому себе. Николай Левин продолжал говорить: — Ты знаешь, что капитал давит работника, — работники у нас, мужики, несут всю тягость труда и поставлены так, что сколько бы они ни трудились, они не могут выйти из своего скотского положения. Все барыши за-

рабочной платы, на которые они могли бы улучшить свое положение, доставить себе досуг и вследствие этого образование, все излишки платы — отнимаются у них капиталистами. И так сложилось общество, что чем больше они будут работать, тем больше будут наживаться купцы, землевладельцы, а они будут скоты рабочие всегда. И этот порядок нужно изменить, — кончил он и вопросительно посмотрел на брата.

— Да, разумеется, — сказал Константин, вглядываясь в румянец, выступивший под выдающимися костями щек брата.

— И мы вот устраиваем артель слесарную, где всё производство, и барыш и главные орудия производства, всё будет общее.

— Где же будет артель? — спросил Константин Левин.

— В селе Воздреме Казанской губернии.

— Да отчего же в селе? В селах, мне кажется, и так дела много. Зачем в селе слесарная артель?

— А затем, что мужики теперь такие же рабы, какими были прежде, и от этого-то вам с Сергеем Иванычем и неприятно, что их хотят вывести из этого рабства, — сказал Николай Левин, раздраженный возражением.

Константин Левин вздохнул, оглядывая в это время комнату, мрачную и грязную. Этот вздох, казалось, еще более раздражил Николая.

— Знаю ваши с Сергеем Иванычем аристократические воззрения. Знаю, что он все силы ума употребляет на то, чтоб оправдать существующее зло.

– Нет, да к чему ты говорить о Сергей Ивановиче? — проговорил улыбаясь Левин.

– Сергей Иванович? А вот к чему! — вдруг при имени Сергея Ивановича вскрикнул Николай Левин, — вот к чему... Да что говорить? Только одно... Для чего ты приехал ко мне? Ты презираешь это, и прекрасно, и ступай с Богом, ступай! — кричал он, вставая со стула, — и ступай, и ступай!

– Я нисколько не презираю, — робко сказал Константин Левин. — Я даже и не спорю.

В это время вернулась Марья Николаевна. Николай Левин сердито оглянулся на нее. Она быстро подошла к нему и что-то прошептала.

– Я нездоров, я раздражителен стал, — проговорил, успокоиваясь и тяжело дыша, Николай Левин, — и потом ты мне говоришь о Сергей Ивановиче и его статье. Это такой вздор, такое вранье, такое самообманыванье. Что может писать о справедливости человек, который ее не знает? Вы читали его статью? — обратился он к Крицкому, опять садясь к столу и сдвигая с него до половины насыпанные папиросы, чтоб опростать место.

– Я не читал, — мрачно сказал Крицкий, очевидно не хотевший вступать в разговор.

– Отчего? — с раздражением обратился теперь к Крицкому Николай Левин.

– Потому что не считаю нужным терять на это время.

– То есть, позвольте, почему ж вы знаете, что вы потеряете

время? Многим статья эта недоступна, то есть выше их. Но я, другое дело, я вижу насквозь его мысли и знаю, почему это слабо.

Все замолчали. Крицкий медлительно встал и взялся за шапку.

– Не хотите ужинать? Ну, прощайте. Завтра приходите со слесарем.

Только что Крицкий вышел, Николай Левин улыбнулся и подмигнул.

– Тоже плох, – проговорил он. – Ведь я вижу...

Но в это время Крицкий в дверях позвал его.

– Что еще нужно? – сказал он и вышел к нему в коридор.

Оставшись один с Марьей Николаевной, Левин обратился к ней:

– А вы давно с братом? – сказал он ей.

– Да вот уж второй год. Здоровье их очень плохо стало.

Пьют много, – сказала она.

– То есть как пьют?

– Водку пьют, а им вредно.

– А разве много? – прошептал Левин.

– Да, – сказала она, робко оглядываясь на дверь, в которой появился Николай Левин.

– О чем вы говорили? – сказал он, хмурясь и переводя испуганные глаза с одного на другого. – О чем?

– Ни о чем, – смутясь отвечал Константин.

– А не хотите говорить, как хотите. Только нечего тебе с

ней говорить. Она девка, а ты барин, – проговорил он, подергиваясь шеей.

– Ты, я ведь вижу, всё понял и оценил и с сожалением относишься к моим заблуждениям, – заговорил он опять, повышая голос.

– Николай Дмитрич, Николай Дмитрич, – прошептала опять Марья Николаевна, приближаясь к нему.

– Ну, хорошо, хорошо!... Да что ж ужин? А, вот и он, – проговорил он, увидав лакея с подносом. – Сюда, сюда ставь, – проговорил он сердито и тотчас же взял водку, налил рюмку и жадно выпил. – Выпей, хочешь? – обратился он к брату, тотчас же повеселев.

– Ну, будет о Сергее Ивановиче. Я всё-таки рад тебя видеть. Что там ни толкуй, а всё не чужие. Ну, выпей же. Расскажи, что ты делаешь? – продолжал он, жадно пережевывая кусок хлеба и наливая другую рюмку. – Как ты живешь?

– Живу один в деревне, как жил прежде, занимаюсь хозяйством, – отвечал Константин, с ужасом вглядываясь в жадность, с которою брат его пил и ел, и стараясь скрыть свое внимание.

– Отчего ты не женишься?

– Не пришлось, – покраснев отвечал Константин.

– Отчего? Мне – кончено! Я свою жизнь испортил. Это я сказал и скажу, что, если бы мне дали тогда мою часть, когда мне она нужна была, вся жизнь моя была бы другая.

Константин Дмитриевич поспешил отвести разговор.

– А ты знаешь, что твой Ванюшка у меня в Покровском конторщиком? – сказал он.

Николай дернул шеей и задумался.

– Да расскажи мне, что делается в Покровском? Что, дом всё стоит, и березы, и наша классная? А Филипп садовник, неужели жив? Как я помню беседку и диван! Да смотри же, ничего не переменяй в доме, но скорее женись и опять заведи то же, что было. Я тогда приеду к тебе, если твоя жена будет хорошая.

– Да приезжай теперь ко мне, – сказал Левин. – Как бы мы хорошо устроились!

– Я бы приехал к тебе, если бы знал, что не найду Сергея Иваныча.

– Ты его не найдешь. Я живу совершенно независимо от него.

– Да, но, как ни говори, ты должен выбрать между мною и им, – сказал он, робко глядя в глаза брату. Эта робость тронула Константина.

– Если хочешь знать всю мою исповедь в этом отношении, я скажу тебе, что в вашей ссоре с Сергеем Иванычем я не беру ни той, ни другой стороны. Вы оба неправы. Ты неправ более внешним образом, а он более внутренно.

– А, а! Ты понял это, ты понял это? — радостно закричал Николай.

– Но я, лично, если ты хочешь знать, больше дорожу дружбой с тобой, потому что...

– Почему, почему?

Константин не мог сказать, что он дорожит потому, что Николай несчастен и ему нужна дружба. Но Николай понял, что он хотел сказать именно это, и нахмурившись взялся опять за водку.

– Будет, Николай Дмитрич! – сказала Марья Николаевна, протягивая пухлую обнаженную руку к графинчику.

– Пусти! Не приставай! Прибью! – крикнул он.

Марья Николаевна улыбнулась кроткою и доброю улыбкой, которая сообщила и Николаю, и приняла водку.

– Да ты думаешь, она ничего не понимает? – сказал Николай. – Она всё это понимает лучше всех нас. Правда, что есть в ней что-то хорошее, милое?

– Вы никогда прежде не были в Москве? – сказал ей Константин, чтобы сказать что-нибудь.

– Да не говори ей *вы*. Она этого боится. Ей никто, кроме мирового судьи, когда ее судили за то, что она хотела уйти из дома разврата, никто не говорил *вы*. Боже мой, что это за бессмыслица на свете! – вдруг вскрикнул он. – Эти новые учреждения, эти мировые судьи, земство, что это за безобразие!

И он начал рассказывать свои столкновения с новыми учреждениями.

Константин Левин слушал его, и то отрицание смысла во всех общественных учреждениях, которое он разделял с ним и часто высказывал, было ему неприятно теперь из уст брата.

— На том свете поймем всё это, — сказал он шутя.

— На том свете? Ох, не люблю я тот свет! Не люблю, — сказал он, остановив испуганные дикие глаза на лице брата. — И ведь вот, кажется, что уйти из всей мерзости, путаницы, и чужой и своей, хорошо бы было, а я боюсь смерти, ужасно боюсь смерти. — Он содрогнулся. — Да выпей что-нибудь. Хочешь шампанского? Или поедем куда-нибудь. Поедем к Цыганам! Знаешь, я очень полюбил Цыган и русские песни.

Язык его стал мешаться, и он пошел перескакивать с одного предмета на другой. Константин с помощью Маши уговорил его никуда не ездить и уложил спать совершенно пьяного.

Маша обещала писать Константину в случае нужды и уговаривать Николая Левина приехать жить к брату.

XXVI.

Утром Константин Левин выехал из Москвы и к вечеру приехал домой. Дорогой, в вагоне, он разговаривал с соседями о политике, о новых железных дорогах, и, так же как в Москве, его одолевала путаница понятий, недовольство собой, стыд пред чем-то; но когда он вышел на своей станции, узнал кривого кучера Игната с поднятым воротником кафтана, когда увидал в неярком свете, падающем из окон станции, свои ковровые сани, своих лошадей с подвязанными хвостами, в сбруе с кольцами и мохрами, когда кучер Игнат,

еще в то время как укладывались, рассказал ему деревенские новости, о приходе рядчика и о том, что отелилась Пава, — он почувствовал, что понемногу путаница разъясняется, и стыд и недовольство собой проходят. Это он почувствовал при одном виде Игната и лошадей; но когда он надел привезенный ему тулуп, сел закутавшись в сани и поехал, раздумывая о предстоящих распоряжениях в деревне и поглядывая на пристяжную, бывшую верховую, Донскую, надорванную, но лихую лошадь, он совершенно иначе стал понимать то, что с ним случилось. Он чувствовал себя собой и другим не хотел быть. Он хотел теперь быть только лучше, чем он был прежде. Во-первых, с этого дня он решил, что не будет больше надеяться на необыкновенное счастье, какое ему должна была дать женитьба, и вследствие этого не будет так пренебрегать настоящим. Во-вторых, он уже никогда не позволит себе увлечься гадкою страстью, воспоминанье о которой так мучало его, когда он собирался сделать предложение. Потом, вспоминая брата Николая, он решил сам с собою, что никогда уже он не позволит себе забыть его, будет следить за ним и не выпустит его из виду, чтобы быть готовым на помощь, когда ему придется плохо. А это будет скоро, он это чувствовал. Потом и разговор брата о коммунизме, к которому тогда он так легко отнесся, теперь заставил его задуматься. Он считал переделку экономических условий вздором, но он всегда чувствовал несправедливость своего избытка в сравнении с бедностью народа и теперь решил про себя, что, для

того чтобы чувствовать себя вполне правым, он, хотя прежде много работал и нероскошно жил, теперь будет еще больше работать и еще меньше будет позволять себе роскоши. И всё это казалось ему так легко сделать над собой, что всю дорогу он провел в самых приятных мечтаниях. С бодрым чувством надежды на новую, лучшую жизнь, он в девятом часу ночи подъехал к своему дому.

Из окон комнаты Агафьи Михайловны, старой нянюшки, исполнявшей в его доме роль экономки, падал свет на снег площадки пред домом. Она не спала еще. Кузьма, разбуженный ею, сонный и босиком выбежал на крыльцо. Легавая сука Ласка, чуть не сбив с ног Кузьму, выскочила тоже и визжала, терлась об его колени, поднималась и хотела и не смела положить передние лапы ему на грудь.

– Скоро ж, батюшка, вернулись, – сказала Агафья Михайловна.

– Соскучился, Агафья Михайловна. В гостях хорошо, а дома лучше, – отвечал он ей и прошел в кабинет.

Кабинет медленно осветился принесенною свечой. Выступили знакомые подробности: оленье рога, полки с книгами, зеркало печи с отдушником, который давно надо было починить, отцовский диван, большой стол, на столе открытая книга, сломанная пепельница, тетрадь с его почерком. Когда он увидел всё это, на него нашло на минуту сомнение в возможности устроить ту новую жизнь, о которой он мечтал дорогой. Все эти следы его жизни как будто охватили его и го-

ворили ему: «нет, ты не уйдешь от нас и не будешь другим, а будешь такой же, каков был: с сомнениями, вечным недовольством собой, напрасными попытками исправления и падениями и вечным ожиданием счастья, которое не далось и невозможно тебе».

Но это говорили его вещи, другой же голос в душе говорил, что не надо подчиняться прошедшему и что с собой сделать всё возможно. И, слушаясь этого голоса, он подошел к углу, где у него стояли две пудовые гири, и стал гимнастически поднимать их, стараясь привести себя в состояние бодрости. За дверью заскрипели шаги. Он поспешно поставил гири.

Вошел приказчик и сказал, что всё, слава Богу, благополучно, но сообщил, что греча в новой сушилке подгорела. Известие это раздражило Левина. Новая сушилка была выстроена и частью придумана Левиным. Приказчик был всегда против этой сушилки и теперь со скрытым торжеством объявлял, что греча подгорела. Левин же был твердо убежден, что если она подгорела, то потому только, что не были приняты те меры, о которых он сотни раз приказывал. Ему стало досадно, и он сделал выговор приказчику. Но было одно важное и радостное событие: отелилась Пава, лучшая, дорогая, купленная с выставки корова.

– Кузьма, дай тулуп. А вы велите-ка взять фонарь, я пойду взгляну, – сказал он приказчику.

Скотная для дорогих коров была сейчас за домом. Прой-

дя черев двор мимо сугроба у сирени, он подошел к скотной. Пахнуло навозным, теплым паром, когда отворилась примерзшая дверь, и коровы, удивленные непривычным светом фонаря, зашевелились на свежей соломе. Мелькнула гладкая, чернопегая, широкая спина Голландки. Беркут, бык, лежал с своим кольцом в губе и хотел было встать, но раздумал и только пыхнул раза два, когда проходили мимо. Красная красавица, громадная, как гиппопотам, Пава, повернувшись задом, заслоняла от входивших теленка и обнюхивала его.

Левин вошел в денник, оглядел Паву и поднял краснопегого теленка на его шаткие, длинные ноги. Взволнованная Пава замычала было, но успокоилась, когда Левин подвинул к ней телку, и, тяжело вздохнув, стала лизать ее шаршавым языком. Телка, отыскивая, подталкивала носом под пах свою мать и крутила хвостиком.

– Да сюда посвети, Федор, сюда фонарь, – говорил Левин, оглядывая телку. – В мать! Даром что мастью в отца. Очень хороша. Длинна и пашиста. Василий Федорович, ведь хороша? – обращался он к приказчику, совершенно примираясь с ним за гречу под влиянием радости за телку.

– В кого же дурной быть? А Семен рядчик на другой день вашего отъезда пришел. Надо будет порядиться с ним, Константин Дмитрич, – сказал приказчик. – Я вам прежде докладывал про машину.

Один этот вопрос ввел Левина во все подробности хозяйства, которое было большое и сложное, и он прямо из коров-

ника пошел в контору и, поговорив с приказчиком и с Семеном рядчиком, вернулся домой и прямо прошел наверх в гостиную.

XXVII.

Дом был большой, старинный, и Левин, хотя жил один, но топил и занимал весь дом. Он знал, что это было глупо, знал, что это даже нехорошо и противно его теперешним новым планам, но дом этот был целый мир для Левина. Это был мир, в котором жили и умерли его отец и мать. Они жили тою жизнью, которая для Левина казалась идеалом всякого совершенства и которую он мечтал возобновить с своею женой, с своею семьей.

Левин едва помнил свою мать. Понятие о ней было для него священным воспоминанием; и будущая жена его должна была быть в его воображении повторением того прелестного, святого идеала женщины, каким была для него мать.

Любовь к женщине он не только не мог себе представить без брака, но он прежде представлял себе семью, а потом уже ту женщину, которая даст ему семью. Его понятия о женитьбе поэтому не были похожи на понятия большинства его знакомых, для которых женитьба была одним из многих общежитейских дел; для Левина это было главным делом жизни, от которого зависело всё ее счастье. И теперь от этого нужно было отказаться!

Когда он вошел в маленькую гостиную, где всегда пил чай, и уселся в своем кресле с книгою, а Агафья Михайловна принесла ему чаю и со своим обычным: «А я сяду, батюшка», села на стул у окна, он почувствовал что, как ни странно это было, он не расстался с своими мечтами и что он без них жить не может. С ней ли, с другою ли. он это будет. Он читал книгу, думал о том, что читал, останавливаясь, чтобы слушать Агафью Михайловну, которая без устали болтала; и вместе с тем разные картины хозяйства и будущей семейной жизни без связи представлялись его воображению. Он чувствовал, что в глубине его души что-то устанавливалось, умерялось и укладывалось.

Он слушал разговор Агафьи Михайловны о том, как Прохор Бога забыл, и на те деньги, что ему подарил Левин, чтобы лошадь купить, пьет без просыпу и жену избил до смерти; он слушал и читал книгу и вспоминал весь ход своих мыслей, возбужденных чтением. Это была книга Тиндаля о теплоте. Он вспоминал свои осуждения Тиндаля за его самодовольство в ловкости производства опытов и за то, что ему не достает философского взгляда. И вдруг всплывала радостная мысль: «через два года буду у меня в стаде две голландки, сама Пава еще может быть жива, двенадцать молодых Беркутовых дочерей, да подсыпать на казовый конец этих трех – чудо!» Он опять взялся за книгу.

«Ну хорошо, электричество и теплота одно и то же; но возможно ли в уравнении для решения вопроса поставить од-

ну величину вместо другой? Нет. Ну так что же? Связь между всеми силами природы и так чувствуется инстинктом... Особенно приятно, как Павина дочь будет уже краснопегую коровой, и всё стадо, в которое подсыпать этих трех... Отлично! Выйти о женой и гостями встречать стадо... Жена скажет: мы с Костей, как ребенка, выхаживали эту телку. Как это может вас так интересовать? скажет гость. Всё, что его интересует, интересует меня. Но кто она? – И он вспоминал то, что произошло в Москве... – Ну что же делать?.. Я не виноват. Но теперь всё пойдет по новому. Это вздор, что не допустит жизнь, что прошедшее не допустит. Надо биться, чтобы лучше, гораздо лучше жить...» Он приподнял голову и задумался. Старая Ласка, еще не совсем переварившая радость его приезда и бегавшая, чтобы полаять на дворе, вернулась, махая хвостом и внося с собой запах воздуха, подошла к нему, подсунула голову под его руку, жалобно подвизгивая и требуя, чтоб он поласкал ее.

– Только не говорит, – сказала Агафья Михайловна. А пес... Ведь понимает же, что хозяин приехал и ему скучно.

– Отчего же скучно?

– Да разве я не вижу, батюшка? Пора мне господ знать. Сызмальства в господах выросла. Ничего, батюшка. Было бы здоровье, да совесть чиста.

Левин пристально смотрел на нее, удивляясь тому, как она поняла его мысли.

– Что ж, принести еще чайку?—сказала она и, взяв чашку,

вышла.

Ласка всё подсовывала голову под его руку. Он погладил ее, и она тут же у ног его свернулась кольцом, положив голову на высунувшуюся заднюю лапу. И в знак того, что теперь всё хорошо и благополучно, она слегка раскрыла рот, почмокала губами и, лучше уложив около старых зубов липкие губы, затихла в блаженном спокойствии. Левин внимательно следил за этим последним ее движением.

«Так-то и я! — сказал он себе, — так-то и я! Ничего... Всё хорошо».

XXVIII.

После бала, рано утром, Анна Аркадьевна послала мужу телеграмму о своем выезде из Москвы в тот же день.

— Нет, мне надо, надо ехать, — объясняла она невестке перемену своего намерения таким тоном, как будто она вспомнила столько дел, что не перечесть, — нет, уж лучше нынче!

Степан Аркадьич не обедал дома, но обещал приехать проводить сестру в семь часов.

Кити тоже не приехала, прислав записку, что у нее голова болит. Долли и Анна обедали одни с детьми и Англичанкой. Потому ли, что дети непостоянны или очень чутки и почувствовали, что Анна в этот день совсем не такая, как в тот, когда они так полюбили ее, что она уже не занята ими, — но только они вдруг прекратили свою игру с тетей и любовь к

ней, и их совершенно не занимало то, что она уезжает. Анна всё утро была занята приготовлениями к отъезду. Она писала записки к московским знакомым, записывала свои счета и укладывалась. Вообще Долли казалось, что она не в спокойном духе, а в том духе заботы, который Долли хорошо знала за собой и который находит не без причины и большею частью прикрывает недовольство собою. После обеда Анна пошла одеваться в свою комнату, и Долли пошла за ней.

– Какая ты нынче странная! – сказала ей Долли.

– Я? ты находишь? Я не странная, но я дурная. Это бывает со мной. Мне всё хочется плакать. Это очень глупо, но это проходит, – сказала быстро Анна и нагнула покрасневшее лицо к игрушечному мешочку, в который она укладывала ночной чепчик и батистовые платки. Глаза ее особенно блестели и беспрестанно подергивались слезами. – Так мне из Петербурга не хотелось уезжать, а теперь отсюда не хочется.

– Ты приехала сюда и сделала доброе дело, – сказала Долли, внимательно высматривая ее.

Анна посмотрела на нее мокрыми от слез глазами.

– Не говори этого, Долли. Я ничего не сделала и не могла сделать. Я часто удивляюсь, зачем люди сговорились портить меня. Что я сделала и что могла сделать? У тебя в сердце нашлось столько любви, чтобы простить...

– Без тебя Бог знает что бы было! Какая ты счастливая, Анна! – сказала Долли. – У тебя всё в душе ясно и хорошо.

– У каждого есть в душе свои skeletons,¹⁵ как говорят Англичане.

– Какие же у тебя skeletons? У тебя всё так ясно.

– Есть! – вдруг сказала Анна, и неожиданно после слез хитрая, смешливая улыбка сморщила ее губы.

– Ну, так они смешные, твои skeletons, а не мрачные, – улыбаясь сказала Долли.

– Нет, мрачные. Ты знаешь, отчего я еду нынче, а не завтра? Это признание, которое меня давило, я хочу тебе его сделать, – сказала Анна, решительно откидываясь на кресле и глядя прямо в глаза Долли.

И, к удивлению своему, Долли увидала, что Анна покраснела до ушей, до выющихся черных косиц на шее.

– Да, – продолжала Анна. – Ты знаешь, отчего Кити не приехала обедать? Она ревнует ко мне. Я испортила... я была причиной того, что бал этот был для нее мученьем, а не радостью. Но, право, право, я не виновата, или виновата немножко, – сказала она, тонким голосом протянув слово «немножко».

– О, как ты это похоже сказала на Стиву! – смеясь сказала Долли.

Анна оскорбилась.

– О нет, о нет! Я не Стива, – сказала она хмурясь. – Я оттого говорю тебе, что я ни на минуту даже не позволяю себе сомневаться в себе, – сказала Анна.

---

¹⁵ [скелеты, *иносказательно* – скрытые неприятности.]

Но в ту минуту, когда она выговаривала эти слова, она чувствовала, что они несправедливы; она не только сомневалась в себе, она чувствовала волнение при мысли о Вронском и уезжала скорее, чем хотела, только для того, чтобы больше не встречаться с ним.

– Да, Стива мне говорил, что ты с ним танцевала мазурку и что он...

– Ты не можешь себе представить, как это смешно вышло. Я только думала сватать, и вдруг совсем другое. Может быть я против воли...

Она покраснела и остановилась.

– О, они это сейчас чувствуют! – сказала Долли.

– Но я была бы в отчаянии, если бы тут было что-нибудь серьезное с его стороны, – перебила ее Анна. – И я уверена, что это всё забудется, и Кити перестанет меня ненавидеть.

– Впрочем, Анна, по правде тебе сказать, я не очень желаю для Кити этого брака. И лучше, чтоб это разошлось, если он, Вронский, мог влюбиться в тебя в один день.

– Ах, Боже мой, это было бы так глупо! – сказала Анна, и опять густая краска удовольствия выступила на ее лице, когда она услышала занимавшую ее мысль, выговоренную словами. – Так вот, я и уезжаю, сделав себе врага в Кити, которую я так полюбила. Ах, какая она милая! Но ты поправишь это, Долли? Да!

Долли едва могла удерживать улыбку. Она любила Анну, но ей приятно было видеть, что и у ней есть слабости.

– Врага? Это не может быть.

– Я так бы желала, чтобы вы все меня любили, как я вас люблю; а теперь я еще больше полюбила вас, – сказала она со слезами на глазах. — Ах, как я нынче глупа!

Она провела платком по лицу и стала одеваться.

Уже пред самым отъездом приехал опоздавший Степан Аркадьич, с красным, веселым лицом и запахом вина и сигары.

Чувствительность Анны сообщилась и Долли, и, когда она в последний раз обняла золовку, она прошептала:

– Помни, Анна: что ты для меня сделала, я никогда не забуду. И помни, что я любила и всегда буду любить тебя, как лучшего друга!

– Я не понимаю, за что, – проговорила Анна, целуя ее и скрывая слезы.

– Ты меня поняла и понимаешь. Прощай, моя прелесть!

XXIX.

«Ну, всё кончено, и слава Богу!» была первая мысль, пришедшая Анне Аркадьевне, когда она простилась в последний раз с братом, который до третьего звонка загоразживал собою дорогу в вагоне. Она села на свой диванчик, рядом с Аннушкой, и огляделась в полусвете спального вагона. «Слава Богу, завтра увижу Сережу и Алексея Александровича, и пойдет моя жизнь, хорошая и привычная, по старому».

Всё в том же духе озабоченности, в котором она находилась весь этот день, Анна с удовольствием и отчетливостью устроилась в дорогу; своими маленькими ловкими руками она отперла и заперла красный мешочек, достала подушечку, положила себе на колени и, аккуратно закутав ноги, спокойно уселась. Больная дама укладывалась уже спать. Две другие дамы заговаривали с ней, и толстая старуха укутывала ноги и выражала замечания о топке. Анна ответила несколько слов дамам, но, не предвидя интереса от разговора, попросила Аннушку достать фонарик, прицепила его к ручке кресла и взяла из своей сумочки разрезной ножик и английский роман. Первое время ей не читалось. Сначала мешала возня и ходьба; потом, когда тронулся поезд, нельзя было не прислушаться к звукам; потом снег, бивший в левое окно и налипавший на стекло, и вид закутанного, мимо прошедшего кондуктора, занесенного снегом, с одной стороны, и разговоры о том, какая теперь страшная метель на дворе, развлекали ее внимание. Далее всё было то же и то же; та же тряска с постукиваньем, тот же снег в окно, те же быстрые переходы от парового жара к холоду и опять к жару, то же мелькание тех же лиц в полумраке и те же голоса, и Анна стала читать и понимать читаемое. Аннушка уже дремала, держа красный мешочек на коленях широкими руками в перчатках, из которых одна была прорвана. Анна Аркадьевна читала и понимала, но ей неприятно было читать, то есть следить за отражением жизни других людей. Ей слишком са-

мой хотелось жить. Читала ли она, как героиня романа ухаживала за больным, ей хотелось ходить неслышными шагами по комнате больного; читала ли она о том, как член парламента говорил речь, ей хотелось говорить эту речь; читала ли она о том, как леди Мери ехала верхом за стаей и дразнила невестку и удивляла всех своею смелостью, ей хотелось это делать самой. Но делать нечего было, и она, перебирая своими маленькими руками гладкий ножичек, усиливалась читать.

Герой романа уже начал достигать своего английского счастья, баронетства и имения, и Анна желала с ним вместе ехать в это имение, как вдруг она почувствовала, что ему должно быть стыдно и что ей стыдно этого самого. Но чего же ему стыдно? «Чего же мне стыдно?» спросила она себя с оскорбленным удивлением. Она оставила книгу и откинулась на спинку кресла, крепко сжав в обеих руках разрезной ножик. Стыдного ничего не было. Она перебрала все свои московские воспоминания. Все были хорошие, приятные. Вспомнила бал, вспомнила Вронского и его влюбленное покорное лицо, вспомнила все свои отношения с ним: ничего не было стыдного. А вместе с тем на этом самом месте воспоминаний чувство стыда усиливалось, как будто какой-то внутренний голос именно тут, когда она вспомнила о Вронском, говорил ей: «тепло, очень тепло, горячо». «Ну что же? – сказала она себе решительно, пересаживаясь в кресле. – Что же это значит? Разве я боюсь взглянуть пря-

мо на это? Ну что же? Неужели между мной и этим офицером-мальчиком существуют и могут существовать какие-нибудь другие отношения, кроме тех, что бывают с каждым знакомым?» Она презрительно усмехнулась и опять взялась за книгу, но уже решительно не могла понимать того, что читала. Она провела разрезным ножом по стеклу, потом приложила его гладкую и холодную поверхность к щеке и чуть вслух не засмеялась от радости, вдруг беспричинно овладевшей ею. Она чувствовала, что нервы ее, как струны, натягиваются всё туже и туже на какие-то завинчивающиеся колышки. Она чувствовала, что глаза ее раскрываются больше и больше, что пальцы на руках и ногах нервно движутся, что внутри что-то давит дыхание и что все образы и звуки в этом колеблющемся полумраке с необычайною яркостью поражают ее. На нее беспрестанно находили минуты сомнения, вперед ли едет вагон, или назад, или вовсе стоит. Аннушка ли подле нее или чужая? «Что там, на ручке, шуба ли это или зверь? И что сама я тут? Я сама или другая?» Ей страшно было отдаваться этому забытию. Но что-то втягивало в него, и она по произволу могла отдаваться ему и воздерживаться. Она поднялась, чтоб опомниться, откинула плед и сняла пелерину теплого платья. На минуту она опомнилась и поняла, что вошедший худой мужик, в длинном нанковом пальто, на котором не доставало пуговицы, был истопник, что он смотрел на термометр, что ветер и снег ворвались за ним в дверь; но потом опять всё смешалось... Мужик этот с длин-

ною талией принялся грызть что-то в стене, старушка стала протягивать ноги во всю длину вагона и наполнила его черным облаком; потом что-то страшно закрипело и застучало, как будто раздирали кого-то; потом красный огонь ослепил глаза, и потом всё закрылось стеной. Анна почувствовала, что она провалилась. Но всё это было не страшно, а весело. Голос окутанного и занесенного снегом человека прокричал что-то ей над ухом. Она поднялась и опомнилась; она поняла, что подъехали к станции и что это был кондуктор. Она попросила Аннушку подать ей снятую пелерину и платок, надела их и направилась к двери.

– Выходить изволите? – спросила Аннушка.

– Да, мне подышать хочется. Тут очень жарко.

И она отворила дверь. Метель и ветер рванулись ей навстречу и заспорили с ней о двери. И это ей показалось весело. Она отворила дверь и вышла. Ветер как будто только ждал ее, радостно засвистал и хотел подхватить и унести ее, но она рукой взялась за холодный столбик и, придерживая платье, спустилась на платформу и зашла за вагон. Ветер был силен на крылечке, но на платформе за вагонами было затишье. С наслаждением, полною грудью, она вдыхала в себя снежный, морозный воздух и, стоя подле вагона, оглядывала платформу и освещенную станцию.

XXX.

Страшная буря рвалась и свистела между колесами вагонов по столбам из-за угла станции. Вагоны, столбы, люди, всё, что было видно, — было занесено с одной стороны снегом и заносилось всё больше и больше. На мгновенье буря затихала, но потом опять налетала такими порывами, что, казалось, нельзя было противостоять ей. Между тем какие-то люди бегали, весело переговариваясь, скрипя по доскам платформы и беспрестанно отворяя и затворяя большие двери. Согнутая тень человека проскользнула под ее ногами, и слышались звуки молотка по железу. «Депешу дай!» раздался сердитый голос с другой стороны из бурного мрака. «Сюда пожалуйста! № 28!» кричали еще разные голоса, и занесенные снегом пробежали обвязанные люди. Какие-то два господина с огнем папирос во рту прошли мимо ее. Она вздохнула еще раз, чтобы надышаться, и уже вынула руку из муфты, чтобы взяться за столбик и войти в вагон, как еще человек в военном пальто подле нее самой заслонил ей колеблющийся свет фонаря. Она оглянулась и в ту же минуту узнала лицо Вронского. Приложив руку к козырьку, он наклонился пред ней и спросил, не нужно ли ей чего-нибудь, не может ли он служить ей? Она довольно долго, ничего не отвечая, вглядывалась в него и, несмотря на тень, в которой он стоял, видела, или ей казалось, что видела, и выражение его лица

и глаз. Это было опять то выражение почтительного восхищения, которое так подействовало на нее вчера. Не раз говорила она себе эти последние дни и сейчас только, что Вронский для нее один из сотен вечно одних и тех же, повсюду встречаемых молодых людей, что она никогда не позволит себе и думать о нем; но теперь, в первое мгновение встречи с ним, ее охватило чувство радостной гордости. Ей не нужно было спрашивать, зачем он тут. Она знала это так же верно, как если б он сказал ей, что он тут для того, чтобы быть там, где она.

— Я не знала, что вы едете. Зачем вы едете? — сказала она, опустив руку, которою взялась было за столбик. И неудержимая радость и оживление сияли на ее лице.

— Зачем я еду? — повторил он, глядя ей прямо в глаза. — Вы знаете, я еду для того, чтобы быть там, где вы, — сказал он, — я не могу иначе.

И в это же время, как бы одолев препятствия, ветер посыпал снег с крыш вагонов, затрепал каким-то железным оторванным листом, и впереди плачевно и мрачно заревел густой свисток паровоза. Весь ужас метели показался ей еще более прекрасен теперь. Он сказал то самое, чего желала ее душа, но чего она боялась рассудком. Она ничего не отвечала, и на лице ее он видел борьбу.

— Простите меня, если вам неприятно то, что я сказал, — заговорил он покорно.

Он говорил учтиво, почтительно, но так твердо и упорно,

что она долго не могла ничего ответить.

— Это дурно, что вы говорите, и я прошу вас, если вы хороший человек, забудьте, что вы сказали, как и я забуду, — сказала она наконец.

— Ни одного слова вашего, ни одного движения вашего я не забуду никогда и не могу...

— Довольно, довольно! — вскрикнула она, тщетно стараясь придать строгое выражение своему лицу, в которое он жадно всматривался. И, взявшись рукой за холодный столбик, она поднялась на ступеньки и быстро вошла в сени вагона. Но в этих маленьких сенях она остановилась, обдумывая в своем воображении то, что было. Не вспоминая ни своих, ни его слов, она чувством поняла, что этот минутный разговор страшно сблизил их; и она была испугана и счастлива этим. Постояв несколько секунд, она вошла в вагон и села на свое место. То напряженное состояние, которое ее мучало сначала, не только возобновилось, но усилилось и дошло до того, что она боялась, что всякую минуту порвется в ней что-то слишком натянутое. Она не спала всю ночь. Но в том напряжении и тех грезах, которые наполняли ее воображение, не было ничего неприятного и мрачного; напротив, было что-то радостное, жгучее и возбуждающее. К утру Анна задремала, сидя в кресле, и когда проснулась, то уже было бело, светло, и поезд подходил к Петербургу. Тотчас же мысли о доме, о муже, о сыне и заботы предстоящего дня и следующих обступили ее.

В Петербурге, только что остановился поезд и она вышла, первое лицо, обратившее ее внимание, было лицо мужа. «Ах, Боже мой! отчего у него стали такие уши?» подумала она, глядя на его холодную и представительную фигуру и особенно на поразившие ее теперь хрящи ушей, подпиравшие поля круглой шляпы. Увидав ее, он пошел к ней навстречу, сложив губы в привычную ему насмешливую улыбку и прямо глядя на нее большими усталыми глазами. Какое-то неприятное чувство щемило ей сердце, когда она встретила его упорный и усталый взгляд, как будто она ожидала увидеть его другим. В особенности поразило ее чувство недовольства собой, которое она испытала при встрече с ним. Чувство то было давнишнее, знакомое чувство, похожее на состояние притворства, которое она испытывала в отношениях к мужу; но прежде она не замечала этого чувства, теперь она ясно и больно сознала его.

– Да, как видишь, нежный муж, нежный, как на другой год женитьбы, сгорал желанием увидеть тебя, – сказал он своим медлительным тонким голосом и тем тоном, который он всегда почти употреблял с ней, тоном насмешки над тем, кто бы в самом деле так говорил.

– Сережа здоров? – спросила она.

– И это вся награда, – сказал он, – за мою пылкость? Здоров, здоров....

XXXI.

Вронский и не пытался заснуть всю эту ночь. Он сидел на своем кресле, то прямо устремив глаза вперед себя, то оглядывая входивших и выходивших, и если и прежде он поражал и волновал незнакомых ему людей своим видом непоколебимого спокойствия, то теперь он еще более казался горд и самодовлеющ. Он смотрел на людей, как на вещи. Молодой нервный человек, служащий в окружном суде, сидевший против него, возненавидел его за этот вид. Молодой человек и закуривал у него, и заговаривал с ним, и даже толкал его, чтобы дать ему почувствовать, что он не вещь, а человек, но Вронский смотрел па него всё так же, как на фонарь, и молодой человек гримасничал, чувствуя, что он теряет самообладание под давлением этого непризнания его человеком.

Вронский ничего и никого не видал. Он чувствовал себя царем, не потому, чтоб он верил, что произвел впечатление на Анну, — он еще не верил этому, — но потому, что впечатление, которое она произвела на него, давало ему счастье и гордость.

Что из этого всего выйдет, он не знал и даже не думал. Он чувствовал, что все его доселе распушенные, разбросанные силы были собраны в одно и с страшною энергией были направлены к одной блаженной цели. И он был счастлив этим. Он знал только, что сказал ей правду, что он ехал туда, где

была она, что всё счастье жизни, единственный смысл жизни он находил теперь в том, чтобы видеть и слышать ее. И когда он вышел из вагона в Бологове, чтобы выпить сельтерской воды, и увидел Анну, невольно первое слово его сказал ей то самое, что он думал. И он рад был, что сказал ей это, что она знает теперь это и думает об этом. Он не спал всю ночь. Вернувшись в свой вагон, он не переставая перебирал все положения, в которых ее видел, все ее слова, и в его воображении, заставляя замирать сердце, носились, картины возможного будущего.

Когда в Петербурге он вышел из вагона, он чувствовал себя после бессонной ночи оживленным и свежим, как после холодной ванны. Он остановился у своего вагона, ожидая ее выхода. «Еще раз увижу, – говорил он себе, невольно улыбаясь, – увижу ее походку, ее лицо; скажет что-нибудь, поворотит голову, взглянет, улыбнется, может быть». Но прежде еще, чем он увидел ее, он увидел ее мужа, которого начальник станции учтиво проводил между толпою. «Ах, да! муж!» Теперь только в первый раз Вронский ясно понял то, что муж было связанное с нею лицо. Он знал, что у ней есть муж, но не верил в существование его и поверил в него вполне, только когда увидел его, с его головой, плечами и ногами в черных панталонах; в особенности когда он увидел, как этот муж с чувством собственности спокойно взял ее руку.

Увидев Алексея Александровича с его петербургски-свежим лицом и строго самоуверенною фигурой, в круглой

шляпе, с немного-выдающеюся спиной, он поверил в него и испытал неприятное чувство, подобное тому, какое испытал бы человек, мучимый жаждою и добравшийся до источника и находящий в этом источнике собаку, овцу или свинью, которая и выпила и взмутила воду. Походка Алексея Александровича, ворочавшего всем тазом и тупыми ногами, особенно оскорбляла Вронского. Он только за собой признавал несомненное право любить ее. Но она была всё та же, и вид ее всё так же, физически оживляя, возбуждая и наполняя счастьем его душу, подействовал на него. Он приказал подбежавшему к нему из второго класса Немцу-лакею взять вещи и ехать, а сам подошел к ней. Он видел первую встречу мужа с женою и заметил с проницательностью влюбленного признак легкого стеснения, с которым она говорила с мужем. «Нет, она не любит и не может любить его», решил он сам с собою.

Еще в то время, как он подходил к Анне Аркадьевне сзади, он заметил с радостью, что она чувствовала его приближение и оглянулась было и, узнав его, опять обратилась к мужу.

– Хорошо ли вы провели ночь? – сказал он, наклоняясь пред нею и пред мужем вместе и предоставляя Алексею Александровичу принять этот поклон на свой счет и узнать его или не узнать, как ему будет угодно.

– Благодарю вас, очень хорошо, – отвечала она.

Лицо ее казалось усталым, и не было на нем той игры

просившегося то в улыбку, то в глаза оживления; но на одно мгновение при взгляде на него что-то мелькнуло в ее глазах, и, несмотря на то, что огонь этот сейчас же потух, он был счастлив этим мгновением. Она взглянула на мужа, чтоб узнать, знает ли он Вронского. Алексей Александрович смотрел на Вронского с неудовольствием, рассеянно вспоминая, кто это. Спокойствие и самоуверенность Вронского здесь, как коса на камень, наткнулись на холодную самоуверенность Алексея Александровича.

– Граф Вронский, – сказала Анна.

– А! Мы знакомы, кажется, – равнодушно сказал Алексей Александрович, подавая руку. – Туда ехала с матерью, а назад с сыном, – сказал он, отчетливо выговаривая, как рублем даря каждым словом. – Вы, верно, из отпуска? – сказал он и, не дожидаясь ответа, обратился к жене своим шуточным тоном: – что ж, много слез было пролито в Москве при разлуке?

Обращением этим к жене он давал чувствовать Вронскому, что желает остаться один и, повернувшись к нему, коснулся шляпы; но Вронский обратился к Анне Аркадьевне:

– Надеюсь иметь честь быть у вас, – сказал он.

Алексей Александрович усталыми глазами взглянул на Вронского.

– Очень рад, – сказал он холодно, – по понедельникам мы принимаем. – Затем, отпустив совсем Вронского, он сказал жене: – и как хорошо, что у меня именно было полчаса вре-

мени, чтобы встретить тебя и что я мог показать тебе свою нежность, – продолжал он тем же шуточным тоном.

– Ты слишком уже подчеркиваешь свою нежность, чтоб я очень ценила, – сказала она тем же шуточным тоном, невольно прислушиваясь к звукам шагов Вронского, шедшего за ними. «Но что мне за дело?» подумала она и стала спрашивать у мужа, как без нее проводил время Сережа.

– О, прекрасно! Mariette говорит, что он был мил очень и... я должен тебя огорчить... не скучал о тебе, не так, как твой муж. Но еще раз merci, мой друг, что подарила мне день. Наш милый самовар будет в восторге. (Самоваром он называл знаменитую графиню Лидию Ивановну, за то что она всегда и обо всем волновалась и горячилась.) Она о тебе спрашивала. И знаешь, если я смею советовать, ты бы съездила к ней нынче. Ведь у ней обо всем болит сердце. Теперь она, кроме всех своих хлопот, занята примирением Облонских.

Графиня Лидия Ивановна была друг ее мужа и центр одного из кружков петербургского света, с которым по мужу ближе всех была связана Анна.

– Да ведь я писала ей.

– Но ей всё нужно подробно. Съезди, если не устала, мой друг. Ну, тебе карету подаст Кондратий, а я еду в комитет. Опять буду обедать не один, – продолжал Алексей Александрович уже не шуточным тоном. – Ты не поверишь, как я привык...

И он, долго сжимая ей руку, с особенною улыбкой посадил ее в карету.

XXXII.

Первое лицо, встретившее Анну дома, был сын. Он выскочил к ней по лестнице, несмотря на крик гувернантки, и с отчаянным восторгом кричал: «Мама, мама!» Добежав до нее, он повис ей на шее.

— Я говорил вам, что мама! — кричал он гувернантке. — Я знал!

И сын, так же, как и муж, произвел в Анне чувство, похожее на разочарованье. Она воображала его лучше, чем он был в действительности. Она была должна опуститься до действительности, чтобы наслаждаться им таким, каков он был. Но и такой, каков он был, он был прелестен с своими белокурыми кудрями, голубыми глазами и полными стройными ножками в туго натянутых чулках. Анна испытывала почти физическое наслаждение в ощущении его близости и ласки и нравственное успокоение, когда встречала его простодушный, доверчивый и любящий взгляд и слышала его наивные вопросы. Анна достала подарки, которые посылали дети Долли, и рассказала сыну, какая в Москве есть девочка Таня и как Таня эта умеет читать и учит даже других детей.

— Что же, я хуже ее? — спросил Сережа.

— Для меня лучше всех на свете.

– Я это знаю, – сказал Сережа улыбаясь.

Еще Анна не успела напиток кофе, как доложили про графиню Лидию Ивановну. Графиня Лидия Ивановна была высокая полная женщина с нездорово-желтым цветом лица и прекрасными задумчивыми черными глазами. Анна любила ее, но нынче она как будто в первый раз увидела ее со всеми ее недостатками.

– Ну что, мой друг, снесли оливковую ветвь? – спросила графиня Лидия Ивановна, только что вошла в комнату.

– Да, всё это кончилось, но всё это и было не так важно, как мы думали, – отвечала Анна. – Вообще моя *belle soeur* слишком решительна.

Но графиня Лидия Ивановна, всем до нее не касавшимся интересовавшаяся, имела привычку никогда не слушать того, что ее интересовало; она перебила Анну:

– Да, много горя и зла на свете, а я так измучена нынче.

– А что? – спросила Анна, стараясь удержать улыбку.

– Я начинаю уставать от напрасного ломания копий за правду и иногда совсем развинчиваюсь. Дело сестричек (это было филантропическое, религиозно-патриотическое учреждение) пошло было прекрасно, но с этими господами ничего невозможно сделать, – прибавила графиня Лидия Ивановна с насмешливою покорностью судьбе. – Они ухватились за мысль, изуродовали ее и потом обсуждают так мелко и ничтожно. Два-три человека, ваш муж в том числе, понимают всё значение этого дела, а другие только роняют. Вчера мне

пишет Правдин...

Правдин был известный панславист за границей, и графиня Лидия Ивановна рассказала содержание его письма.

Затем графиня рассказала еще неприятности и козни против дела соединения церквей и уехала торопясь, так как ей в этот день приходилось быть еще на заседании одного общества и в Славянском комитете.

«Ведь всё это было и прежде; но отчего я не замечала этого прежде?» – сказала себе Анна. – Или она очень раздражена нынче? А в самом деле, смешно: ее цель добродетель, она христианка, а она всё сердится, и всё у нее враги и всё враги по христианству и добродетели».

После графини Лидии Ивановны приехала приятельница, жена директора, и рассказала все городские новости. В три часа и она уехала, обещаясь приехать к обеду. Алексей Александрович был в министерстве. Оставшись одна, Анна дообеденное время употребила на то, чтобы присутствовать при обеде сына (он обедал отдельно) и чтобы привести в порядок свои вещи, прочесть и ответить на записки и письма, которые у нее скопились на столе.

Чувство беспричинного стыда, которое она испытывала дорогой, и волнение совершенно исчезли. В привычных условиях жизни она чувствовала себя опять твердою и безупречною.

Она с удивлением вспомнила свое вчерашнее состояние. «Что же было? Ничего. Вронский сказал глупость, которой

легко положить конец, и я ответила так, как нужно было. Говорить об этом мужу не надо и нельзя. Говорить об этом — значит придавать важность тому, что ее не имеет». Она вспомнила, как она рассказала почти признание, которое ей сделал в Петербурге молодой подчиненный ее мужа, и как Алексей Александрович ответил, что, живя в свете, всякая женщина может подвергнуться этому, но что он доверяется вполне ее такту и никогда не позволит себе унизить ее и себя до ревности. «Стало быть, не зачем говорить? Да, слава Богу, и нечего говорить», сказала она себе.

XXXIII.

Алексей Александрович вернулся из министерства в четыре часа, но, как это часто бывало, не успел войти к ней. Он прошел в кабинет принимать ожидавшихся просителей и подписать некоторые бумаги, принесенные правителем дел. К обеду (всегда человека три обедали у Карениных) приехали: старая кузина Алексея Александровича, директор департамента с женой и один молодой человек, рекомендованный Алексею Александровичу на службе. Анна вышла в гостиную, чтобы занимать их. Ровно в пять часов, бронзовые часы Петр I не успели добить пятого удара, как вышел Алексей Александрович в белом галстуке и во фраке с двумя звездами, так как сейчас после обеда ему надо было ехать. Каждая минута жизни Алексея Александровича была занята и

распределена. И для того чтоб успевать сделать то, что ему предстояло каждый день, он держался строжайшей аккуратности. «Без поспешности и без отдыха», — было его девизом. Он вошел в залу, раскланялся со всеми и поспешно сел, улыбаясь жене.

— Да, кончилось мое уединение. Ты не поверишь, как неловко (он ударил на слове *неловко*) обедать одному.

За обедом он поговорил с женой о московских делах, с насмешливою улыбкой спрашивал о Степане Аркадьиче; но разговор шел преимущественно общий, о петербургских служебных и общественных делах. После обеда он провел полчаса с гостями и, опять с улыбкой пожав руку жене, вышел и уехал в совет. Анна не поехала в этот раз ни к княгине Бетси Тверской, которая, узнав о ее приезде, звала ее вечером, ни в театр, где нынче была у нее ложа. Она не поехала преимущественно потому, что платье, на которое она рассчитывала, было не готово. Вообще, занявшись после отъезда гостей своим туалетом, Анна была очень раздосадована. Пред отъездом в Москву она, вообще мастерица одеваться не очень дорого, отдала модистке для переделки три платья. Платья нужно было так переделать, чтоб их нельзя было узнать, и они должны были быть готовы уже три дня тому назад. Оказалось, что два платья были совсем не готовы, а одно переделано не так, как того хотела Анна. Модистка приехала объясняться, утверждая, что так будет лучше, и Анна разгорячилась так, что ей потом совестно было вспоминать.

Чтобы совершенно успокоиться, она пошла в детскую и весь вечер провела с сыном, сама уложила его спать, перекрестила и накрыла его одеялом. Она рада была, что не поехала никуда и так хорошо провела этот вечер. Ей так легко и спокойно было, так ясно она видела, что всё, что ей на железной дороге представлялось столь значительным, был только один из обычных ничтожных случаев светской жизни и что ей ни пред кем, ни пред собой стыдиться нечего. Анна села у камина с английским романом и ждала мужа. Ровно в половине десятого послышался его звонок, и он вошел в комнату.

– Наконец-то ты! – сказала она, протягивая ему руку.

Он поцеловал ее руку и подсел к ней.

– Вообще я вижу, что поездка твоя удалась, – сказал он ей.

– Да, очень, – отвечала она и стала рассказывать ему всё сначала: свое путешествие с Вронскою, свой приезд, случай на железной дороге. Потом рассказала свое впечатление жалости к брату сначала, потом к Долли.

– Я не полагаю, чтобы можно было извинять такого человека, хотя он и твой брат, – сказал Алексей Александрович строго.

Анна улыбнулась. Она поняла, что он сказал это именно затем, чтобы показать, что соображения родства не могут остановить его в высказывании своего искреннего мнения. Она знала эту черту в своем муже и любила ее.

– Я рад, что всё кончилось благополучно и что ты приехала? – продолжал он. – Ну, что говорят там про новое по-

ложение, которое я провел в совете?

Анна ничего не слышала об этом положении, и ей стало совестно, что она так легко могла забыть о том, что для него было так важно.

– Здесь, напротив, это наделало много шума, – сказал он с самодовольною улыбкой.

Она видела, что Алексей Александрович хотел что-то сообщить ей приятное для себя об этом деле, и она вопросами навела его на рассказ. Он с тою же самодовольною улыбкой рассказал об овациях, которые были сделаны ему вследствие этого проведенного положения.

– Я очень, очень был рад. Это доказывает, что наконец у нас начинает устанавливаться разумный и твердый взгляд на это дело.

Допив со сливками и хлебом свой второй стакан чая, Алексей Александрович встал и пошел в свой кабинет.

– А ты никуда не поехала; тебе, верно, скучно было? – сказал он.

– О, нет! – отвечала она, встав за ним и провожая его чрез залу в кабинет. – Что же ты читаешь теперь? – спросила она.

– Теперь я читаю Duc de Lille, *Poésie des enfers*,¹⁶ – отвечал он. – Очень замечательная книга.

Анна улыбнулась, как улыбаются слабостям любимых людей, и, положив свою руку под его, проводила его до дверей кабинета. Она знала его привычку, сделавшуюся необхо-

---

¹⁶ [Герцога де Лиля, *Поэзия ада*,]

димостью, вечером читать. Она знала, что, несмотря на поглощающие почти всё его время служебные обязанности, он считал своим долгом следить за всем замечательным, появлявшимся в умственной сфере. Она знала тоже, что действительно его интересовали книги политические, философские, богословские, что искусство было по его натуре совершенно чуждо ему, но что, несмотря на это, или лучше вследствие этого, Алексей Александрович не пропускал ничего из того, что делало шум в этой области, и считал своим долгом всё читать. Она знала, что в области политики, философии богословия Алексей Александрович сомневался или отыскивал; но в вопросах искусства и поэзии, в особенности музыки, понимания которой он был совершенно лишен, у него были самые определенные и твердые мнения. Он любил говорить о Шекспире, Рафаэле, Бетховене, о значении новых школ поэзии и музыки, которые все были у него распределены с очень ясною последовательностью.

– Ну, и Бог с тобой, – сказала она у двери кабинета, где уже были приготовлены ему абажур на свече и графин воды у кресла. – А я напишу в Москву.

Он пожал ей руку и опять поцеловал ее.

«Всё-таки он хороший человек, правдивый, добрый и замечательный в своей сфере, – говорила себе Анна, вернувшись к себе, как будто защищая его пред кем-то, кто обвинял его и говорил, что его нельзя любить. Но что это уши у него так странно выдаются! Или он обстригся?»

Ровно в двенадцать, когда Анна еще сидела за письменным столом, дописывая письмо к Долли, слышались ровные шаги в туфлях, и Алексей Александрович, вымытый и причесанный, с книгою под мышкой, подошел к ней.

— Пора, пора, — сказал он, особенно улыбаясь, и прошел в спальню.

«И какое право имел он так смотреть на него?» подумала Анна, вспоминая взгляд Вронского на Алексея Александровича.

Раздевшись, она вошла в спальню, но на лице ее не только не было того оживления, которое в бытность ее в Москве так и брызгало из ее глаз и улыбки: напротив, теперь огонь казался потушенным в ней или где-то далеко припрятанным.

XXXIV.

Уезжая из Петербурга, Вронский оставил свою большую квартиру на Морской приятелю и любимому товарищу Петрицкому.

Петрицкий был молодой поручик, не особенно знатный и не только не богатый, но кругом в долгах, к вечеру всегда пьяный и часто за разные и смешные и грязные истории попадавший на гауптвахту, но любимый и товарищами и начальством. Подъезжая в двенадцатом часу с железной дороги к своей квартире, Вронский увидел у подъезда знакомую ему извозчичью карету. Из-за двери еще на свой

звонок он услышал хохот мужчин и лепет женского голоса и крик Петрицкого: «если кто из злодеев, то не пускать!» Вронский не велел денщику говорить о себе и потихоньку вошел в первую комнату. Баронесса Шильтон, приятельница Петрицкого, блестя лиловым атласом платья и румяным белокурым личиком и, как канарейка, наполняя всю комнату своим парижским говором, сидела пред круглым столом, варя кофе. Петрицкий в пальто и ротмистр Камеровский в полной форме, вероятно со службы, сидели вокруг нее.

– Браво! Вронский!– закричал Петрицкий, вскакивая и гремя стулом. – Сам хозяин! Баронесса, кофею ему из нового кофейника. Вот не ждали! Надеюсь, ты доволен украшением твоего кабинета, – сказал он, указывая на баронессу. – Вы ведь знакомы?

– Еще бы! – сказал Вронский, весело улыбаясь и пожимая маленькую ручку баронессы. – Как же! старый друг.

– Вы домой с дороги, – сказала баронесса, – так я бегу. Ах, я уеду сию минуту, если я мешаю.

– Вы дома там, где вы, баронесса, – сказал Вронский. – Здравствуй, Камеровский, – прибавил он, холодно пожимая руку Камеровского.

– Вот вы никогда не умеете говорить такие хорошенькие вещи, – обратилась баронесса к Петрицкому.

– Нет, отчего же? После обеда и я скажу не хуже.

– Да после обеда нет заслуги! Ну, так я вам дам кофею, идите умывайтесь и убирайтесь, – сказала баронесса, опять

сядаясь и заботливо поворачивая винтик в новом кофейнике. – Пьер, дайте кофе, – обратилась она к Петрицкому, которого она называла Пьер, по его фамилии Петрицкий, не скрывая своих отношений с ним. – Я прибавлю.

– Испортите.

– Нет, не испорчу! Ну, а ваша жена? – сказала вдруг баронесса, перебивая разговор Вронского с товарищем. – Мы здесь женили вас. Привезли вашу жену?

– Нет, баронесса. Я рожден Цыганом и умру Цыганом.

– Тем лучше, тем лучше. Давайте руку.

И баронесса, не отпуская Вронского, стала ему рассказывать, пересыпая шутками, свои последние планы жизни и спрашивать его совета.

– Он всё не хочет давать мне развода! Ну что же мне делать? *(Он был муж ее.)* Я теперь хочу процесс начинать. Как вы мне посоветуете? Камеровский, смотрите же за кофеем – ушел; вы видите, я занята делами! Я хочу процесс, потому что состояние мне нужно мое. Вы понимаете ли эту глупость, что я ему будто бы неверна, с презрением сказала она, – и от этого он хочет пользоваться моим именем.

Вронский слушал с удовольствием этот веселый лепет хорошенькой женщины, поддакивал ей, давал полушутливые советы и вообще тотчас же принял свой привычный тон обращения с этого рода женщинами. В его петербургском мире все люди разделялись на два совершенно противоположные сорта. Один низший сорт: пошлые, глупые и, главное,

смешные люди, которые веруют в то, что одному мужу надо жить с одною женой, с которою он обвенчан, что девушке надо быть невинною, женщине стыдливою, мужчине мужественным, воздержным и твердым, что надо воспитывать детей, зарабатывать свой хлеб, платить долги, — и разные тому подобные глупости. Это был сорт людей старомодных и смешных. Но был другой сорт людей, настоящих, к которому они все принадлежали, в котором надо быть главное элегантным, красивым, великодушным, смелым, веселым, отдаваться всякой страсти не краснея и над всем остальным смеяться.

Вронский только в первую минуту был ошеломлен после впечатлений совсем другого мира, привезенных им из Москвы; но тотчас же, как будто всунул ноги в старые туфли, он вошел в свой прежний веселый и приятный мир.

Кофе так и не сварился, а обрызгал всех и ушел и произвел именно то самое, что было нужно, то есть подал повод к шуму и смеху и залил дорогой ковер и платье баронессы.

— Ну, теперь прощайте, а то вы никогда не умаетесь, и на моей совести будет главное преступление порядочного человека, нечистоплотность. Так вы советуете нож к горлу?

— Непременно, и так, чтобы ваша ручка была поближе от его губ. Он поцелует вашу ручку, и всё кончится благополучно, — отвечал Вронский.

— Так нынче во Французском! — И, зашумев платьем, она исчезла.

Камеровский поднялся тоже, а Вронский, не дожидаясь его ухода, подал ему руку и отправился в уборную. Пока он умывался, Петрицкий описал ему в кратких чертах свое положение, насколько оно изменилось после отъезда Вронского. Денег нет ничего. Отец сказал, что не даст и не заплатит долгов. Портной хочет посадить, и другой тоже непременно грозит посадить. Полковой командир объявил, что если эти скандалы не прекратятся, то надо выходить. Баронесса надоела, как горькая редька, особенно тем, что всё хочет давать деньги; а есть одна, он ее покажет Вронскому, чудо, прелесть, в восточном строгом стиле, «genre рабыни Ребеки, понимаешь». С Беркошевым тоже вчера разбранился, и он хотел прислать секундантов, но, разумеется, ничего не выйдет. Вообще же всё превосходно и чрезвычайно весело. И, не давая товарищу углубляться в подробности своего положения, Петрицкий пустился рассказывать ему все интересные новости. Слушая столь знакомые рассказы Петрицкого в столь знакомой обстановке своей трехлетней квартиры, Вронский испытывал приятное чувство возвращения к привычной и беззаботной петербургской жизни.

– Не может быть! – закричал он, отпустив педаль умывальника, которым он обливал свою красную здоровую шею. – Не может быть! – закричал он при известии о том, что Лора сошлась с Милеевым и бросила Фертингофа. – И он всё так же глуп и доволен? Ну, а Бузулуков что?

– Ах, с Бузулуковым была история – прелесть! – закричал

Петрицкий. — Ведь его страсть — балы, и он ни одного придворного бала не пропускает. Отправился он на большой бал в новой каске. Ты видел новые каски? Очень хороши, легче. Только стоит он... Нет, ты слушай.

— Да я слушаю, — растираясь мохнатым полотенцем, отвечал Вронский.

— Проходит великая княгиня с каким-то послем, и на его беду зашел у них разговор о новых касках. Великая княгиня и хотела показать новую каску... Видят, наш голубчик стоит. (Петрицкий представил, как он стоит с каской.) Великая княгиня попросила подать себе каску, — он не дает. Что такое? Только, ему мигают, кивают, хмурятся. Подай. Не дает. Замер. Можешь себе представить!... Только, этот... как его... хочет уже ваять у него каску.... не дает!... Он вырвал, подает великой княгине. «Вот это новая», говорит великая княгиня. Повернула каску, и, можешь себе представить, оттуда бух! груша, конфеты, два фунта конфет!... Он это набрал, голубчик!

Вронский покатился со смеху. И долго потом, говоря уже о другом, закатывался он своим здоровым смехом, выставляя свои крепкие сплошные зубы, когда вспоминал о каске.

Узнав все новости, Вронский с помощью лакея оделся в мундир и поехал являться. Явившись, он намерен был съездить к брату, к Бетси и сделать несколько визитов с тем, чтоб начать ездить в тот свет, где бы он мог встречать Каренину. Как и всегда в Петербурге, он выехал из дома с тем, чтобы

не возвращаться до поздней ночи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

В конце зимы в доме Щербацких происходил консилиум, долженствовавший решить, в каком положении находится здоровье Кити и что нужно предпринять для восстановления ее ослабевающих сил. Она была больна, и с приближением весны здоровье ее становилось хуже. Домашний доктор давал ей рыбий жир, потом железо, потом лапис, но так как ни то, ни другое, ни третье не помогало и так как он советовал от весны уехать за границу, то приглашен был знаменитый доктор. Знаменитый доктор, не старый еще, весьма красивый мужчина, потребовал осмотра больной. Он с особенным удовольствием, казалось, настаивал на том, что девичья стыдливость есть только остаток варварства и что нет ничего естественнее, как то, чтоб еще не старый мужчина ошупывал молодую обнаженную девушку. Он находил это естественным, потому что делал это каждый день и при этом ничего не чувствовал и не думал, как ему казалось, дурного, и поэтому стыдливость в девушке он считал не только остатком варварства, но и оскорблением себе.

Надо было покориться, так как, несмотря на то, что все доктора учились в одной школе, по одним и тем же книгам,

знали одну науку, и несмотря на то, что некоторые говорили, что этот знаменитый доктор был дурной доктор, в доме княгини и в ее кругу было признано почему-то, что этот знаменитый доктор один знает что-то особенное и один может спасти Кити. После внимательного осмотра и постукивания растерянной и ошеломленной от стыда больной знаменитый доктор, старательно вымыв свои руки, стоял в гостиной и говорил с князем.

Князь хмурился, покашливая, слушая доктора. Он, как доживший, не глупый и не больной человек, не верил в медицину и в душе злился на всю эту комедию, тем более, что едва ли не он один вполне понимал причину болезни Кити. «То-то пустобрех», думал он, применяя в мыслях это название из охотничьего словаря к знаменитому доктору и слушая его болтовню о признаках болезни дочери. Доктор между тем с трудом удерживал выражение презрения к этому старому баричу и с трудом спускался до низменности его понимания. Он понимал, что с стариком говорить нечего и что глава в этом доме – мать. Пред нею-то он намеревался рассыпать свой бисер. В это время княгиня вошла в гостиную с домашним доктором. Князь отошел, стараясь не дать заметить, как ему смешна была вся эта комедия. Княгиня была растеряна и не знала, что делать. Она чувствовала себя виноватую пред Кити.

– Ну, доктор, решайте нашу судьбу, – сказала княгиня. – Говорите мне всё. «Есть ли надежда?» – хотела она сказать,

но губы ее задрожали, и она не могла выговорить этот вопрос. – Ну что, доктор?...

– Сейчас, княгиня, переговорю с коллегой и тогда буду иметь честь доложить вам свое мнение.

– Так нам вас оставить?

– Как вам будет угодно.

Княгиня, вздохнув, вышла.

Когда доктора остались одни, домашний врач робко стал излагать свое мнение, состоящее в том, что есть начало туберкулезного процесса, но... и т. д. Знаменитый доктор слушал его и в середине его речи посмотрел на свои крупные золотые часы.

– Так, – сказал он. – Но...

Домашний врач замолк почтительно на середине речи.

– Определить, как вы знаете, начало туберкулезного процесса мы не можем; до появления каверн нет ничего определенного. Но подозревать мы можем. И указание есть: дурное питание, нервное возбуждение и пр. Вопрос стоит так: при подозрении туберкулезного процесса что нужно сделать, чтобы поддержать питание?

– Но, ведь вы знаете, тут всегда скрываются нравственные, духовные причины, – с тонкою улыбкой позволил себе вставить домашний доктор.

– Да, это само собой разумеется, – отвечал знаменитый доктор, опять взглянув на часы. – Виноват; что, поставлен ли Яузский мост, или надо всё еще кругом объезжать? – спро-

сил он. – А! поставлен. Да, ну так я в двадцать минут могу быть. Так мы говорили, что вопрос так поставлен: поддерживать питание и исправить нервы. Одно в связи с другим, надо действовать на обе стороны круга.

– Но поездка за границу? – спросил домашний доктор.

– Я враг поездок за границу. И изволите видеть: если есть начало туберкулезного процесса, чего мы знать не можем, то поездка за границу не поможет. Необходимо такое средство, которое бы поддерживало питание и не вредило.

И знаменитый доктор изложил свой план лечения водами Соденскими, при назначении которых главная цель, очевидно, состояла в том, что они повредить не могут.

Домашний доктор внимательно и почтительно выслушал.

– Но в пользу поездки за границу я бы выставил перемену привычек, удаление от условий, вызывающих воспоминания. И потом матери хочется, – сказал он.

– А! Ну, в этом случае что ж, пускай едут; только, повредят эти немецкие шарлатаны... Надо, чтобы слушались... Ну, так пускай едут.

Он опять взглянул на часы

– О! уже пора, – и пошел к двери.

Знаменитый доктор объявил княгине (чувство приличия подсказало это), что ему нужно видеть еще раз больную.

– Как! еще раз осматривать! – с ужасом воскликнула мать.

– О нет, мне некоторые подробности, княгиня.

– Милости просим.

И мать, сопутствуемая доктором, вошла в гостиную к Кити. Исхудавшая и румяная, с особенным блеском в глазах вследствие перенесенного стыда, Кити стояла посреди комнаты. Когда доктор вошел, она вспыхнула, и глаза ее наполнились слезами. Вся ее болезнь и лечение представлялись ей такою глупою, даже смешною вещью! Лечение ее представлялось ей столь же смешным, как составление кусков разбитой вазы. Сердце ее было разбито. Что же они хотят лечить ее пилюлями и порошками? Но нельзя было оскорблять мать, тем более что мать считала себя виноватою.

– Потрудитесь присесть, княжна, – сказал знаменитый доктор.

Он с улыбкой сел против нее, взял пульс и опять стал делать скучные вопросы. Она отвечала ему и вдруг, рассердившись, встала.

– Извините меня, доктор, но это право ни к чему не поведет. Вы у меня по три раза то же самое спрашиваете.

Знаменитый доктор не обиделся.

– Болезненное раздражение, – сказал он княгине, когда Кити вышла. – Впрочем, я кончил....

И доктор пред княгиней, как пред исключительно умною женщиной, научно определил положение княжны и заключил наставлением о том, как пить те воды, которые были не нужны. На вопрос, ехать ли за границу, доктор углубился в размышления, как бы разрешая трудный вопрос. Решение наконец было изложено: ехать и не верить шарлатанам, а во

всем обращаться к нему.

Как будто что-то веселое случилось после отъезда доктора. Мать повеселела, вернувшись к дочери, и Кити притворилась, что она повеселела. Ей часто, почти всегда, приходилось теперь притворяться.

— Право, я здорова, тамап. Но если вы хотите ехать, поедемте! — сказала она и, стараясь показать, что интересуется предстоящей поездкой, стала говорить о приготовлениях к отъезду.

II.

Вслед за доктором приехала Долли. Она знала, что в этот день должен быть консилиум, и, несмотря на то, что недавно поднялась от родов (она родила девочку в конце зимы), несмотря на то, что у ней было много своего горя и забот, она, оставив грудного ребенка и заболевшую девочку, заехала узнать об участии Кити, которая решалась нынче.

— Ну, что? — сказала она, входя в гостиную и не снимая шляпы. — Вы все веселые. Верно, хорошо?

Ей попробовали рассказывать, что говорил доктор, но оказалось, что, хотя доктор и говорил очень складно и долго, никак нельзя было передать того, что он сказал. Интересно было только то, что решено ехать за границу.

Долли невольно вздохнула. Лучший друг ее, сестра, уезжала. А жизнь ее была не весела. Отношения к Степану Ар-

кадьичу после примирения сделались унизительны. Спайка, сделанная Анной, оказалась непрочна, и семейное согласие надломилось опять в том же месте. Определенного ничего не было, но Степана Аркадьича никогда почти не было дома, денег тоже никогда почти не было, и подозрения неверностей постоянно мучали Долли, и она уже отгоняла их от себя, боясь испытанного страдания ревности. Первый взрыв ревности, раз пережитый, уже не мог возвратиться, и даже открытие неверности не могло бы уже так подействовать на нее, как в первый раз. Такое открытие теперь только лишило бы ее ее семейных привычек, и она позволяла себя обманывать, презирая его и больше всего себя за эту слабость. Сверх того, заботы большого семейства беспрестанно мучали ее: то кормление грудного ребенка не шло, то нянька ушла, то, как теперь, заболел один из детей.

– Что, как твои?– спросила мать.

– Ах, маман, у вас своего горя много. Лили заболела, и я боюсь, что скарлатина. Я вот теперь выехала, чтоб узнать, а то засяду уже безвыездно, если, избави Бог, скарлатина.

Старый князь после отъезда доктора тоже вышел из своего кабинета и, подставив свою щеку Долли и поговорив с ней, обратился к жене:

– Как же решили, едете? Ну, а со мной что хотите делать?

– Я думаю, тебе остаться, Александр, – сказала жена.

– Как хотите.

– Маман, отчего же папа не поехать с нами? – сказала

Кити. – И ему веселее и нам.

Старый князь встал и погладил рукой волосы Кити. Она подняла лицо и, насильно улыбаясь, смотрела на него. Ей всегда казалось, что он лучше всех в семье понимает ее, хотя он мало говорил о ней. Она была, как меньшая, любимица отца, и ей казалось, что любовь его к ней делала его проницательным. Когда ее взгляд встретился теперь с его голубыми, добрыми глазами, пристально смотревшими на нее, ей казалось, что он насквозь видит ее и понимает всё то нехорошее, что в ней делается. Она краснея потянулась к нему, ожидая поцелуя, но он только потрепал ее по волосам и проговорил:

– Эти глупые шиньоны! До настоящей дочери и не доберешься, а ласкаешь волосы дохлых баб. Ну что, Долинька, – обратился он к старшей дочери, – твой козырь что поделывает?

– Ничего, папа, – отвечала Долли, понимая, что речь идет о муже. – Всё ездит, я его почти не вижу, – не могла она не прибавить с насмешливою улыбкой.

– Что ж, он не уехал еще в деревню лес продавать?

– Нет, всё собирается.

– Вот как! – проговорил князь. – Так и мне собираться? Слушаю-с, – обратился он к жене садясь. —А ты вот что, Катя, —прибавил он к меньшей дочери, —ты когда-нибудь, в один прекрасный день, проснись и скажи себе: да ведь я совсем здорова и весела, и пойдем с папа опять рано утром по морозцу гулять. А?

Казалось, очень просто было то, что сказал отец, но Кити при этих словах смешалась и растерялась, как уличенный преступник. «Да, он всё знает, всё понимает и этими словами говорит мне, что хотя и стыдно, а надо пережить свой стыд». Она не могла собраться с духом ответить что-нибудь. Начала было и вдруг расплакалась и выбежала из комнаты.

— Вот твои шутки! — напустилась княгиня на мужа. — Ты всегда... начала она свою укоризненную речь.

Князь слушал довольно долго упреки княгини и молчал, но лицо его всё более и более хмурилось.

— Она так жалка, бедняжка, так жалка, а ты не чувствуешь, что ей больно от всякого намека на то, что причиной. Ах! так ошибаться в людях! — сказала княгиня, и по перемене ее тона Долли и князь поняли, что она говорила о Вронском. — Я не понимаю, как нет законов против таких гадких, неблагородных людей.

— Ах, не слушал бы! — мрачно проговорил князь, вставая с кресла и как бы желая уйти, но останавливаясь в дверях. — Законы есть, матушка, и если ты уж вызвала меня на это, то я тебе скажу, кто виноват во всем: ты и ты, одна ты. Законы против таких молодчиков всегда были и есть! Да-с, если бы не было того, чего не должно было быть, я — старик, но я бы поставил его на барьер, этого франта. Да, а теперь и лечите, возите к себе этих шарлатанов.

Князь, казалось, имел сказать еще многое, но как только княгиня услышала его тон, она, как это всегда бывало в се-

рьзных вопросах, тотчас же смирилась и раскаялась.

– Alexandre, Alexandre, – шептала она подвигаясь, и расплакалась.

Как только она заплакала, князь тоже затих. Он подошел к ней.

– Ну, будет, будет! И тебе тяжело, я знаю. Что делать? Беды большой нет. Бог милостив... благодарствуй... —говорил он, уже сам не зная, что говорит, и отвечая на мокрый поцелуй княгини, который он почувствовал на своей руке, и вышел из комнаты.

Еще как только Кити в слезах вышла из комнаты, Долли с своею материнскою, семейною привычкою тотчас же увидела, что тут предстоит женское дело, и приготовилась сделать его. Она сняла шляпку и, нравственно засучив рукава, приготовилась действовать. Во время нападения матери на отца она пыталась удерживать мать, насколько позволяла дочерняя почтительность. Во время взрыва князя она молчала; она чувствовала стыд за мать и нежность к отцу за его сейчас же вернувшуюся доброту; но когда отец ушел, она собралась сделать главное, что было нужно, – идти к Кити и успокоить ее.

– Я вам давно хотела сказать, тамап: вы знаете ли, что Левин хотел сделать предложение Кити, когда он был здесь в последний: раз? Он говорил Стиве.

– Ну что ж? Я не понимаю....

– Так, может быть, Кити отказала ему?.. Она вам не гово-

рила?

— Нет, она ничего не говорила ни про того ни про другого; она слишком горда. Но я знаю, что всё от этого...

— Да, вы представьте себе, если она отказала Левину, — а она бы не отказала ему, если б не было того, я знаю... И потом этот так ужасно обманул ее.

Княгине слишком страшно было думать, как много она виновата пред дочерью, и она рассердилась.

— Ах, я уж ничего не понимаю! Нынче всё хотят своим умом жить, матери ничего не говорят, а потом вот и...

— Мaman, я пойду к ней.

— Поди. Разве я тебе запрещаю? — сказала мать.

III.

Войдя в маленький кабинет Кити, хорошенькую, розовенькую, с куколками *vièux saхе*,¹⁷ комнатку, такую же молоденькую, розовенькую и веселую, какою была сама Кити еще два месяца тому назад, Долли вспомнила, как убирали они вместе прошлого года эту комнатку, с каким весельем и любовью. У ней похолодело сердце, когда она увидала Кити, сидевшую на низеньком ближайшем от двери стуле и устремившую неподвижные глаза на угол ковра. Кити взглянула на сестру, и холодное, несколько суровое выражение ее лица не изменилось.

---

¹⁷ [старого саксонского фарфора.]

– Я теперь уеду и засяду дома, и тебе нельзя будет ко мне, – сказала Дарья Александровна, садясь подле нее. – Мне хочется поговорить с тобой.

– О чем? — испуганно подняв голову, быстро спросила Кити.

– О чем, как не о твоём горе?

– У меня нет горя.

– Полно, Кити. Неужели ты думаешь, что я могу не знать? Я всё знаю. И поверь мне, это так ничтожно... Мы все прошли через это.

Кити молчала, и лицо ее имело строгое выражение.

– Он не стоит того, чтобы ты страдала из-за него, — продолжала Дарья Александровна, прямо приступая к делу.

– Да, потому что он мною пренебрег, — дребезжащим голосом проговорила Кити. – Не говори! Пожалуйста, не говори!

– Да кто же тебе это сказал? Никто этого не говорил. Я уверена, что он был влюблен в тебя и остался влюблен, но...

– Ах, ужаснее всего мне эти соболезнаванья! — вскрикнула Кити, вдруг рассердившись. Она повернулась на стуле, покраснела и быстро зашевелила пальцами, сжимая то тою, то другою рукой пряжку пояса, которую она держала. Долли знала эту манеру сестры перехватывать руками, когда она приходила в горячность; она знала, как Кити способна была в минуту горячности забыть и наговорить много лишнего и неприятного, и Долли хотела успокоить ее; но было уже

поздно.

— Что, что ты хочешь мне дать почувствовать, что? — говорила Кити быстро. — То, что я была влюблена в человека, который меня знать не хотел, и что я умираю от любви к нему? И это мне говорит сестра, которая думает, что... что... что она соболезнует!.. Не хочу я этих сожалений и притворств!

— Кити, ты несправедлива.

— Зачем ты мучаешь меня?

— Да я, напротив... Я вижу, что огорчена...

Но Кити в своей горячке не слышала ее.

— Мне не о чем сокрушаться и утешаться. Я настолько горда, что никогда не позволю себе любить человека, который меня не любит.

— Да я и не говорю... Одно — скажи мне правду, — проговорила, взяв ее за руку, Дарья Александровна, — скажи мне, Левин говорил тебе?..

Упоминание о Левине, казалось, лишило Кити последнего самообладания; она вскочила со стула и, бросив пряжку о землю и делая быстрые жесты руками, заговорила.

— К чему тут еще Левин? Не понимаю, зачем тебе нужно мучать меня? Я сказала и повторяю, что я горда и никогда, никогда я не сделаю того, что ты делаешь, — чтобы вернуться к человеку, который тебе изменил, который полюбил другую женщину. Я не понимаю, не понимаю этого! Ты можешь, а я не могу!

И, сказав эти слова, она взглянула на сестру и, увидев, что

Долли молчит, грустно опустив голову, Кити, вместо того чтобы выйти из комнаты, как намеревалась, села у двери и, закрыв лицо платком, опустила голову. Молчание продолжалось минуты две. Долли думала о себе. То свое унижение, которое она всегда чувствовала, особенно больно отозвалось в ней, когда о нем напомнила ей сестра. Она не ожидала такой жестокости от сестры и сердилась на нее. Но вдруг она услышала шум платья и вместе звук разразившегося сдержанного рыдания, и чьи-то руки снизу обняли ее шею. Кити на коленях стояла перед ней.

– Долинька, я так, так несчастна! – виновато прошептала она.

И покрытое слезами милое лицо спряталось в юбку платья Дарьи Александровны.

Как будто слезы были та необходимая мазь, без которой не могла идти успешно машина взаимного общения между двумя сестрами, – сестры после слез разговорились не о том, что занимало их; но, и говоря о постороннем, они поняли друг друга. Кити поняла, что сказанное ею в сердцах слово о неверности мужа и об унижении до глубины сердца поразило бедную сестру, но что она прощала ей. Долли, с своей стороны, поняла всё, что она хотела знать; она убедилась, что догадки ее были верны, что горе, неизлечимое горе Кити состояло именно в том, что Левин делал предложение и что она отказала ему, а Вронский обманул ее, и что она готова была любить Левина и ненавидеть Вронского. Кити ни слова

не сказала об этом; она говорила только о своем душевном состоянии.

— У меня нет никакого горя, — говорила она успокоившись, — но ты можешь ли понять, что мне всё стало гадко, противно, грубо, и прежде всего я сама. Ты не можешь себе представить, какие у меня гадкие мысли обо всем.

— Да какие же могут быть у тебя гадкие мысли? — спросила Долли улыбаясь.

— Самые, самые гадкие и грубые; не могу тебе сказать. Это не тоска, не скука, а гораздо хуже. Как будто всё, что было хорошего во мне, всё спряталось, а осталось одно самое гадкое. Ну, как тебе сказать? — продолжала она, видя недоумение в глазах сестры. — Папа сейчас мне начал говорить... мне кажется, он думает только, что мне нужно выйти замуж. Мама везет меня на бал: мне кажется, что она только затем везет меня, чтобы поскорее выдать замуж и избавиться от меня. Я знаю, что это неправда, но не могу отогнать этих мыслей. Женихов так называемых я видеть не могу. Мне кажется, что они с меня мерку снимают. Прежде ехать куда-нибудь в бальном платье для меня было простое удовольствие, я собой любовалась; теперь мне стыдно, неловко. Ну, что хочешь! Доктор... Ну...

Кити замаялась; она хотела далее сказать, что с тех пор, как с ней сделалась эта перемена, Степан Аркадьич ей стал невыносимо неприятен и что она не может видеть его без представлений самых грубых и безобразных.

— Ну да, всё мне представляется в самом грубом, гадком виде, — продолжала она. — Это моя болезнь. Может быть, это пройдет...

— А ты не думай...

— Не могу. Только с детьми мне хорошо, только у тебя.

— Жаль, что нельзя тебе бывать у меня.

— Нет, я приеду. У меня была scarlatina, и я упрошу маман.

Кити настояла на своем и переехала к сестре и всю scarlatinu, которая действительно пришла, ухаживала за детьми. Обе сестры благополучно выходили всех шестерых детей, но здоровье Кити не поправилось, и великим постом Щербацкие уехали за границу.

IV.

Петербургский высший круг собственно один; все знают друг друга, даже ездят друг к другу. Но в этом большом круге есть свои подразделения. Анна Аркадьевна Каренина имела друзей и тесные связи в трех различных кругах. Один круг был служебный, официальный круг ее мужа, состоявший из его сослуживцев и подчиненных, самым разнообразным и прихотливым образом связанных и разъединенных в общественных условиях. Анна теперь с трудом могла вспомнить то чувство почти набожного уважения, которое она в первое время имела к этим лицам. Теперь она знала всех их, как

знают друг друга в уездном городе; знала, у кого какие привычки и слабости, у кого какой сапог жмет ногу; знала их отношения друг к другу и к главному центру, знала, кто за кого и как и чем держится, и кто с кем и в чем сходятся и расходятся; но этот круг правительственных, мужских интересов никогда, несмотря на внушения графини Лидии Ивановны, не мог интересовать ее, и она избегала его.

Другой близкий Anne кружок – это был тот, через который Алексей Александрович сделал свою карьеру. Центром этого кружка была графиня Лидия Ивановна. Это был кружок старых, некрасивых, добродетельных и набожных женщин и умных, ученых, честолюбивых мужчин. Один из умных людей, принадлежащих к этому кружку, называл его «совестью Петербургского общества». Алексей Александрович очень дорожил этим кружком, и Анна, так умевшая сживаться со всеми, нашла себе в первое время своей петербургской жизни друзей и в этом круге. Теперь же, по возвращении из Москвы, кружок этот ей стал невыносим. Ей показалось, что и она и все они притворяются, и ей стало так скучно и неловко в этом обществе, что она сколько возможно менее ездила к графине Лидии Ивановне.

Третий круг наконец, где она имела связи, был собственно свет, – свет балов, обедов, блестящих туалетов, свет, державшийся одною рукой за двор, чтобы не спуститься до полусвета, который члены этого круга думали, что презирали, но с которым вкусы у него были не только сходные, но одни и

те же. Связь ее с этим кругом держалась чрез княгиню Бетси Тверскую, жену ее двоюродного брата, у которой было сто двадцать тысяч дохода и которая с самого появления Анны в свет особенно полюбила ее, ухаживала за ней и втягивала в свой круг, смеясь над кругом графини Лидии Ивановны.

— Когда стара буду и дурна, я сделаюсь такая же, — говорила Бетси, — но для вас, для молодой, хорошенькой женщины еще рано в эту богадельню.

Анна первое время избегала, сколько могла, этого света княгини Тверской, так как он требовал расходов выше ее средств, да и по душе она предпочитала первый; но после поездки в Москву сделалось наоборот. Она избегала нравственных друзей своих и ездила в большой свет. Там она встречала Вронского и испытывала волнующую радость при этих встречах. Особенно часто встречала она Вронского у Бетси, которая была урожденная Вронская и ему двоюродная. Вронский был везде, где только мог встречать Анну, и говорил ей, когда мог, о своей любви. Она ему не подавала никакого повода, но каждый раз, когда она встречалась с ним, в душе ее загоралось то самое чувство оживления, которое нашло на нее в тот день в вагоне, когда она в первый раз увидела его. Она сама чувствовала, что при виде его радость светилась в ее глазах и морщила ее губы в улыбку, и она не могла затушить выражение этой радости.

Первое время Анна искренно верила, что она недовольна им за то, что он позволяет себе преследовать ее; но скоро

по возвращении своем из Москвы, приехав на вечер, где она думала встретить его, а его не было, она по овладевшей ею грусти ясно поняла, что она обманывала себя, что это преследование не только не неприятно ей, но что оно составляет весь интерес ее жизни.

Знаменитая певица пела второй раз, и весь большой свет был в театре. Увидав из своего кресла в первом ряду кузину, Вронский, не дождавшись антракта, вошел к ней в ложу.

– Что ж вы не приехали обедать? — сказала она ему. — Удивляюсь этому ясновиденью влюбленных, — прибавила она с улыбкой, так, чтоб он один слышал: — *она не была*. Но приезжайте после оперы.

Вронский вопросительно взглянул на нее. Она нагнула голову. Он улыбкой поблагодарил ее и сел подле нее.

– А как я вспоминаю ваши насмешки! — продолжала княгиня Бетси, находившая особенное удовольствие в следовании за успехом этой страсти. — Куда это все делось! Вы пойманы, мой милый.

– Я только того и желаю, чтобы быть пойманным, — отвечал Вронский с своею спокойною добродушною улыбкой. — Если я жалуюсь, то на то только, что слишком мало пойман, если говорить правду. Я начинаю терять надежду.

– Какую ж вы можете иметь надежду? — сказала Бетси, оскорбившись за своего друга — *entendons nous...*¹⁸—Но в глазах ее бегали огоньки, говорившие, что она очень хоро-

---

¹⁸ [поймем друг друга...]

шо, и точно так же как и он, понимает, какую он мог иметь, надежду.

– Никакой, – смеясь и выставляя свои сплошные зубы, сказал Вронский. – Виноват, – прибавил он, взяв из ее руки бинокль и принявшись оглядывать чрез ее обнаженное плечо противоположный ряд лож. – Я боюсь, что становлюсь смешон.

Он знал очень хорошо, что в глазах Бетси и всех светских людей он не рисковал быть сметным. Он знал очень хорошо, что в глазах этих лиц роль несчастного любовника девушки и вообще свободной женщины может быть смешна; но роль человека, приставшего к замужней женщине и во что бы то ни стало положившего свою жизнь на то, чтобы вовлечь ее в прелюбодеянье, что роль эта имеет что-то красивое, величественное и никогда не может быть смешна, и поэтому он с гордою и веселою, игравшею под его усами улыбкой, опустил бинокль и посмотрел на кузину.

– А отчего вы не приехали обедать? – сказала она, любуясь им.

– Это надо рассказать вам. Я был занят, и чем? Даю вам это из ста, из тысячи... не угадаете. Я мирил мужа с оскорбителем его жены. Да, право!

– Что ж, и помирили?

– Почти.

– Надо, чтобы вы мне это рассказали, – сказала она вставая. – Приходите в тот антракт.

– Нельзя; я еду во Французский театр.

– От Нильсон? – с ужасом спросила Бетси, которая ни за что бы не распознала Нильсон от всякой хористки.

– Что ж делать? Мне там свиданье, всё по этому делу моего миротворства.

– Блаженны миротворцы, они спасутся, — сказала Бетси, вспоминая что-то подобное, слышанное ею от кого-то. — Ну, так садитесь, расскажите, что такое?

И она опять села.

V.

– Это немножко нескромно, но так мило, что ужасно хочется рассказать, — сказал Вронский, глядя на нее смеющимися глазами. — Я не буду называть фамилий.

– Но я буду угадывать, тем лучше.

– Слушайте же: едут два веселые молодые человека...

– Разумеется, офицеры вашего полка?

– Я не говорю офицеры, просто два позавтракавшие молодые человека...

– Переводите: выпившие.

– Может быть. Едут на обед к товарищу, в самом веселом расположении духа. И видят, хорошенькая женщина обгоняет их на извозчике, оглядывается и, им по крайней мере кажется, кивает им и смеется. Они, разумеется, за ней. Скачут во весь дух. К удивлению их, красавица останавливается у

подъезда того самого дома, куда они едут. Красавица взбегает на верхний этаж. Они видят только румяные губки из-под короткого вуаля и прекрасные маленькие ножки.

— Вы с таким чувством это рассказываете, что, мне кажется, вы сами один из этих двух.

— А сейчас вы мне что говорили? Ну, молодые люди входят к товарищу, у него обед прощальный. Тут точно они выпивают, может быть, лишнее, как всегда на прощальных обедах. И за обедом расспрашивают, кто живет наверху в этом доме. Никто не знает, и только лакей хозяина на их вопрос: живут ли наверху *мамзели*, отвечает, что их тут очень много. После обеда молодые люди отправляются в кабинет к хозяину и пишут письмо к неизвестной. Написали страстное письмо, признание, и сами несут письмо наверх, чтобы разъяснить то, что в письме оказалось бы не совсем понятным.

— Зачем вы мне такие гадости рассказываете? Ну?

— Звонят. Выходит девушка, они дают письмо и уверяют девушку, что оба так влюблены, что сейчас умрут тут у двери. Девушка в недоумении ведет переговоры. Вдруг является господин с бакенбардами колбасиками, красный, как рак, объявляет, что в доме никого не живет, кроме его жены, и выгоняет обоих.

— Почему же вы знаете, что у него бакенбарды, как вы говорите, колбасиками?

— А вот слушайте. Нынче я ездил мирить их.

— Ну, и что же?

– Тут-то самое интересное. Оказывается, что это счастливая чета титулярного советника и титулярной советницы. Титулярный советник подает жалобу, и я делаюсь примирителем, и каким!... Уверяю вас, Талейран ничто в сравнении со мной.

– В чем же трудность?

– Да вот послушайте... Мы извинились как следует: «мы в отчаянии, мы просим простить за несчастное недоразумение». Титулярный советник с колбасиками начинает таять, но желает тоже выразить свои чувства и как только он начинает выражать их, так начинает горячиться и говорить грубости, и опять я должен пускать в ход все свои дипломатические таланты. «Я согласен, что поступок их нехорош, но прошу вас принять во внимание недоразумение, молодость; потом молодые люди только позавтракали. Вы понимаете. Они раскаиваются от всей души, просят простить их вину». Титулярный советник опять смягчается: «Я согласен, граф, и я готов простить, но понимаете, что моя жена, моя жена, честная женщина, подвергается преследованиям, грубостям и дерзостям каких-нибудь мальчишек, мерз...» А вы понимаете, мальчишка этот тут, и мне надо примирять их. Опять я пускаю в ход дипломатию, и опять, как только надо заключить всё дело, мой титулярный советник горячится, краснеет, колбасики поднимаются, и опять я разливаюсь в дипломатических тонкостях.

– Ах, это надо рассказать вам! – смеясь обратилась Бетси

к входившей в ее ложу даме. — Он так насмешил меня.

— Ну, *bonne chance*,¹⁹ — прибавила она, подавая Вронскому палец, свободный от держания веера, и движением плеч опуская поднявшийся лиф платья, с тем чтобы, как следует, быть вполне голою, когда выйдет вперед, к рампе, на свет газа и на все глаза.

Вронский поехал во Французский театр, где ему действительно нужно было видеть полкового командира, не пропустившего ни одного представления во Французском театре, с тем чтобы переговорить с ним о своем миротворстве, которое занимало и забавляло его уже третий день. В деле этом был замешан Петрицкий, которого он любил, и другой, недавно поступивший, славный малый, отличный товарищ, молодой князь Кедров. А главное, тут были замешаны интересы полка.

Оба были в эскадроне Вронского. К полковому командиру приезжал чиновник, титулярный советник Венден, с жалобой на его офицеров, которые оскорбили его жену. Молодая жена его, как рассказывал Венден, — он был женат полгода, — была в церкви с матушкой и, вдруг почувствовав нездоровье, происходящее от известного положения, не могла больше стоять и поехала домой на первом попавшемся ей лихаче-извозчике. Тут за ней погнались офицеры, она испугалась и, еще более разболевшись, взбежала по лестнице домой. Сам Венден, вернувшись из присутствия, услышал зво-

---

¹⁹ [желаю вам удачи,]

нок и какие-то голоса, вышел и, увидав пьяных офицеров с письмом, вытолкал их. Он просил строгого наказания.

— Нет, как хотите, — сказал полковой командир Вронскому, пригласив его к себе, — Петрицкий становится невозможным. Не проходит недели без истории. Этот чиновник не оставит дела, он пойдёт дальше.

Вронский видел всю неблагоприятность этого дела и что тут дуэли быть не может, что надо всё сделать, чтобы смягчить этого титулярного советника и замять дело. Полковой командир призвал Вронского именно потому, что знал его за благородного и умного человека и, главное, за человека, дорожащего честью полка. Они потолковали и решили, что надо ехать Петрицкому и Кедрову с Вронским к этому титулярному советнику извиняться. Полковой командир и Вронский оба понимали, что имя Вронского и флигель-адъютантский вензель должны много содействовать смягчению титулярного советника. И действительно, эти два средства оказались отчасти действительны; но результат примирения остался сомнительным, как и рассказывал Вронский.

Приехав во Французский театр, Вронский удалился с полковым командиром в фойе и рассказал ему свой успех или неуспех. Обдумав всё, полковой командир решил оставить дело без последствий, но потом ради удовольствия стал спрашивать Вронского о подробностях его свиданья и долго не мог удержаться от смеха, слушая рассказ Вронского о том, как затихавший титулярный советник вдруг опять разгорал-

ся, вспоминая подробности дела, и как Вронский, лавируя при последнем полуслове примирения, ретировался, толкая вперед себя Петрицкого.

— Скверная история, но уморительная. Не может же Кедров драться с этим господином! Так ужасно горячился? — смеясь переспросил он. — А какова нынче Клер? Чудо! — сказал он про новую французскую актрису. — Сколько ни смотри, каждый день новая. Только одни французы могут это.

VI.

Княгиня Бетси, не дождавшись конца последнего акта, уехала из театра. Только что успела она войти в свою уборную, обсыпать свое длинное бледное лицо пудрой, стереть ее, оправиться и приказать чай в большой гостиной, как уж одна за другою стали подъезжать кареты к ее огромному дому на Большой Морской. Гости выходили на широкий подъезд, и тучный швейцар, читающий по утрам, для назидания прохожих, за стеклянную дверь газеты, беззвучно отворял эту огромную дверь, пропуская мимо себя приезжавших.

Почти в одно и то же время вошли: хозяйка с освеженною прической и освеженным лицом из одной двери и гости из другой в большую гостиную с темными стенами, пушистыми коврами и ярко освещенным столом, блестящим под огнями в свеч белизною скатерти, серебром самовара и прозрачным фарфором чайного прибора.

Хозяйка села за самовар и сняла перчатки. Передвигая стулья с помощью незаметных лакеев, общество разместилось, разделившись на две части, – у самовара с хозяйкой и на противоположном конце гостиной – около красивой жены посланника в черном бархате и с черными резкими бровями. Разговор в обоих центрах, как и всегда в первые минуты, колебался, перебиваемый встречами, приветствиями, предложением чая, как бы отыскивая, на чем остановиться.

– Она необыкновенно хороша как актриса; видно, что она изучила Каульбаха, – говорил дипломат в кружке жены посланника, – вы заметили, как она упала...

– Ах, пожалуйста, не будем говорить про Нильсон! Про нее нельзя ничего сказать нового, – сказала толстая, красная, без бровей и без шиньона, белокурая дама в старом шелковом платье. Это была княгиня Мягкая, известная своею простотой, грубостью обращения и прозванная *enfant terrible*.²⁰ Княгиня Мягкая сидела посередине между обоими кружками и, прислушиваясь, принимала участие то в том, то в другом. – Мне нынче три человека сказали эту самую фразу про Каульбаха, точно сговорились. И фраза, не знаю чем, так понравилась им.

Разговор был прерван этим замечанием, и надо было придумывать опять новую тему.

– Расскажите нам что-нибудь забавное, но не злое, – сказала жена посланника, великая мастерица изящного разгово-

---

²⁰ [сорванцом.]

вора, называемого по-английски small-talk обращаясь к дипломату, тоже не знавшему, что теперь начать.

– Говорят, что это очень трудно, что только злое смешно, – начал он с улыбкою. – Но я попробую. Дайте тему. Всё дело в теме. Если тема дана, то вышивать по ней уже легко. Я часто думаю, что знаменитые говоруны прошлого века были бы теперь в затруднении говорить умно. Всё умное так надоело...

– Давно уж сказано, – смеясь перебила его жена посланника.

Разговор начался мило, но именно потому, что он был слишком уж мил, он опять остановился. Надо было прибегнуть к верному, никогда не изменяющему средству – злословию.

– Вы не находите, что в Тушкевиче есть что-то Louis XV? – сказал он, указывая глазами на красивого белокурого молодого человека, стоявшего у стола.

– О, да! Он в одном вкусе с гостиной, от этого он так часто и бывает здесь.

Этот разговор поддержался, так как говорилось намеками именно о том, чего нельзя было говорить в этой гостиной, то есть об отношениях Тушкевича к хозяйке.

Около самовара и хозяйки разговор между тем, точно так же поколебавшись несколько времени между тремя неизбежными темами: последнею общественною новостью, театром и осуждением ближнего, тоже установился, попав на последнюю тему, то есть на злословие.

– Вы слышали, и Мальтищева, — не дочь, а мать, — шьет себе костюм *diable rose*.²¹

– Не может быть! Нет, это прелестно!

– Я удивляюсь, как с ее умом, — она ведь не глупа, — не видеть, как она смешна.

Каждый имел что сказать в осуждение и осмеяние несчастной Мальтищевой, и разговор весело затрещал, как разгоревшийся костер.

Муж княгини Бетси, добродушный толстяк, страстный собиратель гравюр, узнав, что у жены гости, зашел пред клубом в гостиную. Неслышно, по мягкому ковру, он подошел к княгине Мягкой.

– Как вам понравилась Нильсон? — сказал он.

– Ах, можно ли так подкрадываться? Как вы меня испугали, — отвечала она. — Не говорите, пожалуйста, со мной про оперу, вы ничего не понимаете в музыке. Лучше я спущусь до вас и буду говорить с вами про ваши майолики и гравюры. Ну, какое там сокровище купили вы недавно на толкучке?

– Хотите, я вам покажу? Но вы не знаете толку.

– Покажите. Я выучилась у этих, как их зовут... банкиры... у них прекрасные есть гравюры. Они нам показывали.

– Как, вы были у Шюцбург? — спросила хозяйка от самовара.

– Были, *ma chère*. Они нас звали с мужем обедать, и мне сказывали, что соус на этом обеде стоил тысячу рублей, —

---

²¹ [розового чорта.]

громко говорила княгиня Мягкая, чувствуя, что все ее слушают, – и очень гадкий соус, что-то зеленое. Надо было их позвать, и я сделала соус на восемьдесят пять копеек, и все были очень довольны. Я не могу делать тысячерублевых соусов.

– Она единственна! – сказала хозяйка.

– Удивительна! – сказал кто-то.

Эффект, производимый речами княгини Мягкой, всегда был одинаков, и секрет производимого ею эффекта состоял в том, что она говорила хотя и не совсем кстати, как теперь, но простые вещи, имеющие смысл. В обществе, где она жила, такие слова производили действие самой остроумной шутки. Княгиня Мягкая не могла понять, отчего это так действовало, но знала, что это так действовало, и пользовалась этим.

Так как во время речи княгини Мягкой все ее слушали и разговор около жены посланника прекратился, хозяйка хотела связать всё общество воедино и обратилась к жене посланника.

– Решительно вы не хотите чаю? Вы бы перешли к нам.

– Нет, нам очень хорошо здесь, – с улыбкой отвечала жена посланника и продолжала начатый разговор.

Разговор был очень приятный. Осуждали Карениных, жену и мужа.

– Анна очень переменялась с своей московской поездки. В ней есть что-то странное, – говорила ее приятельница.

– Перемена главная та, что она привезла с собою тень

Алексея Вронского, – сказала жена посланника.

– Да что же? У Гримма есть басня: человек без тени, человек лишен тени. И это ему наказание за что-то. Я никогда не мог понять, в чем наказание. Но женщине должно быть неприятно без тени.

– Да, но женщины с тенью обыкновенно дурно кончают, – сказала приятельница Анны.

– Типун вам на язык, – сказала вдруг княгиня Мягкая, услышав эти слова. – Каренина прекрасная женщина. Мужа ее я не люблю, а ее очень люблю.

– Отчего же вы не любите мужа? Он такой замечательный человек, — сказала жена посланника. – Муж говорит, что таких государственных людей мало в Европе.

– И мне то же говорит муж, но я не верю, – сказала княгиня Мягкая. – Если бы мужа наши не говорили, мы бы видели то, что есть, а Алексей Александрович, по моему, просто глуп. Я шопотом говорю это... Не правда ли, как всё ясно делается? Прежде, когда мне велели находить его умным, я всё искала и находила, что я сама глупа, не видя его ума; а как только я сказала: *он глуп*, но шопотом, – всё так ясно стало, не правда ли?

– Как вы злы нынче!

– Нисколько. У меня нет другого выхода. Кто-нибудь из нас двух глуп. Ну, а вы знаете, про себя нельзя этого никогда сказать.

– Никто не доволен своим состоянием, и всякий доволен

своим умом, — сказал дипломат французский стих.

— Вот-вот именно, — поспешно обратилась к нему княгиня Мягкая. — Но дело в том, что Анну я вам не отдам. Она такая славная, милая. Что же ей делать, если все влюблены в нее и как тени ходят за ней?

— Да я и не думаю осуждать, — оправдывалась приятельница Анны.

— Если за нами никто не ходит как тень, то это не доказывает, что мы имеем право осуждать.

И, отделив как следовало приятельницу Анны, княгиня Мягкая встала и вместе с женой посланника присоединилась к столу, где шел общий разговор о Прусском короле.

— О чем вы там злословили? — спросила Бетси.

— О Карениных. Княгиня делала характеристику Алексея Александровича, — отвечала жена посланника, с улыбкой садясь к столу.

— Жалко, что мы не слышали, — сказала хозяйка, взглядывая на входную дверь. — А, вот и вы наконец! — обратилась она с улыбкой к входившему Вронскому.

Вронский был не только знаком со всеми, но видал каждый день всех, кого он тут встретил, и потому он вошел с теми спокойными приемами, с какими входят в комнату к людям, от которых только что вышли.

— Откуда я? — отвечал он на вопрос жены посланника. — Что же делать, надо признаться. Из Буфф. Кажется, в сотый раз, и всё с новым удовольствием. Прелесть! Я знаю, что это

стыдно; но в опере я сплю, а в Буффах до последней минуты досиживаю, и весело. Нынче...

Он назвал французскую актрису и хотел что-то рассказывать про нее; но жена посланника с шутливым ужасом перебила его.

– Пожалуйста, не рассказывайте про этот ужас.

– Ну, не буду, тем более, что все знают эти ужасы.

– И все бы поехали туда, еслиб это было так же принято, как опера, – подхватила княгиня Мягкая.

VII.

У входной двери слышались шаги, и княгиня Бетси, зная, что это Каренина, взглянула на Вронского. Он смотрел на дверь, и лицо его имело странное новое выражение. Он радостно, пристально и вместе робко смотрел на входившую и медленно приподнимался. В гостиную входила Анна. Как всегда держась чрезвычайно прямо, своим быстрым, твердым и легким шагом, отличавшим ее от походки других светских женщин, и не изменяя направления взгляда, она сделала те несколько шагов, которые отделяли ее от хозяйки, пожала ей руку, улыбнулась и с этою улыбкой оглянулась на Вронского. Вронский низко поклонился и подвинул ей стул.

Она отвечала только наклонением головы, покраснела и нахмурилась. Но тотчас же, быстро кивая знакомым и пожимая протягиваемые руки, она обратилась к хозяйке.

– Я была у графини Лидии и хотела раньше приехать, но засиделась. У ней был сэр Джон. Очень интересный.

– Ах, это миссионер этот?

– Да, он рассказывал про индейскую жизнь очень интересно.

Разговор, перебитый приездом, опять замотался, как огонь задуваемой лампы.

– Сэр Джон! Да, сэр Джон. Я его видела. Он хорошо говорит. Власьева совсем влюблена в него.

– А правда, что Власьева меньшая выходит за Топова?

– Да, говорят, что это совсем решено.

– Я удивляюсь родителям. Говорят, это брак по страсти.

– По страсти? Какие у вас антидилювиальные мысли! Кто нынче говорит про страсти? — сказала жена посланника.

– Что делать? Эта глупая старая мода всё еще не выводится, — сказал Вронский.

– Тем хуже для тех, кто держится этой моды. Я знаю счастливые браки только по рассудку.

– Да, но зато, как часто счастье браков по рассудку разлетается как пыль именно оттого, что появляется та самая страсть, которую не признавали, — сказал Вронский.

– Но браками по рассудку мы называем те, когда уже оба перебесились. Это как скарлатина, чрез это надо пройти.

– Тогда надо выучиться искусственно прививать любовь, как оспу.

– Я была в молодости влюблена в дьячка, — сказала кня-

гиня Мягкая. – Не знаю, помогло ли мне это.

– Нет, я думаю, без шуток, что для того чтоб узнать любовь, надо ошибиться и потом поправиться, – сказала княгиня Бетси.

– Даже после брака? – шутливо сказала жена посланника.

– Никогда не поздно раскаяться, – сказал дипломат английскую пословицу.

– Вот именно, —подхватила Бетси, – надо ошибиться и поправиться. Как вы об этом думаете? – обратилась она к Анне, которая с чуть заметною твердою улыбкой на губах молча слушала этот разговор.

– Я думаю, – сказала Анна, играя снятою перчаткой, — я думаю... если сколько голов, столько умов, то и сколько сердец, столько родов любви.

Вронский смотрел на Анну и с замиранием сердца ждал, что она скажет. Он вздохнул как бы после опасности, когда она выговорила эти слова.

Анна вдруг обратилась к нему:

– А я получила из Москвы письмо. Мне пишут, что Кити Щербацкая очень больна.

– Неужели? – нахмурившись сказал Вронский.

Анна строго посмотрела на него.

– Вас не интересует это?

– Напротив, очень. Что именно вам пишут, если можно узнать? – спросил он.

Анна встала и подошла к Бетси.

– Дайте мне чашку чая, – сказала она, останавливаясь за ее стулом.

Пока княгиня Бетси наливала ей чай, Вронский подошел к Анне.

– Что же вам пишут? – повторил он.

– Я часто думаю, что мужчины не понимают того, что неблагоприятно, а всегда говорят об этом, — сказала Анна, не отвечая ему. – Я давно хотела сказать вам, – прибавила она и, перейдя несколько шагов, села у углового стола с альбомами.

– Я не совсем понимаю значение ваших слов, – сказал он, подавая ей чашку.

Она взглянула на диван подле себя, и он тотчас же сел.

– Да, я хотела сказать вам, – сказала она, не глядя на него. – Вы дурно поступили, дурно, очень дурно.

– Разве я не знаю, что я дурно поступил? Но кто причиной, что я поступил так?

– Зачем вы говорите мне это? – сказала она, строго взглядывая на него.

– Вы знаете зачем, – отвечал он смело и радостно, встречая ее взгляд и не спуская глаз.

Не он, а она смутилась.

– Это доказывает только то, что у вас нет сердца, – сказала она. Но взгляд ее говорил, что она знает, что у него есть сердце, и от этого-то боится его.

– То, о чем вы сейчас говорили, была ошибка, а не любовь.

– Вы помните, что я запретила вам произносить это слово,

это гадкое слово, – вздрогнув сказала Анна; но тут же она почувствовала, что одним этим словом: *запретила* она показывала, что признавала за собой известные права на него и этим самым поощряла его говорить про любовь. – Я вам давно это хотела сказать, – продолжала она, решительно глядя ему в глаза и вся пылая жегшим ее лицо румянцем, – а нынче я нарочно приехала, зная, что я вас встречу. Я приехала сказать вам, что это должно кончиться. Я никогда ни перед кем не краснела, а вы заставляете меня чувствовать себя виновною в чем-то.

Он смотрел на нее и был поражен новою духовною красотой ее лица.

– Чего вы хотите от меня? – сказал он просто и серьезно.

– Я хочу, чтобы вы поехали в Москву и просили прощенья у Кити, – сказала она.

– Вы не хотите этого, – сказал он.

Он видел, что она говорит то, что принуждает себя сказать, но не то, чего хочет.

– Если вы любите меня, как вы говорите, – прошептала она, – то сделайте, чтоб я была спокойна.

Лицо его просияло.

– Разве вы не знаете, что вы для меня вся жизнь; но спокойствия я не знаю и не могу вам дать. Всего себя, любовь... да. Я не могу думать о вас и о себе отдельно. Вы и я для меня одно. И я не вижу впереди возможности спокойствия ни для себя, ни для вас. Я вижу возможность отчаяния, несчастья...

или я вижу возможность счастья, какого счастья!.. Разве оно не возможно? —прибавил он одними губами; но она слышала.

Она все силы ума своего напрягла на то, чтобы сказать то, что должно; но вместо того она остановила на нем свой взгляд, полный любви, и ничего не ответила.

«Вот оно!—с восторгом думал он. —Тогда, когда я уже отчаивался и когда, казалось, не будет конца, — вот оно! Она любит меня. Она признается в этом».

— Так сделайте это для меня, никогда не говорите мне этих слов, и будем добрыми друзьями, —сказала она словами; но совсем другое говорил ее взгляд.

— Друзьями мы не будем, вы это сами знаете. А будем ли мы счастливейшими или несчастнейшими из людей, — это в вашей власти.

Она хотела сказать что-то, но он перебил ее.

— Ведь я прошу одного, прошу права надеяться, мучаться, как теперь; но, если и этого нельзя, велите мне исчезнуть, и я исчезну. Вы не будете видеть меня, если мое присутствие тяжело вам.

— Я не хочу никуда прогонять вас.

— Только не изменяйте ничего. Оставьте всё как есть, — сказал он дрожащим голосом. — Вот ваш муж.

Действительно, в эту минуту Алексей Александрович свою спокойною, неуклюжею походкой входил в гостиную.

Оглянув жену и Вронского, он подошел к хозяйке и, усев-

шись за чашкой чая, стал говорить своим неторопливым, всегда слышным голосом, в своем обычном шуточном тоне, подтрунивая над кем-то.

– Ваш Рамбулье в полном составе, – сказал он, оглядывая всё общество, – грации и музы.

Но княгиня Бетси терпеть не могла этого тона его, sneering,²² как она называла это, и, как умная хозяйка, тотчас же навела его на серьезный разговор об общей воинской повинности. Алексей Александрович тотчас же увлекся разговором и стал защищать уже серьезно новый указ пред княгиней Бетси, которая нападала на него.

Вронский и Анна продолжали сидеть у маленького стола.

– Это становится неприлично, – шепнула одна дама, указывая глазами на Каренину, Вронского и ее мужа.

– Что я вам говорила? – отвечала приятельница Анны.

Но не одни эти дамы, почти все, бывшие в гостиной, даже княгиня Мягкая и сама Бетси, по несколько раз взглядывали на удалившихся от общего кружка, как будто это мешало им. Только один Алексей Александрович ни разу не взглянул в ту сторону и не был отвлечен от интереса начатого разговора.

Заметив производимое на всех неприятное впечатление, княгиня Бетси подсунула на свое место для слушания Алексея Александровича другое лицо и подошла к Анне.

– Я всегда удивляюсь ясности и точности выражений вашего мужа, – сказала она. – Самые трансцендентные поня-

---

²² [насмешливого,]

тия становятся мне доступны, когда он говорит.

— О, да! — сказала Анна, сияя улыбкой счастья и не понимая ни одного слова из того, что говорила ей Бетси. Она перешла к большому столу и приняла участие в общем разговоре.

Алексей Александрович, просидев полчаса, подошел к жене и предложил ей ехать вместе домой; но она, не глядя на него, отвечала, что останется ужинать. Алексей Александрович раскланялся и вышел.

Старый, толстый Татарин, кучер Карениной, в глянцовом кожане, с трудом удерживал прозябшего левого серого, взвившегося у подъезда. Лакей стоял, отворив дверцу. Швейцар стоял, держа наружную дверь. Анна Аркадьевна отцепляла маленькою быстрою рукой кружева рукава от крючка шубки и, нагнувши голову, слушала с восхищением, что говорил, провожая ее, Вронский.

— Вы ничего не сказали; положим, я ничего и не требую, — говорил он, — но вы знаете, что не дружба мне нужна, мне возможно одно счастье в жизни, это слово, которого вы так не любите... да, любовь...

— Любовь... — повторила она медленно, внутренним голосом, и вдруг, в то же время, как она отцепила кружево, прибавила: — Я оттого и не люблю этого слова, что оно для меня слишком много значит, больше гораздо, чем вы можете понять, — и она взглянула ему в лицо. — До свиданья!

Она подала ему руку и быстрым, упругим шагом прошла

мимо швейцара и скрылась в карете.

Ее взгляд, прикосновение руки прожгли его. Он поцеловал свою ладонь в том месте, где она тронула его, и поехал домой, счастливый сознанием того, что в нынешний вечер он приблизился к достижению своей цели более, чем в два последние месяца.

VIII.

Алексей Александрович ничего особенного и неприличного не нашел в том, что жена его сидела с Вронским у особого стола и о чем-то оживленно разговаривала; но он заметил, что другим в гостиной это показалось чем-то особенным и неприличным, и потому это показалось неприличным и ему. Он решил, что нужно сказать об этом жене.

Вернувшись домой, Алексей Александрович прошел к себе в кабинет, как он это делал обыкновенно, и сел в кресло, развернув на заложенном разрезным ножом месте книгу о папизме, и читал до часу, как обыкновенно делал; только изредка он потирал себе высокий лоб и встряхивал голову, как бы отгоняя что-то. В обычный час он встал и сделал свой ночной туалет. Анны Аркадьевны еще не было. С книгой под мышкой он пришел наверх; но в нынешний вечер, вместо обычных мыслей и соображений о служебных делах, мысли его были наполнены женою и чем-то неприятным, случившимся с нею. Он, противно своей привычке, не лег в по-

стель, а, заложив за спину сцепившиеся руки, принялся ходить взад и вперед по комнатам. Он не мог лечь, чувствуя, что ему прежде необходимо обдумать вновь возникшее обстоятельство.

Когда Алексей Александрович решил сам с собою, что нужно переговорить с женою, ему казалось это очень легко и просто; но теперь, когда он стал обдумывать это вновь возникшее обстоятельство, оно показалось ему очень сложным и затруднительным.

Алексей Александрович был не ревнив. Ревность, по его убеждению, оскорбляет жену, и к жене должно иметь доверие. Почему должно иметь доверие, то есть полную уверенность в том, что его молодая жена всегда будет его любить, он себя не спрашивал; но он не испытывал недоверия, потому имел доверие и говорил себе, что надо его иметь. Теперь же, хотя убеждение его о том, что ревность есть постыдное чувство и что нужно иметь доверие, и не было разрушено, он чувствовал, что стоит лицом к лицу пред чем-то нелогичным и бестолковым, и не знал, что надо делать. Алексей Александрович стоял лицом к лицу пред жизнью, пред возможностью любви в его жене к кому-нибудь кроме его, и это-то казалось ему очень бестолковым и непонятным, потому что это была сама жизнь. Всю жизнь свою Алексей Александрович прожил и проработал в сферах служебных, имеющих дело с отражениями жизни. И каждый раз, когда он сталкивался с самою жизнью, он отстранялся от нее. Теперь он испытывал

чувство, подобное тому, какое испытал бы человек, спокойно прошедший над пропастью по мосту и вдруг увидавший, что этот мост разобран и что там пучина. Пучина эта была – сама жизнь, мост – та искусственная жизнь, которую прожил Алексей Александрович. Ему в первый раз пришли вопросы о возможности для его жены полюбить кого-нибудь, и он ужаснулся пред этим.

Он не раздеваясь ходил своим ровным шагом взад и вперед по звучному паркету освещенной одною лампой столовой, по ковру темной гостиной, в которой свет отражался только на большом, недавно сделанном портрете его, висевшем над диваном, и чрез ее кабинет, где горели две свечи, освещая портреты ее родных и приятельниц и красивые, давно близко знакомые ему безделушки ее письменного стола. Чрез ее комнату он доходил до двери спальни и опять поворачивался.

На каждом протяжении своей прогулки, и большею частью на паркетe светлой столовой, он останавливался и говорил себе: «Да, это необходимо решить и прекратить, высказать свой взгляд на это и свое решение». И он поворачивался назад. «Но высказать что же? какое решение?» говорил он себе в гостиной и не находил ответа. «Да наконец, – спрашивал он себя пред поворотом в кабинет, – что же случилось? Ничего. Она долго говорила с ним. Ну что же? Мало ли женщина в свете с кем может говорить? И потом, ревновать – значит унижать и себя и ее», говорил он себе, вхо-

дя в ее кабинет; но рассуждение это, прежде имевшее такой вес для него, теперь ничего не весило и не значило. И он от двери спальни поворачивался опять к зале; но, как только он входил назад в темную гостиную, ему какой-то голос говорил, что это не так и что если другие заметили это, то значит, что есть что-нибудь. И он опять говорил себе в столовой: «да, это необходимо решить и прекратить и высказать свой взгляд...» И опять в гостиной пред поворотом он спрашивал себя: как решить? И потом спрашивал себя, что случилось? И отвечал: ничего, и вспоминал о том, что ревность есть чувство, унижающее жену, но опять в гостиной убеждался, что случилось что-то. Мысли его, как и тело, совершали полный круг, не нападая ни на что новое. Он заметил это, потер себе лоб и сел в ее кабинете.

Тут, глядя на ее стол с лежащим наверху малахитовым бюваром и начатою запиской, мысли его вдруг изменились. Он стал думать о ней, о том, что она думает и чувствует. Он впервые живо представил себе ее личную жизнь, ее мысли, ее желания, и мысль, что у нее может и должна быть своя особенная жизнь, показалась ему так страшна, что он поспешил отогнать ее. Это была та пучина, куда ему страшно было заглянуть. Переноситься мыслью и чувством в другое существо было душевное действие, чуждое Алексею Александровичу. Он считал это душевное действие вредным и опасным фантазерством.

«И ужаснее всего то, – думал он, – что теперь именно, ко-

гда подходит к концу мое дело (он думал о проекте, который он проводил теперь), когда мне нужно всё спокойствие и все силы души, теперь на меня сваливается эта бессмысленная тревога. Но что ж делать? Я не из таких людей, которые переносят беспокойство и тревоги и не имеют силы взглянуть им в лицо».

– Я должен обдумать, решить и отбросить, – проговорил он вслух.

«Вопросы о ее чувствах, о том, что делалось и может делаться в ее душе, это не мое дело, это дело ее совести и подлежит религии», сказал он себе, чувствуя облегчение при сознании, что найден тот пункт узаконений, которому подлежало возникшее обстоятельство.

«Итак, – сказал себе Алексей Александрович, – вопросы о ее чувствах и так далее – суть вопросы ее совести, до которой мне не может быть дела. Моя же обязанность ясно определяется. Как глава семьи, я лицо, обязанное руководить ею и потому отчасти лицо ответственное; я должен указать опасность, которую я вижу, предостеречь и даже употребить власть. Я должен ей высказать».

И в голове Алексея Александровича сложилось ясно всё, что он теперь скажет жене. Обдумывая, что он скажет, он пожалел о том, что для домашнего употребления, так незаметно, он должен употребить свое время и силы ума; но, несмотря на то, в голове его ясно и отчетливо, как доклад, составила форма и последовательность предстоящей речи. «Я дол-

жен сказать и высказать следующее: во-первых, объяснение значения общественного мнения и приличия; во-вторых, религиозное объяснение значения брака; в-третьих, если нужно, указание на могущее произойти несчастье для сына; в-четвертых, указание на ее собственное несчастье». И, заложив пальцы за пальцы, ладонями книзу, Алексей Александрович потянул, и пальцы затрещали в суставах.

Этот жест, дурная привычка – соединение рук и трещанье пальцев – всегда успокаивал его и приводил в аккуратность, которая теперь так нужна была ему. У подъезда послышался звук подъехавшей кареты. Алексей Александрович остановился посреди залы.

На лестницу всходили женские шаги. Алексей Александрович, готовый к своей речи, стоял, пожимая свои скрещенные пальцы и ожидая, не треснет ли еще где. Один сустав треснул.

Еще по звуку легких шагов на лестнице он почувствовал ее приближение, и, хотя он был доволен своею речью, ему стало страшно за предстоящее объяснение...

IX.

Анна шла, опустив голову и играя кистями башлыка. Лицо ее блестело ярким блеском; но блеск этот был не веселый, – он напоминал страшный блеск пожара среди темной ночи. Увидав мужа, Анна подняла голову и, как будто про-

сыпаясь, улыбнулась.

– Ты не в постели? Вот чудо! – сказала она, скинула башлык и не останавливаясь пошла дальше, в уборную. – Пора, Алексей Александрович, – проговорила она из-за двери.

– Анна, мне нужно поговорить с тобой.

– Со мной? – сказала она удивленно, вышла из двери и посмотрела на него. – Что же это такое? О чем это? – спросила она садясь. – Ну, давай переговорим, если так нужно. А лучше бы спать.

Анна говорила, что приходило ей на язык, и сама удивлялась, слушая себя, своей способности лжи. Как просты, естественны были ее слова и как похоже было, что ей просто хочется спать! Она чувствовала себя одетою в непроницаемую броню лжи. Она чувствовала, что какая-то невидимая сила помогала ей и поддерживала ее.

– Анна, я должен предостеречь тебя, – сказал он.

– Предостеречь? – сказала она. – В чем?

Она смотрела так просто, так весело, что кто не знал ее, как знал муж, не мог бы заметить ничего неестественного ни в звуках, ни в смысле ее слов. Но для него, знавшего ее, знавшего, что, когда он ложился пятью минутами позже, она замечала и спрашивала о причине, для него, знавшего, что всякие свои радости, веселье, горе, она тотчас сообщала ему, – для него теперь видеть, что она не хотела замечать его состояние, что не хотела ни слова сказать о себе, означало многое. Он видел, что глубина ее души, всегда прежде открытая пред

ним, была закрыта от него. Мало того, по тону ее он видел, что она и не смущалась этим, а прямо как бы говорила ему: да, закрыта, и это так должно быть и будет вперед. Теперь он испытывал чувство, подобное тому, какое испытал бы человек, возвратившийся домой и находящий дом свой запертым. «Но может быть, ключ еще найдется», думал Алексей Александрович.

– Я хочу предостеречь тебя в том, – сказал он тихим голосом, – что по неосмотрительности и легкомыслию ты можешь подать в свете повод говорить о тебе. Твой слишком оживленный разговор сегодня с графом Вронским (он твердо и с спокойною расстановкой выговорил это имя) обратил на себя внимание.

Он говорил и смотрел на ее смеющиеся, страшные теперь для него своею непроницаемостью глаза и, говоря, чувствовал всю бесполезность и праздность своих слов.

– Ты всегда так, – отвечала она, как будто совершенно не понимая его и изо всего того, что он сказал, умышленно понимая только последнее. – То тебе неприятно, что я скучна, то тебе неприятно, что я весела. Мне не скучно было. Это тебя оскорбляет?

Алексей Александрович вздрогнул и загнул руки, чтобы трещать ими.

– Ах, пожалуйста, не трещи, я так не люблю, – сказала она.

– Анна, ты ли это? – сказал Алексей Александрович, тихо сделав усилие над собою и удержав движение рук.

– Да что ж это такое? – сказала она с таким искренним и комическим удивлением. – Что тебе от меня надо?

Алексей Александрович помолчал и потер рукою лоб и глаза. Он увидел, что вместо того, что он хотел сделать, то есть предостеречь свою жену от ошибки в глазах света, он волновался невольно о том, что касалось ее совести, и боролся с воображаемою им какою-то стеной.

– Я вот что намерен сказать, – продолжал он холодно и спокойно, – и я прошу тебя выслушать меня. Я признаю, как ты знаешь, ревность чувством оскорбительным и унижительным и никогда не позволю себе руководиться этим чувством; но есть известные законы приличия, которые нельзя преступить безнаказанно. Нынче не я заметил, но, судя по впечатлению, какое было произведено на общество, все заметили, что ты вела и держала себя не совсем так, как можно было желать.

– Решительно ничего не понимаю, – сказала Анна, пожимая плечами. «Ему всё равно, подумала она. Но в обществе заметили, и это тревожит его». – Ты нездоров, Алексей Александрович, – прибавила она, встала и хотела уйти в дверь; но он двинулся вперед, как бы желая остановить ее.

Лицо его было некрасиво и мрачно, каким никогда не видала его Анна. Она остановилась и, отклонив голову назад, на бок, начала своею быстрою рукою выбирать шпильки.

– Ну-с, я слушаю, что будет, – проговорила она спокойно и насмешливо. – И даже с интересом слушаю, потому, что

желала бы понять, в чем дело.

Она говорила и удивлялась тому натурально-спокойному, верному тону, которым она говорила, и выбору слов, которые она употребляла.

– Входить во все подробности твоих чувств я не имею права и вообще считаю это бесполезным и даже вредным, – начал Алексей Александрович. – Копаясь в своей душе, мы часто выкапываем такое, что там лежало бы незаметно. Твои чувства – это дело твоей совести; но я обязан пред тобою, пред собой и пред Богом указать тебе твои обязанности. Жизнь наша связана, и связана не людьми, а Богом. Разорвать эту связь может только преступление, и преступление этого рода влечет за собой тяжелую кару.

– Ничего не понимаю. Ах, Боже мой, и как мне на беду спать хочется! – сказала она, быстро перебирая рукой волосы и отыскивая оставшиеся шпильки.

– Анна, ради Бога не говори так, – сказал он кротко. – Может быть, я ошибаюсь, но поверь, что то, что я говорю, я говорю столько же за себя, как и за тебя. Я муж твой и люблю тебя.

На мгновение лицо ее опустилось, и потухла насмешливая искра во взгляде; но слово «люблю» опять возмутило ее. Она подумала: «любит? Разве он может любить? Если б он не слышал, что бывает любовь, он никогда и не употреблял бы этого слова. Он и не знает, что такое любовь».

– Алексей Александрович, право, я не понимаю, – сказала

она. – Определи, что ты находишь...

– Позволь, дай договорить мне. Я люблю тебя. Но я говорю не о себе; главные лица тут – наш сын и ты сама. Очень может быть, повторяю, тебе покажутся совершенно напрасными и неуместными мои слова; может быть, они вызваны моим заблуждением. В таком случае я прошу тебя извинить меня. Но если ты сама чувствуешь, что есть хоть малейшие основания, то я тебя прошу подумать и, если сердце тебе говорит, высказать мне...

Алексей Александрович, сам не замечая того, говорил совершенно не то, что приготовил.

– Мне нечего говорить. Да и... – вдруг быстро сказала она, с трудом удерживая улыбку, – право пора спать.

Алексей Александрович вздохнул и, не сказав больше ничего, отправился в спальню.

Когда она вошла в спальню, он уже лежал. Губы его были строго сжаты, и глаза не смотрели на нее. Анна легла на свою постель и ждала каждую минуту, что он еще раз заговорит с нею. Она и боялась того, что он заговорит, и ей хотелось этого. Но он молчал. Она долго ждала неподвижно и уже забыла о нем. Она думала о другом, она видела его и чувствовала, как ее сердце при этой мысли наполнялось волнением и преступною радостью. Вдруг она услышала ровный и спокойный носовой свист. В первую минуту Алексей Александрович как будто испугался своего свиста и остановился; но, переждав два дыхания, свист раздался с новою, спокойною

ровностью.

— Поздно, поздно, уж поздно, — прошептала она с улыбкой. Она долго лежала неподвижно с открытыми глазами, блеск которых, ей казалось, она сама в темноте видела.

X.

С этого вечера началась новая жизнь для Алексея Александровича и для его жены. Ничего особенного не случилось. Анна, как всегда, ездила в свет, особенно часто бывала у княгини Бетси и встречалась везде с Вронским. Алексей Александрович видел это, но ничего не мог сделать. На все попытки его вызвать ее на объяснение она противопоставляла ему непроницаемую стену какого-то веселого недоумения. Снаружи было то же, но внутренние отношения их совершенно изменились. Алексей Александрович, столь сильный человек в государственной деятельности, тут чувствовал себя бессильным. Как бык, покорно опустив голову, он ждал обуха, который, он чувствовал, был над ним поднят. Каждый раз, как он начинал думать об этом, он чувствовал, что нужно попытаться еще раз, что добротой, нежностью, убеждением еще есть надежда спасти ее, заставить опомниться, и он каждый день собирался говорить с ней. Но каждый раз, как он начинал говорить с ней, он чувствовал, что тот дух зла и обмана, который владел ею, овладевал и им, и он говорил с ней совсем не то и не тем тоном, каким хотел

говорить. Он говорил с ней невольно своим привычным тоном подшучиванья над тем, кто бы так говорил. А в этом тоне нельзя было сказать того, что требовалось сказать ей.

.....

.....

XI.

То, что почти целый год для Вронского составляло исключительно одно желанье его жизни, заменившее ему все прежние желания; то, что для Анны было невозможною, ужасною и тем более обворожительною мечтою счастья, — это желанье было удовлетворено. Бледный, с дрожащею нижнею челюстью, он стоял над нею и умолял успокоиться, сам не зная, в чем и чем.

— Анна! Анна! — говорил он дрожащим голосом. — Анна, ради Бога!...

Но чем громче он говорил, тем ниже она опускала свою когда-то гордую, веселую, теперь же постыдную голову, и она вся сгибалась и падала с дивана, на котором сидела, на пол, к его ногам; она упала бы на ковер, если б он не держал ее.

— Боже мой! Прости меня! — всхлипывая говорила она, прижимая к своей груди его руки.

Она чувствовала себя столь преступною и виноватою, что ей оставалось только унижаться и просить прощения; а в жизни теперь, кроме его, у ней никого не было, так что она

и к нему обращала свою мольбу о прощении. Она, глядя на него, физически чувствовала свое унижение и ничего больше не могла говорить. Он же чувствовал то, что должен чувствовать убийца, когда видит тело, лишенное им жизни. Это тело, лишенное им жизни, была их любовь, первый период их любви. Было что-то ужасное и отвратительное в воспоминаниях о том, за что было заплачено этою страшною ценой стыда. Стыд пред духовною наготою своей давил ее и сообщался ему. Но, несмотря на весь ужас убийцы пред телом убитого, надо резать на куски, прятать это тело, надо пользоваться тем, что убийца приобрел убийством.

И с озлоблением, как будто со страстью, бросается убийца на это тело, и тащит, и режет его; так и он покрывал поцелуями ее лицо и плечи. Она держала его руку и не шевелилась. Да, эти поцелуи – то, что куплено этим стыдом. Да, и эта одна рука, которая будет всегда моею, – рука моего сообщника. Она подняла эту руку и поцеловала ее. Он опустился на колена и хотел видеть ее лицо; но она прятала его и ничего не говорила. Наконец, как бы сделав усилие над собой, она поднялась и оттолкнула его. Лицо ее было всё так же красиво, но тем более было оно жалко.

– Всё кончено, – сказала она. – У меня ничего нет, кроме тебя. Помни это.

– Я не могу не помнить того, что есть моя жизнь. За минуту этого счастья...

– Какое счастье! – с отвращением и ужасом сказала она,

и ужас невольно сообщился ему. — Ради Бога, ни слова, ни слова больше.

Она быстро встала и отстранилась от него.

— Ни слова больше, — повторила она, и с странным для него выражением холодного отчаяния на лице она рассталась с ним. Она чувствовала, что в эту минуту не могла выразить словами того чувства стыда, радости и ужаса пред этим вступлением в новую жизнь и не хотела говорить об этом, опошлять это чувство неточными словами. Но и после, и на другой и на третий день, она не только не нашла слов, которыми бы она могла выразить всю сложность этих чувств, но не находила и мыслей, которыми бы она сама с собой могла обдумать всё, что было в ее душе.

Она говорила себе: «Нет, теперь я не могу об этом думать; после, когда я буду спокойнее». Но это спокойствие для мыслей никогда не наступало; каждый раз, как являлась ей мысль о том, что она сделала, и что с ней будет, и что она должна сделать, на нее находил ужас, и она отгоняла от себя эти мысли.

— После, после, — говорила она, — когда я буду спокойнее.

Зато во сне, когда она не имела власти над своими мыслями, ее положение представлялось ей во всей безобразной наготе своей. Одно сновиденье почти каждую ночь посещало ее. Ей снилось, что оба вместе были ее мужья, что оба рсточали ей свои ласки. Алексей Александрович плакал, целуя ее руки, и говорил: как хорошо теперь! И Алексей Врон-

ский был тут же, и он был также ее муж. И она, удивляясь тому, что прежде ей казалось это невозможным, объясняла им, смеясь, что это гораздо проще и что они оба теперь довольны и счастливы. Но это сновидение, как кошмар, давило ее, и она просыпалась с ужасом.

XII.

Еще в первое время по возвращении из Москвы, когда Левин каждый раз вздрагивал и краснел, вспоминая позор отказа, он говорил себе: «так же краснел и вздрагивал я, считая всё погибшим, когда получил единицу за физику и остался на втором курсе; так же считал себя погибшим после того, как испортил порученное мне дело сестры. И что ж? — теперь, когда прошли года, я вспоминаю и удивляюсь, как это могло огорчать меня. То же будет и с этим горем. Пройдет время, и я буду к этому равнодушен».

Но прошло три месяца, и он не стал к этому равнодушен, и ему так же, как и в первые дни, было больно вспоминать об этом. Он не мог успокоиться, потому что он, так долго мечтавший о семейной жизни, так чувствовавший себя созревшим для нее, всё-таки не был женат и был дальше, чем когда-нибудь, от женитьбы. Он болезненно чувствовал сам, как чувствовали все его окружающие, что нехорошо в его года человеку одному быти. Он помнил, как он пред отъездом в Москву сказал раз своему скотнику Николаю, наив-

ному мужику, с которым он любил поговорить: «Что, Николай! хочу жениться», и как Николай поспешно отвечал, как о деле, в котором не может быть никакого сомнения: «И давно пора, Константин Дмитрич». Но женитьба теперь стала от него дальше, чем когда-либо. Место было занято, и, когда он теперь в воображении ставил на это место кого-нибудь из своих знакомых девушек, он чувствовал, что это было совершенно невозможно. Кроме того, воспоминание об отказе и о роли, которую он играл при этом, мучало его стыдом. Сколько он ни говорил себе, что он тут ни в чем не виноват, воспоминание это, наравне с другими такого же рода стыдными воспоминаниями, заставляло его вздрагивать и краснеть. Были в его прошедшем, как у всякого человека, сознанные им дурные поступки, за которые совесть должна была бы мучать его; но воспоминание о дурных поступках далеко не так мучало его, как эти ничтожные, но стыдные воспоминания. Эти раны никогда не затягивались. И наравне с этими воспоминаниями стояли теперь отказ и то жалкое положение, в котором он должен был представляться другим в этот вечер. Но время и работа делали свое. Тяжелые воспоминания более и более застилались для него невидными, но значительными событиями деревенской жизни. С каждою неделей он всё реже вспоминал о Кити. Он ждал с нетерпением известия, что она уже вышла или выходит на-днях замуж, надеясь, что такое известие, как выдергиванье зуба, совсем вылечит его.

Между тем пришла весна, прекрасная, дружная, без ожидания и обманов весны, одна из тех редких весен, которым вместе радуются растения, животные и люди. Эта прекрасная весна еще более возбудила Левина и утвердила его в намерении отречься от всего прежнего, с тем чтоб устроить твердо и независимо свою одинокую жизнь. Хотя многие из тех планов, с которыми он вернулся в деревню, и не были им исполнены, однако самое главное, чистота жизни, была соблюдена им. Он не испытывал того стыда, который обыкновенно мучал его после падения, и он мог смело смотреть в глаза людям. Еще в феврале он получил письмо от Марьи Николаевны о том, что здоровье брата Николая становится хуже, но что он не хочет лечиться, и вследствие этого письма Левин ездил в Москву к брату и успел уговорить его посоветоваться с доктором и ехать на воды за границу. Ему так хорошо удалось уговорить брата и дать ему займы денег на поездку, не раздражая его, что в этом отношении он был собой доволен. Кроме хозяйства, требовавшего особенного внимания весною, кроме чтения, Левин начал эту зимой еще сочинение о хозяйстве, план которого состоял в том, чтобы характер рабочего в хозяйстве был принимаем за абсолютное данное, как климат и почва, и чтобы, следовательно, все положения науки о хозяйстве выводились не из одних данных почвы и климата, но из данных почвы, климата и известного неизменного характера рабочего. Так что, несмотря на уединение или вследствие уединения, жизнь его была чрезвычай-

но наполнена, и только изредка он испытывал неудовлетворенное желание сообщения бродящих у него в голове мыслей кому-нибудь, кроме Агафьи Михайловны хотя и с нею ему случалось нередко рассуждать о физике, теории хозяйства и в особенности о философии; философия составляла любимый предмет Агафьи Михайловны.

Весна долго не открывалась. Последние недели поста стояла ясная, морозная погода. Днем таяло на солнце, а ночью доходило до семи градусов; наст был такой, что на возах ездили без дороги. Пасха была на снегу. Потом вдруг, на второй день Святой, понесло теплым ветром, надвинулись тучи, и три дня и три ночи лил бурный и теплый дождь. В четверг ветер затих, и надвинулся густой серый туман, как бы скрывая тайны совершавшихся в природе перемен. В тумане полились воды, затрещали и сдвинулись льдины, быстрее двинулись мутные, вспенившиеся потоки, и на самую Красную Горку, с вечера, разорвался туман, тучи разбежались барашками, прояснело, и открылась настоящая весна. На утро поднявшееся яркое солнце быстро съело тонкий ледок, подернувший воды, и весь теплый воздух задрожал от наполнивших его испарений отжившей земли. Зазеленела старая и вылезающая иглами молодая трава, надулись почки калины, смородины и липкой спиртовой березы, и на обсыпанной золотым цветом лозине загудела выставленная облетававшая пчела. Залились невидимые жаворонки над бархатом зеленей и обледеневшим жнивьем, заплакали чибисы над на-

лившимися бурю необработанными водой нивами и болотами, и высоко пролетели с весенним гоготаньем журавли и гуси. Заревела на выгонах облезшая, только местами еще перелинявшая скотина, заиграли кривоногие ягнята вокруг теляющих волну бляющих матерей, побежали быстроногие ребята по просыхающим с отпечатками босых ног тропинкам, затрещали на пруду веселые голоса баб с холстами, и застучали по дворам топоры мужиков, налаживающих сохи и бороны. Пришла настоящая весна.

ХІІІ.

Левин надел большие сапоги и в первый раз не шубу, а суконную поддевку, и пошел по хозяйству, шагая через ручьи, режущие глаза своим блеском на солнце, ступая то на ледок, то в липкую грязь.

Весна — время планов и предположений. И, выйдя на двор, Левин, как дерево весною, еще не знающее, куда и как разрастутся его молодые побеги и ветви, заключенные в налитых почках, сам не знал хорошенько, за какие предприятия в любимом его хозяйстве он примется теперь, но чувствовал, что он полон планов и предположений самых хороших. Прежде всего он прошел к скотине. Коровы были выпущены на варок и, сияя перелинявшею гладкою шерстью, пригревшись на солнце, мычали, просясь в поле. Полюбовавшись знакомыми ему до малейших подробностей коровами,

Левин велел выгнать их в поле, а на варок выпустить телят. Пастух весело побежал собираться в поле. Бабы-скотницы, подбирая поневы, босыми, еще белыми, не загоревшими ногами шлепая по грязи, с хворостинами бегали за мычавшими, ошалевшими от весенней радости телятами, загоняя их на двор.

Полюбовавшись на приплод нынешнего года, который был необыкновенно хорош, — ранние телята были с мужицкую корову, Павина дочь, трех месяцев, была ростом с годовых, — Левин велел вынести им наружу корыто и задать сено за решетки. Но оказалось, что на неупотребляемом зимой варке сделанные с осени решетки были поломаны. Он послал за плотником, который по наряду должен был работать молотилку. Но оказалось, что плотник чинил бороны, которые должны были быть починены еще с масляницы. Это было очень досадно Левину. Досадно было, что повторялось это вечное неряшество хозяйства, против которого он столько лет боролся всеми своими силами. Решетки, как он узнал, ненужные зимой, были перенесены в рабочую конюшню и там поломаны, так как они и были сделаны легко, для телят. Кроме того, из этого же оказывалось, что бороны и все земледельческие орудия, которые велено было осмотреть и починить еще зимой и для которых нарочно взяты были три плотника, были не починены, и бороны всё-таки чинили, когда надо было ехать скородить. Левин послал за приказчиком, но тотчас и сам пошел отыскивать его. Приказчик, сияя

так же, как и всё в этот день, в обшитом мерлушкой тулупчике шел с гумна, ломая в руках соломинку.

– Отчего плотник не на молотилке?

– Да я хотел вчера доложить: бороны починить надо. Ведь вот пахать.

– Да зимой-то что ж?

– Да вам на счет чего угодно плотника?

– Где решетки с телячьего двора?

– Приказал снести на места. Что прикажете с этим народом! – сказал приказчик, махая рукой.

– Не с этим народом, а с этим приказчиком! – сказал Левин, вспыхнув. – Ну для чего я вас держу! – закричал он. Но вспомнив, что этим не поможешь, остановился на половине речи и только вздохнул. – Ну что, сеять можно? – спросил он, помолчав.

– За Туркиным завтра или послезавтра можно будет.

– А клевер?

– Послал Василия с Мишкой, рассевают. Не знаю только, пролезут ли: топко.

– На сколько десятин?

– На шесть.

– Отчего же не на все? – вскрикнул Левин.

Что клевер сеяли только на шесть, а не на двадцать десятин, это было еще досаднее. Посев клевера, и по теории и по собственному его опыту, бывал только тогда хорош, когда сделан как можно раньше, почти по снегу. И никогда Левин

не мог добиться этого.

– Народу нет. Что прикажете с этим народом делать? Трое не приходили. Вот и Семен...

– Ну, вы бы отставили от соломы.

– Да я и то отставил.

– Где же народ?

– Пятеро компот делают – (это значило компост). Четверо овес пересыпают; как бы не тронулся, Константин Дмитрич.

Левин очень хорошо знал, что «как бы не тронулся» значило, что сеянной английский овес уже испортили, – опять не сделали того, что он приказывал.

– Да ведь я говорил еще постом, трубы!.. – вскрикнул он.

– Не беспокойтесь, всё сделаем во-время.

Левин сердито махнул рукой, пошел к амбарам взглянуть овес и вернулся к конюшне. Овес еще не испортился. Но рабочие пересыпали его лопатами, тогда как можно было спустить его прямо в нижний амбар, и, распорядившись этим и оторвав отсюда двух рабочих для посева клевера, Левин успокоился от досады на приказчика. Да и день был так хорош, что нельзя было сердиться.

– Игнат! – крикнул он кучеру, который с засученными рукавами у колодца обмывал коляску. – Оседлай мне...

– Кого прикажете?

– Ну, хоть Колпика.

– Слушаю-с.

Пока седлали лошадь, Левин опять подозвал вертевшего-

ся на виду приказчика, чтобы помириться с ним, и стал говорить ему о предстоящих весенних работах и хозяйственных планах.

Возку навоза начать раньше, чтобы до раннего покоса всё было кончено. А плугами пахать без отрыву дальнее поле, так чтобы продержат его черным паром. Покосы убрать все не исполу, а работниками.

Приказчик слушал внимательно и, видимо, делал усилия, чтоб одобрять предположения хозяина; но он всё-таки имел столь знакомый Левину и всегда раздражающий его безнадежный и унылый вид. Вид этот говорил: всё это хорошо, да как Бог даст. Ничто так не огорчало Левина, как этот тон. Но такой тон был общий у всех приказчиков, сколько их у него ни перебивало. У всех было то же отношение к его предположениям, и потому он теперь уже не сердился, но огорчился и чувствовал себя еще более возбужденным для борьбы с этою какою-то стихийною силой, которую он иначе не умел назвать, как «что Бог даст», и которая постоянно противопоставлялась ему.

– Как успеем, Константин Дмитрич, – сказал приказчик.

– Отчего же не успеете?

– Рабочих надо непременно нанять еще человек пятнадцать. Вот не приходят. Нынче были, по семидесяти рублей на лето просят.

Левин замолчал. Опять противопоставлялась эта сила. Он знал, что, сколько они ни пытались, они не могли нанять

больше сорока, тридцати семи, тридцати восьми рабочих за настоящую цену; сорок нанимались, а больше нет. Но всё-таки он не мог не бороться.

– Пошлите в Суры, в Чефировку, если не придут. Надо искать.

– Послать-пошлю, – уныло сказал Василий Федорович. – Да вот и лошади слабы стали.

– Прикупим. Да ведь я знаю, – прибавил он смеясь, – вы всё поменьше да похуже; но я нынешний год уж не дам вам по-своему делать. Всё буду сам.

– Да вы и то, кажется, мало спите. Нам веселей, как у хозяина на глазах...

– Так за Березовым Долom рассевают клевер? Поеду посмотрю, – сказал он, сядясь на маленького буланого Колпика, подведенного кучером.

– Через ручей не проедете, Константин Дмитрич, – крикнул кучер.

– Ну, так лесом.

И бойкою иноходью доброй, застоявшейся лошадки, похрапывающей над лужами и попрашивающей поводья, Левин поехал по грязи двора за ворота и в поле.

Если Левину весело было на скотном и житном дворах, то ему еще стало веселее в поле. Мерно покачиваясь на иноходи доброго конька, впивая теплый со свежестью запах снега и воздуха при проезде через лес по оставшемуся кое-где праховому, осовывавшемуся снегу с расплывшими следами, он

радовался на каждое свое дерево с оживавшим на коре его мохом и с напухшими почками. Когда он выехал за лес, перед ним на огромном пространстве раскинулись ровным бархатным ковром зелены, без одной плешины и вымочки, только кое-где в лощинах запятнанные остатками тающего снега. Его не рассердили ни вид крестьянской лошади и стригуна, топтавших его зелены (он велел согнать их встретившемуся мужику), ни насмешливый и глупый ответ мужика Ипата, которого он встретил и спросил: «Что, Ипат, скоро сеять?» — «Надо прежде вспахать, Константин Дмитрич», отвечал Ипат. Чем дальше он ехал, тем веселее ему становилось, и хозяйственные планы один лучше другого представлялись ему: обсадить все поля лозинами по полуденным линиям, так чтобы не залеживался снег под ними; перерезать на шесть полей навозных и три запасных с травосеянием, выстроить скотный двор на дальнем конце поля и вырыть пруд, а для удобрения устроить переносные загороды для скота. И тогда 300 десятин пшеницы, 100 картофеля и 150 клевера и ни одной истощенной десятины.

С такими мечтами, осторожно поворачивая лошадь межами, чтобы не топтать свои зелены, он подъехал к работникам, рассевавшим клевер. Телега с семенами стояла не на рубеже, а на пашне, и пшеничная озимь была изрыта колесами и ископана лошадьё. Оба работника сидели на меже, вероятно раскуривая общую трубку. Земля в телеге, с которою смешаны были семена, была не размята, а слежалась или смерз-

лась комьями. Увидав хозяина, Василий работник пошел к телеге, а Мишка принялся рассеивать. Это было нехорошо, но на рабочих Левин редко сердился. Когда Василий подошел, Левин велел ему отвезть лошадь на рубеж.

– Ничего, сударь, затынет, – отвечал Василий.

– Пожалуйста, не рассуждай, – сказал Левин, – а делай, что говорят.

– Слушаю-с, – ответил Василий и взялся за голову лошади. – А уж сев, Константин Дмитрич, – сказал он заискивая, – первый сорт. Только ходить страсть! По пудовику на лапте волочишь.

– А отчего у вас земля непросеянная? – сказал Левин.

– Да мы разминаем, – отвечал Василий, набирая семян и в ладонях растирая землю.

Василий не был виноват, что ему насыпали непросеянной земли, но всё-таки было досадно.

Уж не раз испытал с пользою известное ему средство заглушать свою досаду и всё, кажущееся дурным, сделать опять хорошим, Левин и теперь употребил это средство. Он посмотрел, как шагал Мишка, ворочая огромные комья земли, налипавшей на каждой ноге, слез с лошади, взял у Василия севалку и пошел рассеивать.

– Где ты остановился?

Василий указал на метку ногой, и Левин пошел, как умел, высевать землю с семенами. Ходить было трудно, как по болоту, и Левин, пройдя леху, запотел и, остановившись, отдал

севалку.

– Ну, барин, на лето чур меня не ругать за эту леху, – сказал Василий.

– А что? – весело сказал Левин, чувствуя уже действительность употребленного средства.

– Да вот посмотрите на лето. Отличится. Вы гляньте-ка, где я сеял прошлую весну. Как рассадил! Ведь я, Константин Дмитрич, кажется, вот как отцу родному стараюсь. Я и сам не люблю дурно делать и другим не велю. Хозяину хорошо, и нам хорошо. Как глянешь вон, – сказал Василий, указывая на поле, – сердце радуется.

– А хороша весна, Василий.

– Да уж такая весна, старики не запомнят. Я вот дома был, там у нас старик тоже пшеницы три осминника посеял. Так рассказывает, ото ржей не отличишь.

– А вы давно стали сеять пшеницу?

– Да вы ж научили позалетошный год; вы же мне две меры пожертвовали. Четверть продали, да три осминника посеяли.

– Ну, смотри же, растирай комья-то, – сказал Левин, подходя к лошади, – да за Мишкой смотри. А хороший будет всход, тебе по пятидесяти копеек за десятину.

– Благодарим покорно. Мы вами, кажется, и так много довольны.

Левин сел на лошадь и поехал на поле, где был прошлогодний клевер, и на то, которое плугом было приготовлено

под яровую пшеницу.

Всход клевера по жнивью был чудесный. Он уж весь отжил и твердо зеленел из-за посломанных прошлогодних стеблей пшеницы. Лошадь вязла по ступицу, и каждая нога ее чмокала, вырываясь из полуоттаявшей земли. По плужной пахоте и вовсе нельзя было проехать: только там и держало, где был ледок, а в оттаявших бороздах нога вязла выше ступицы. Пахота была превосходная; через два дня можно будет бороновать и сеять. Всё было прекрасно, всё было весело. Назад Левин поехал через ручей, надеясь, что вода сбыла. И действительно, он переехал и испугнул двух уток. «Должны быть и вальдшнепы», подумал он и как раз у поворота к дому встретил лесного караульщика, который подтвердил его предположение о вальдшнепах.

Левин поехал рысью домой, чтоб успеть пообедать и приготовить ружье к вечеру.

XIV.

Подъезжая домой в самом веселом расположении духа, Левин услышал колокольчик со стороны главного подъезда к дому.

«Да, это с железной дороги», — подумал он, — самое время московского поезда... Кто бы это? Что, если это брат Николай? Он ведь сказал: может быть, уеду на воды, а может быть, к тебе приеду». Ему страшно и неприятно стало

в первую минуту, что присутствие брата Николая расстроит это его счастливое весеннее расположение. Но ему стало стыдно за это чувство, и тотчас же он как бы раскрыл свои душевные объятия и с умиленною радостью ожидал и желал теперь всею душой, чтоб это был брат. Он тронул лошадь и, выехав за акацию, увидел подъезжавшую ямскую тройку с железнодорожной станции и господина в шубе. Это не был брат. «Ах, если бы кто-нибудь приятный человек, с кем бы поговорить», подумал он.

– А! – радостно прокричал Левин, поднимая обе руки кверху. – Вот радостный-то гость! Ах, как я рад тебе! – вскрикнул он, узнав Степана Аркадьича.

«Узнаю верно, вышла ли или когда выходит замуж», подумал он.

И в этот прекрасный весенний день он почувствовал, что воспоминанье о ней совсем не больно ему.

– Что, не ждал? – сказал Степан Аркадьич, вылезая из саней, с комком грязи на переносице, на щеке и брови, но сияющий весельем и здоровьем. – Приехал тебя видеть – раз, – сказал он, обнимая и целуя его, – на тяге постоять – два, и лес в Ергушове продать – три.

– Прекрасно! А какова весна? Как это ты на санях доехал?

– В телеге еще хуже, Константин Дмитрич, – отвечал знакомый ямщик.

– Ну, я очень, очень рад тебе, – искренно улыбаясь детски-радостною улыбкою, сказал Левин.

Левин провел своего гостя в комнату для приезжих, куда и были внесены вещи Степана Аркадьича: мешок, ружье в чехле, сумка для сигар, и, оставив его умываться и переодеться, сам пока прошел в контору сказать о пахоте и клевере. Агафья Михайловна, всегда очень озабоченная честью дома, встретила его в передней вопросами насчет обеда.

– Как хотите делайте, только поскорей, – сказал он и пошел к приказчику.

Когда он вернулся, Степан Аркадьич, вымытый, расчесанный и сияя улыбкой, выходил из своей двери, и они вместе пошли наверх.

– Ну, как я рад, что добрался до тебя! Теперь я пойму, в чем состоят те таинства, которые ты тут совершаешь. Но нет, право, я завидую тебе. Какой дом, как славно всё! Светло, весело, – говорил Степан Аркадьич, забывая, что не всегда бывает весна и ясные дни, как нынче. – И твоя нянюшка какая прелесть! Желательнее было бы хорошенькую горничную в фартучке; но с твоим монашеством и строгим стилем – это очень хорошо.

Степан Аркадьич рассказал много интересных новостей и в особенности интересную для Левина новость, что брат его Сергей Иванович собирался на нынешнее лето к нему в деревню.

Ни одного слова Степан Аркадьич не сказал про Кити и вообще Щербацких; только передал поклон жены. Левин был ему благодарен за его деликатность и был очень рад го-

стю. Как всегда, у него за время его уединения набралось пропасть мыслей и чувств, которых он не мог передать окружающим, и теперь он изливал в Степана Аркадьича и поэтическую радость весны, и неудачи и планы хозяйства, и мысли и замечания о книгах, которые он читал, и в особенности идею своего сочинения, основу которого, хотя он сам не замечал этого, составляла критика всех старых сочинений о хозяйстве. Степан Аркадьич, всегда милый, понимающий всё с намека, в этот приезд был особенно мил, и Левин заметил в нем еще новую, польстившую ему черту уважения и как будто нежности к себе.

Старания Агафьи Михайловны и повара, чтоб обед был особенно хорош, имели своим последствием только то, что оба проголодавшиеся приятеля, подсев к закуске, наелись хлеба с маслом, полотка и соленых грибов, и еще то, что Левин велел подавать суп без пирожков, которыми повар хотел особенно удивить гостя. Но Степан Аркадьич, хотя и привыкший к другим обедам, всё находил превосходным; и травник, и хлеб, и масло, и особенно полоток, и грибки, и крапивные щи, и курица под белым соусом, и белое крымское вино – всё было превосходно и чудесно.

– Отлично, отлично, – говорил он, закуривая толстую папиросу после жаркого. – Я к тебе точно с парохода после шума и тряски на тихий берег вышел. Так ты говоришь, что самый элемент рабочего должен быть изучаем и руководить в выборе приемов хозяйства. Я ведь в этом профан; но мне

кажется, что теория и приложение ее будет иметь влияние и на рабочего.

– Да, но постой: я говорю не о политической экономии, я говорю о науке хозяйства. Она должна быть как естественные науки и наблюдать данные явления и рабочего с его экономическим, этнографическим...

В это время вошла Агафья Михайловна с вареньем.

– Ну, Агафья Михайловна, – сказал ей Степан Аркадьич, целуя кончики своих пухлых пальцев, – какой полоток у вас, какой травничок!... А что, не пора ли, Костя? – прибавил он.

Левин взглянул в окно на спускавшееся за оголенные макуши леса солнце.

– Пора, пора, – сказал он. – Кузьма, закладывать линейку! – и побежал вниз.

Степан Аркадьич, сойдя вниз, сам аккуратно снял парусинный чехол с лакированного ящика и, отворив его, стал собирать свое дорогое, нового фасона ружье. Кузьма, уже чувявший большую дачу на водку, не отходил от Степана Аркадьича и надевал ему и чулки и сапоги, что Степан Аркадьич охотно предоставлял ему делать.

– Прикажи, Костя, если приедет Рябинин купец – я ему велел нынче приехать, – принять и подождать...

– А ты разве Рябинину продаешь лес?

– Да. Ты разве знаешь его?

– Как же, знаю. Я с ним имел дела «положительно и окончательно».

Степан Аркадьич засмеялся. «Окончательно и положительно» были любимые слова купца.

– Да, он удивительно смешно говорит. Поняла, куда хозяин идет! – прибавил он, потрепав рукой Ласку, которая, подвизгивая, вилась около Левина и лизала то его руку, то его сапоги и ружье.

Долгуша стояла уже у крыльца, когда они вышли.

– Я велел заложить, хотя недалеко; а то пешком пройдем?

– Нет, лучше поедem, – сказал Степан Аркадьич, подходя к долгуше. Он сел, обвернул себе ноги тигровым пледом и закурил сигару. – Как это ты не куришь! Сигара – это такое не то что удовольствие, а венец и признак удовольствия. Вот это жизнь! Как хорошо! Вот бы как я желал жить!

– Да кто же тебе мешает? – улыбаясь сказал Левин.

– Нет, ты счастливый человек. Всё, что ты любишь, у тебя есть. Лошадей любишь – есть, собаки – есть, охота – есть, хозяйство – есть.

– Может быть, оттого, что я радуюсь тому, что у меня есть, и не тужу о том, чего нету, – сказал Левин, вспомнив о Кити.

Степан Аркадьич понял, поглядел на него, но ничего не сказал.

Левин был благодарен Облонскому за то, что тот со своим всегдашним тактом, заметив, что Левин боялся разговора о Щербацких, ничего не говорил о них; но теперь Левину уже хотелось узнать то, что его так мучало, но он не смел заговорить.

— Ну что, твои дела как? — сказал Левин, подумав о том, как нехорошо с его стороны думать только о себе.

Глаза Степана Аркадьича весело заблестели.

— Ты ведь не признаешь, чтобы можно было любить калачи, когда есть отсыпной паек, — по твоему, это преступление, а я не признаю жизни без любви, — сказал он, поняв по своему вопрос Левина. Что ж делать, я так сотворен. И право, так мало делается этим кому-нибудь зла, а себе столько удовольствия...

— Что ж, или новое что-нибудь? — спросил Левин.

— Есть, брат! Вот видишь ли, ты знаешь тип женщин Оссиановских... женщин, которых видишь во сне... Вот эти женщины бывают на яву... и эти женщины ужасны. Женщина, видишь ли, это такой предмет, что, сколько ты ни изучай ее, всё будет совершенно новое.

— Так уж лучше не изучать.

— Нет. Какой-то математик сказал, что наслаждение не в открытии истины, но в искании ее.

Левин слушал молча, и, несмотря на все усилия, которые он делал над собой, он никак не мог перенестись в душу своего приятеля и понять его чувства и прелести изучения таких женщин.

XV.

Место тяги было недалеко над речкой в мелком осиннике.

Подъехав к лесу, Левин слез и провел Облонского на угол мшистой и топкой полянки, уже освободившейся от снега. Сам он вернулся на другой край к двойняшке-березе и, приклонив ружье к развилине сухого нижнего сучка, снял кафтан, перепоясался и попробовал свободы движений рук.

Старая, седая Ласка, ходившая за ними следом, села осторожно против него и насторожила уши. Солнце спускалось на крупный лес; и на свете зари березки, рассыпанные по осиннику, отчетливо рисовались своими висящими ветвями с надутыми, готовыми лопнуть почками.

Из частого лесу, где оставался еще снег, чуть слышно текла еще извилистыми узкими ручейками вода. Мелкие птицы щебетали и изредка пролетали с дерева на дерево.

В промежутках совершенной тишины слышен был шорох прошлогодних листьев, шевелившихся от таянья земли и от роста трав.

«Каково! Слышно и видно, как трава растет!» сказал себе Левин, заметив двинувшийся грифельного цвета мокрый осиновый лист подле иглы молодой травы. Он стоял, слушал и глядел вниз, то на мокрую мшистую землю, то на прислушивающуюся Ласку, то на расстилавшееся пред ним под горою море оголенных макуш леса, то на подернутое белыми полосками туч тускневшее небо. Ястреб, неспешно махая крыльями, пролетел высоко над дальним лесом; другой точно так же пролетел в том же направлении и скрылся. Птицы всё громче и хлопотливее щебетали в чаще. Недалеко заухал

филин, и Ласка, вздрогнув, переступила осторожно несколько шагов и, склонив на бок голову, стала прислушиваться. Из-за речки слышалась кукушка. Она два раза прокуковала обычным криком, а потом захрипела, заторопилась и запуталась.

– Каково! уж кукушка! – сказал Степан Аркадьич, выходя из-за куста.

– Да, я слышу, – отвечал Левин, с неудовольствием нарушая тишину леса своим неприятным самому себе голосом. – Теперь скоро.

Фигура Степана Аркадьича опять зашла за куст, и Левин видел только яркий огонек спички, вслед затем заменившийся красным углем папиросы и синим дымком.

Чик! чик! щелкнули взводимые Степаном Аркадьичем курки.

– А это что кричит? – спросил Облонский, обращая внимание Левина на протяжное гуканье, как будто тонким голоском, шая, ржал жеребенок.

– А, это не знаешь? Это заяц-самец. Да будет говорить! Слушай, летит! – почти вскрикнул Левин, взводя курки.

Послышался дальний, тонкий свисток и, ровно в тот обычный такт, столь знакомый охотнику, чрез две секунды – другой, третий, и за третьим свистком уже слышно стало хорканье.

Левин кинул глазами направо, налево, и вот пред ним на мутно-голубом небе, над сливающимися нежными побегам

макушек осин показалась летящая птица. Она летела прямо на него: близкие звуки хорканья, похожие на равномерное наддирание тугой ткани, раздались над самым ухом; уже виден был длинный нос и шея птицы, и в ту минуту, как Левин приложился, из-за куста, где стоял Облонский, блеснула красная молния; птица, как стрела, спустилась и взмыла опять кверху. Опять блеснула молния, и послышался удар; и, трепля крыльями, как бы стараясь удержаться на воздухе, птица остановилась, постояла мгновенье и тяжело шлепнулась о топкую землю.

– Неужели промах? – крикнул Степан Аркадьич, которому из-за дыму не видно было.

– Вот он! – сказал Левин, указывая на Ласку, которая, подняв одно ухо и высоко махая кончиком пушистого хвоста, тихим шагом, как бы желая продлить удовольствие и как бы улыбаясь, подносила убитую птицу к хозяину. – Ну, я рад, что тебе удалось, – сказал Левин, вместе с тем уже испытывая чувство зависти, что не ему удалось убить этого вальдшнепа.

– Скверный промах из правого ствола, – отвечал Степан Аркадьич, заряжая ружье. – Шш... летит.

Действительно, послышались пронзительные, быстро следовавшие один за другим свистки. Два вальдшнепа, играя и догоняя друг друга и только свистя, а не хоркая, налетели на самые головы охотников. Раздались четыре выстрела, и, как ласточки, вальдшнепы дали быстрый заворот и исчезли

из виду.

Тяга была прекрасная. Степан Аркадьич убил еще две штуки и Левин двух, из которых одного не нашел. Стало темнеть. Ясная, серебряная Венера низко на западе уже сияла из-за березок своим нежным блеском, и высоко на востоке уже переливался своими красными огнями мрачный Арктур. Над головой у себя Левин ловил и терял звезды Медведицы. Вальдшнепы уже перестали летать; но Левин решил подождать еще, пока видная ему ниже сучка березы Венера перейдет выше его и когда ясны будут везде звезды Медведицы.

Венера перешла уже выше сучка, колесница Медведицы с своим дышлом была уже вся видна на темносинем небе, но он всё еще ждал.

– Не пора ли? – сказал Степан Аркадьич.

В лесу уже было тихо, и ни одна птичка не шевелилась.

– Постоим еще, – отвечал Левин.

– Как хочешь.

Они стояли теперь шагах в пятнадцати друг от друга.

– Стива! – вдруг неожиданно сказал Левин, – что ж ты мне не скажешь, вышла твоя свояченица замуж или когда выходит?

Левин чувствовал себя столь твердым и спокойным, что никакой ответ, он думал, не мог бы взволновать его. Но он никак не ожидал того, что отвечал Степан Аркадьич.

– И не думала и не думает выходить замуж, а она очень

больна, и доктора послали ее за границу. Даже бояться за ее жизнь.

– Что ты! – вскрикнул Левин. – Очень больна? Что же с ней? Как она...

В то время, как они говорили это, Ласка, насторожив уши, оглядывалась вверх на небо и укоризненно на них.

«Вот нашли время разговаривать, – думала она. – А он летит... Вот он, так и есть. Прозевают»... думала Ласка.

Но в это самое мгновение оба вдруг услышали пронзительный свист, который как будто стегнул их по уху, и оба вдруг схватились за ружья, и две молнии блеснули, и два удара раздалось в одно и то же мгновение. Высоко летевший вальдшнеп мгновенно сложил крылья и упал в чашу, пригибая тонкие побеги.

– Вот отлично! Общий! – вскрикнул Левин и побежал с Лаской в чашу отыскивать вальдшнепа. «Ах да, о чем это неприятно было? – вспоминал он. – Да, больна Кити... Что ж делать, очень жаль», думал он.

– А, нашла! Вот умница, – сказал он, вынимая изо рта Ласки теплую птицу и кладя ее в полный почти ягдташ. – Нашел, Стива! – крикнул он.

XVI.

Возвращаясь домой, Левин расспросил все подробности о болезни Кити и планах Щербацких, и, хотя ему совестно

бы было признаться в этом, то, что он узнал, было приятно ему. Приятно и потому, что была еще надежда, и еще более приятно потому, что больно было ей, той, которая сделала ему так больно. Но, когда Степан Аркадьич начал говорить о причинах болезни Кити и упомянул имя Вронского, Левин перебил его.

– Я не имею никакого права знать семейные подробности, но правде сказать, и никакого интереса.

Степан Аркадьич чуть заметно улыбнулся, уловив мгновенную и столь знакомую ему перемену в лице Левина, сделавшегося столь же мрачным, сколько он был весел минуту тому назад.

– Ты уже совсем кончил о лесе с Рябининым? – спросил Левин.

– Да, кончил. Цена прекрасная, тридцать восемь тысяч. Восемь вперед, а остальные на шесть лет. Я долго с этим возился. Никто больше не давал.

– Это значит, ты даром отдал лес, – мрачно сказал Левин.

– То есть почему же даром? – с добродушной улыбкой сказал Степан Аркадьич, зная, что теперь всё будет нехорошо для Левина.

– Потому что лес стоит по крайней мере пятьсот рублей за десятину, – отвечал Левин.

– Ах, эти мне сельские хозяева! – шутливо сказал Степан Аркадьич. – Этот ваш тон презрения к нашему брату городским!... А как дело сделать, так мы лучше всегда сделаем.

Поверь, что я всё расчел, – сказал он, – и лес очень выгодно продан, так что я боюсь, как бы тот не отказался даже. Ведь это не обидной лес, – сказал Степан Аркадьич, желая словом *обидной* совсем убедить Левина в несправедливости его сомнений, – а дровяной больше. И станет не больше тридцати сажень на десятину, а он дал мне по двести рублей.

Левин презрительно улыбнулся. «Знаю, – подумал он, – эту манеру не одного его, но и всех городских жителей, которые, побывав раза два в десять лет в деревне и заметив два-три слова деревенские, употребляют их кстати и некстати, твердо уверенные, что они уже всё знают. *Обидной, станет 30 сажень*. Говорит слова, а сам ничего не понимает».

– Я не стану тебя учить тому, что ты там пишешь в присутствии, – сказал он, – а если нужно, то спрошу у тебя. А ты так уверен, что понимаешь всю эту грамоту о лесе. Она трудна. Счел ли ты деревья?

– Как счесть деревья? – смеясь сказал Степан Аркадьич, всё желая вывести приятеля из его дурного расположения духа. – Сочесть пески, лучи планет хотя и мог бы ум высокий....

– Ну да, а ум высокий Рябинина может. И ни один купец не купит не считая, если ему не отдают даром, как ты. Твой лес я знаю. Я каждый год там бываю на охоте, и твой лес стоит пятьсот рублей чистыми деньгами, а он тебе дал двести в рассрочку. Значит, ты ему подарил тысяч тридцать.

– Ну, полно увлекаться, – жалостно сказал Степан Арка-

дыч, — отчего же никто не давал?

— Оттого, что у него стачки с купцами; он дал отступного. Я со всеми ими имел дела, я их знаю. Ведь это не купцы, а барышники. Он и не пойдет на дело, где ему предстоит десять, пятнадцать процентов, а он ждет, чтобы купить за двадцать копеек рубль.

— Ну, полно! Ты не в духе.

— Нисколько, — мрачно сказал Левин, когда они подъезжали к дому.

У крыльца уже стояла туго обтянутая железом и кожей тележка с туго запряженной широкими гужами сытою лошады. В тележке сидел туго налитой кровью и туго подпоясанный приказчик, служивший кучером Рябинину. Сам Рябинин был уже в доме и встретил приятелей в передней. Рябинин был высокий, худощавый человек средних лет, с усами и бритым выдающимся подбородком и выпуклыми мутными глазами. Он был одет в длиннополый синий сюртук с пуговицами ниже зада и в высоких, сморщенных на щиколках и прямых на икрах сапогах, сверх которых были надеты большие калоши. Он округло вытер платком свое лицо и, запахнув сюртук, который и без того держался очень хорошо, с улыбкой приветствовал вошедших, протягивая Степану Аркадычу руку, как бы желая поймать что-то.

— А вот и вы приехали, — сказал Степан Аркадыч, подавая ему руку. — Прекрасно.

— Не осмелился послушаться приказаний вашего сиятель-

ства, хоть слишком дурна дорога. Положительно всю дорогу пешком шел, но явился в срок. Константин Дмитрич, мое почтение, — обратился он к Левину, стараясь поймать и его руку. Но Левин, нахмурившись, делал вид, что не замечает его руки, и вынимал вальдшнепов. — Изволили потешаться охотой? Это какая птица, значит, будет? — прибавил Рябинин, презрительно глядя на вальдшнепов, — вкус, значит, имеет. — И он неодобрительно покачал головой, как бы сильно сомневаясь в том, чтоб эта овчинка стоила выделки.

— Хочешь в кабинет? — мрачно хмурясь, сказал Левин по-французски Степану Аркадьичу. — Пройдите в кабинет, вы там переговорите.

— Очень можно, куда угодно-с, — с презрительным достоинством сказал Рябинин, как бы желая дать почувствовать, что для других могут быть затруднения, как и с кем обойтись, но для него никогда и ни в чем не может быть затруднений.

Войдя в кабинет, Рябинин осмотрелся по привычке, как бы отыскивая образ, но, найдя его, не перекрестился. Он оглядел шкапы и полки с книгами и с тем же сомнением, как и насчет вальдшнепов, презрительно улыбнулся и неодобрительно покачал головой, никак уже не допуская, чтоб эта овчинка могла стоить выделки.

— Что ж, привезли деньги? — спросил Облонский. — Садитесь.

— Мы за деньгами не постоим. Повидаться, переговорить

приехал.

– О чем же переговорить? Да вы садитесь.

– Это можно, – сказал Рябинин, садясь и самым мучительным для себя образом облакачиваясь на спинку кресла. – Уступить надо, князь. Грех будет. А деньги готовы окончательно, до одной копейки. За деньгами остановки не бывает.

Левин, ставивший между тем ружье в шкаф, уже выходил из двери, но, услышав слова купца, остановился.

– И так задаром лес взяли, – сказал он. – Поздно он ко мне приехал, а то я бы цену назначил.

Рябинин встал и молча с улыбкой поглядел снизу вверх на Левина.

– Очень скупы Константин Дмитрич, – сказал он с улыбкой, обращаясь к Степану Аркадьичу, – окончательно ничего не укупишь. Торговал пшеницу, хорошие деньги давал.

– Зачем мне вам свое даром давать? Я ведь не на земле нашел и не украл.

– Помилуйте, по нынешнему времени воровать положительно невозможно. Всё окончательно по нынешнему времени гласное судопроизводство, всё нынче благородно; а не то что воровать. Мы говорили по чести. Дорого кладут за лес, расчетов не сведешь. Прошу уступить хоть малость.

– Да кончено у вас дело или нет? Если кончено, нечего торговаться, а если не кончено, – сказал Левин, – я покупаю лес.

Улыбка вдруг исчезла с лица Рябинина. Ястребиное, хищ-

ное и жесткое выражение установилось на нем. Он быстрыми костлявыми пальцами расстегнул сюртук, открыв рубаху на выпуск, медные пуговицы жилета и цепочку часов, и быстро достал толстый старый бумажник.

– Пожалуйте, лес мой, – проговорил он, быстро перекрестившись и протягивая руку. – Возьми деньги, мой лес. Вот как Рябинин торгует, а не гроши считать, – заговорил он, хмурясь и размахивая бумажником.

– Я бы на твоём месте не торопился, – сказал Левин.

– Помилуй, – с удивлением сказал Облонский, – ведь я слово дал.

Левин вышел из комнаты, хлопнув дверью. Рябинин, глядя на дверь, с улыбкой покачал головой.

– Всё молодость, окончательно ребячество одно. Ведь покупаю, верьте чести, так, значит, для славы одной, что вот Рябинин, а не кто другой у Облонского рощу купил. А ещё как Бог даст расчёты найти. Верьте Богу. Пожалуйте-с. Условище написать...

Через час, купец, аккуратно запахнув свой халат и застегнув крючки сюртука, с условием в кармане сел в свою туго окованную тележку и поехал домой.

– Ох, эти господа! – сказал он приказчику, – один предмет.

– Это как есть, – отвечал приказчик, передавая ему вожжи и застегивая кожаный фартук. – А с покупочкой, Михаил Игнатьич?

– Ну, ну...

XVII.

Степан Аркадьич с оттопыренным карманом серий, которые за три месяца вперед отдал ему купец, вошел наверх. Дело с лесом было кончено, деньги в кармане, тяга была прекрасная, и Степан Аркадьич находился в самом веселом расположении духа, а потому ему особенно хотелось рассеять дурное настроение, нашедшее на Левина. Ему хотелось окончить день за ужином так же приятно, как он был начат.

Действительно, Левин был не в духе и, несмотря на всё свое желание быть ласковым и любезным со своим милым гостем, не мог преодолеть себя. Хмель известия о том, что Кити не вышла замуж, понемногу начинал разбирать его.

Кити не замужем и больна, больна от любви к человеку, который пренебрег ею. Это оскорбление как будто падало на него. Вронский пренебрег ею, а она пренебрегла им, Левиным. Следовательно, Вронский имел право презирать Левина и потому был его враг. Но этого всего не думал Левин. Он смутно чувствовал, что в этом что-то есть оскорбительное для него, и сердился теперь не на то, что расстроило его, а придирался ко всему, что представлялось ему. Глупая продажа леса, обман, на который попался Облонский и который совершился у него в доме, раздражал его.

– Ну, кончил? – сказал он, встречая наверху Степана Ар-

кадьича. – Хочешь ужинать?

– Да, не откажусь. Какой аппетит у меня в деревне, чудо. Что ж ты Рябинину не предложил поесть?

– А, чорт с ним!

– Однако как ты обходишься с ним! – сказал Облонский.

– Ты и руки ему не подал. Отчего же не подать ему руки?

– Оттого, что я лакею не подам руки, а лакей во сто раз лучше.

– Какой ты однако ретроград! А слияние сословий? – сказал Облонский.

– Кому приятно сливаться – на здоровье, а мне противно.

– Ты, я вижу, решительно ретроград.

– Право, я никогда не думал, кто я. Я – Константин Левин, больше ничего.

– И Константин Левин, который очень не в духе, – улыбаясь сказал Степан Аркадьич.

– Да, я не в духе, и знаешь отчего? От, извини меня, твоей глупой продажи...

Степан Аркадьич добродушно сморщился, как человек, которого безвинно обижают и расстраивают.

– Ну, полно! – сказал он. – Когда бывало, чтобы кто-нибудь что-нибудь продал и ему бы не сказали сейчас же после продажи: «это гораздо дороже стоит»? А покуда продают, никто не дает... Нет, я вижу у тебя есть *зуб* против этого несчастного Рябинина.

– Может быть, и есть. А ты знаешь, за что? Ты скажешь

опять, что я ретроград, или еще какое страшное слово; но всё-таки мне досадно и обидно видеть это со всех сторон совершающееся обеднение дворянства, к которому я принадлежу и, несмотря на слияние сословий, очень рад, что принадлежу... И обеднение не вследствие роскоши – это бы ничего; прожить по-барски – это дворянское дело, это только дворяне умеют. Теперь мужики около нас скупают земли, – мне не обидно. Барин ничего не делает, мужик работает и вытесняет праздного человека. Так должно быть. И я очень рад мужику. Но мне обидно смотреть на это обеднение по какой-то, не знаю как назвать, невинности. Тут арендатор-Поляк купил за полцены у барыни, которая живет в Ницце, чудесное имение. Тут отдают купцу в аренду за рубль десятину земли, которая стоит десять рублей. Тут ты безо всякой причины подарил этому плуту тридцать тысяч.

– Так что же? считать каждое дерево?

– Непременно считать. А вот ты не считал, а Рябинин считал. У детей Рябинина будут средства к жизни и образованию, а у твоих, пожалуй, не будет!

– Ну, уж извини меня, но есть что-то мизерное в этом считаньи. У нас свои занятия, у них свои, и им надо барыши. Ну, впрочем, дело сделано, и конец. А вот и глазунья, самая моя любимая яичница. И Агафья Михайловна даст нам этого травничку чудесного...

Степан Аркадьич сел к столу и начал шутить с Агафьей Михайловной, уверяя ее, что такого обеда и ужина он давно

не ел.

– Вот вы хоть похва́лите, – сказала Агафья Михайловна, – а Константин Дмитрич, что ему ни подай, хоть хлеба корку, – поел и пошел.

Как ни старался Левин преодолеть себя, он был мрачен и молчалив. Ему нужно было сделать один вопрос Степану Аркадьичу, но он не мог решиться и не находил ни формы, ни времени, как и когда его сделать. Степан Аркадьич уже сошел к себе вниз, разделся, опять умылся, облекся в гофрированную ночную рубашку и лег, а Левин все медлил у него в комнате, говоря о разных пустяках и не будучи в силах спросить, что хотел.

– Как это удивительно делают мыло, – сказал он, оглядывая и развертывая душистый кусок мыла, который для гостя приготовила Агафья Михайловна, но который Облонский не употреблял. – Ты посмотри, ведь это произведение искусства.

– Да, до всего дошло теперь всякое усовершенствование, – сказал Степан Аркадьич, влажно и блаженно зевая. – Театры, например, и эти увеселительные.... а-а-а! – зевал он. – Электрический свет везде.... а-а!

– Да, электрический свет, – сказал Левин. – Да. Ну, а где Вронский теперь? – спросил он, вдруг положив мыло.

– Вронский? – сказал Степан Аркадьич, остановив зевок, – он в Петербурге. Уехал вскоре после тебя и затем ни разу не был в Москве. И знаешь, Костя, я тебе правду ска-

жу, – продолжал он, облокотившись на стол и положив на руку свое красивое румяное лицо, из которого светились, как звезды, масляные, добрые и сонные глаза. – Ты сам был виноват. Ты испугался соперника. А я, как и тогда тебе говорил, – я не знаю, на чьей стороне было более шансов. Отчего ты не шел на пролом? Я тебе говорил тогда, что.... – Он зевнул одними челюстями, не раскрывая рта.

«Знает он или не знает, что я делал предложение? – подумал Левин, глядя на него. – Да, что-то есть хитрое, дипломатическое в его лице», и, чувствуя, что краснеет, он молча смотрел прямо в глаза Степана Аркадьича.

– Если было с ее стороны что-нибудь тогда, то это было увлечение внешностью, – продолжал Облонский. – Этот, знаешь, совершенный аристократизм и будущее положение в свете подействовали не на нее, а на мать.

Левин нахмурился. Оскорбление отказа, через которое он прошел, как будто свежую, только что полученную раной загло его в сердце. Он был дома, а дома стены помогают.

– Постой, постой, – заговорил он, перебивая Облонского, – ты говоришь: аристократизм. А позволь тебя спросить, в чем состоит этот аристократизм Вронского или кого бы то ни было, – такой аристократизм, чтобы можно было пренебречь мною? Ты считаешь Вронского аристократом, но я нет. Человек, отец которого вылез из ничего пронырством, мать которого Бог знает с кем не была в связи... Нет, уж извини, но я считаю аристократом себя и людей подобных мне, кото-

рые в прошедшем могут указать на три-четыре честные поколения семей, находившихся на высшей степени образования (дарованье и ум – это другое дело), и которые никогда ни перед кем не подличали, никогда ни в ком не нуждались, как жили мой отец, мой дед. И я знаю много таких. Тебе низко кажется, что я считаю деревья в лесу, а ты даришь тридцать тысяч Рябинину; но ты получишь аренду и не знаю еще что, а я не получу и потому дорожу родовым и трудовым.... Мы аристократы, а не те, которые могут существовать только подачками от сильных мира сего и кого купить можно за двугривенный.

– Да на кого ты? Я с тобой согласен, – говорил Степан Аркадьич искренно и весело, хотя чувствовал, что Левин под именем тех, кого можно купить за двугривенный, разумел и его. Оживление Левина ему искренно нравилось. – На кого ты? Хотя многое и неправда, что ты говоришь про Вронского, но я не про то говорю. Я говорю тебе прямо, я на твоём месте поехал бы со мной в Москву и...

– Нет, я не знаю, знаешь ли ты или нет, но мне всё равно. И я скажу тебе, – я сделал предложение и получил отказ, и Катерина Александровна для меня теперь тяжелое и постыдное воспоминанье.

– Отчего? Вот вздор!

– Но не будем говорить. Извини меня, пожалуйста, если я был груб с тобой, – сказал Левин. Теперь, высказав всё, он опять стал тем, каким был поутру. – Ты не сердишься на

меня, Стива? Пожалуйста, не сердись, — сказал он и улыбаясь взял его за руку.

— Да нет, нисколько, и не за что. Я рад, что мы объяснились. А знаешь, утренняя тяга бывает хороша. Не поехать ли? Я бы так и не спал, а прямо с тяги на станцию.

— И прекрасно.

XVIII.

Несмотря на то, что вся внутренняя жизнь Вронского была наполнена его страстью, внешняя жизнь его неизменно и неудержимо катилась по прежним, привычным рельсам светских и полковых связей и интересов. Полковые интересы занимали важное место в жизни Вронского и потому, что он любил полк, и еще более потому, что его любили в полку. В полку не только любили Вронского, но его уважали и гордились им, гордились тем, что этот человек, огромно-богатый, с прекрасным образованием и способностями, с открытою дорогой ко всякого рода успеху и честолюбию и тщеславию, пренебрегал этим всем и из всех жизненных интересов ближе всего принимал к сердцу интересы полка и товарищества. Вронский сознавал этот взгляд на себя товарищей и кроме того, что любил эту жизнь, чувствовал себя обязанным поддерживать установившийся на него взгляд.

Само собою разумеется, что он не говорил ни с кем из товарищей о своей любви, не проговаривался и в самых силь-

ных попойках (впрочем, он никогда не бывал так пьян, чтобы терять власть над собой) и затыкал рот тем из легкомысленных товарищей, которые пытались намекать ему на его связь. Но, несмотря на то, что его любовь была известна всему городу – все более или менее верно догадывались об его отношениях к Карениной, – большинство молодых людей завидовали ему именно в том, что было самое тяжелое в его любви, – в высоком положении Каренина и потому в выставленности этой связи для света.

Большинство молодых женщин, завидовавших Анне, которым уже давно наскучило то, что ее *называют справедливою*, радовались тому, что они предполагали, и ждали только подтверждения оборота общественного мнения, чтоб обрушиться на нее всею тяжестью своего презрения. Они приготавливали уже те комки грязи, которыми они бросят в нее, когда придет время. Большинство пожилых людей и люди высокопоставленные были недовольны этим готовящимся общественным скандалом.

Мать Вронского, узнав о его связи, сначала была довольна – и потому, что ничто, по ее понятиям, не давало последней отделки блестящему молодому человеку, как связь в высшем свете, и потому, что столь понравившаяся ей Каренина, так много говорившая о своем сыне, была всё-таки такая же, как и все красивые и порядочные женщины, по понятиям графини Вронской. Но в последнее время она узнала, что сын отказался от предложенного ему, важного для карьеры, по-

ложения, только с тем, чтоб оставаться в полку, где он мог видаться с Карениной, узнала, что им недовольны за это высокопоставленные лица, и она переменила свое мнение. Не нравилось ей тоже то, что по всему, что она узнала про эту связь, это не была та блестящая, грациозная светская связь, какую она бы одобрила, но какая-то Вертеровская, отчаянная страсть, как ей рассказывали, которая могла вовлечь его в глупости. Она не видала его со времени его неожиданного отъезда из Москвы и через старшего сына требовала, чтоб он приехал к ней.

Старший брат был тоже недоволен меньшим. Он не разбирал, какая это была любовь, большая или маленькая, страстная или не страстная, порочная или непорочная (он сам, имея детей, содержал танцовщицу и потому был снисходителен на это); по он знал, что это любовь ненравящаяся тем, кому нужна нравиться, и потому не одобрял поведения брата.

Кроме занятий службы и света, у Вронского было еще занятие – лошади, до которых он был страстный охотник.

В нынешнем же году назначены были офицерские скачки с препятствиями. Вронский записался на скачки, купил английскую кровную кобылу и, несмотря на свою любовь, был страстно хотя и сдержанно, увлечен предстоящими скачками...

Две страсти эти не мешали одна другой. Напротив, ему нужно было занятие и увлечение, независимое от его любви,

на котором он освежался и отдыхал от слишком волновавших его впечатлений.

XIX.

В день Красносельских скачек Вронский раньше обыкновенного пришел съесть бифстек в общую залу артели полка. Ему не нужно было очень строго выдерживать себя, так как вес его как раз равнялся положенным четырем пудам с половиною; но надо было и не потолстеть, и потому он избегал мучного и сладкого. Он сидел в расстегнутом над белым жилетом сюртуке, облокотившись обеими руками на стол и, ожидая заказанного бифстека, смотрел в книгу французского романа, лежавшую на тарелке. Он смотрел в книгу только затем, чтобы не разговаривать с входившими и выходившими офицерами, и думал.

Он думал о том, что Анна обещала ему дать свиданье нынче после скачек. Но он не видал ее три дня и, вследствие возвращения мужа из-за границы, не знал, возможно ли это нынче или нет, и не знал, как узнать это. Он виделся с ней в последний раз на даче у кузины Бетси. На дачу же Карениных он ездил как можно реже. Теперь он хотел ехать туда и обдумывал вопрос, как это сделать.

«Разумеется, я скажу, что Бетси прислала меня спросить, приедет ли она на скачки. Разумеется, поеду», решил он сам с собой, поднимая голову от книги. И, живо представив себе

счастье увидеть ее, он просиял лицом.

— Пошли ко мне на дом, чтобы закладывали поскорей коляску тройкой, — сказал он слуге, подававшему ему бифстек на серебряном горячем блюде, и, придвинув блюдо, стал есть.

В соседней бильярдной слышались удары шаров, говор и смех. Из входной двери появились два офицера: один молоденький, с слабым, тонким лицом, недавно поступивший из Пажеского корпуса в их полк; другой пухлый, старый офицер с браслетом на руке и заплывшими маленькими глазами.

Вронский взглянул на них, нахмурился и, как будто не заметив их, косясь на книгу, стал есть и читать вместе.

— Что? подкрепляешься на работу? — сказал пухлый офицер, садясь подле него.

— Видишь, — отвечал Вронский, хмурясь, отирая рот и не глядя на него.

— А не боишься потолстеть? — сказал тот, поворачивая стул для молоденького офицера.

— Что? — сердито сказал Вронский, делая гримасу отвращения и показывая свои сплошные зубы.

— Не боишься потолстеть?

— Человек, хересу! — сказал Вронский, не отвечая, и, переложив книгу на другую сторону, продолжал читать.

Пухлый офицер взял карту вин и обратился к молоденькому офицеру.

— Ты сам выбери, что будем пить, — сказал он, подавая ему

карту и глядя на него.

– Пожалуй, рейнвейну, – сказал молодой офицер, робко косясь на Вронского и стараясь поймать пальцами чуть отросшие усики. Видя, что Вронский не оборачивается, молодой офицер встал.

– Пойдем в бильярдную, – сказал он.

Пухлый офицер покорно встал, и они направились к двери.

В это время в комнату вошел высокий и статный ротмистр Яшвин и, кверху, презрительно кивнув головой двум офицерам, подошел ко Вронскому.

– А! вот он! – крикнул он, крепко ударив его своею большою рукой по погону. Вронский оглянулся сердито, но тотчас же лицо его просияло свойственной ему спокойною и твердою лаской.

– Умно, Алеша, – сказал ротмистр громким баритоном. – Теперь поешь и выпей одну рюмочку.

– Да не хочется есть.

– Вот неразлучные, – прибавил Яшвин, насмешливо глядя на двух офицеров, которые выходили в это время из комнаты. И он сел подле Вронского, согнув острыми углами свои слишком длинные по высоте стульев стегна и голени в узких рейтузах. – Что ж ты вчера не заехал в красненский театр? – Нумерова совсем недурна была. Где ты был?

– Я у Тверских засиделся, – отвечал Вронский.

– А! – отозвался Яшвин.

Яшвин, игрок, кутила и не только человек без всяких правил, но с безнравственными правилами, – Яшвин был в полку лучший приятель Вронского. Вронский любил его и за его необычайную физическую силу, которую он большею частью выказывал тем, что мог пить как бочка, не спать и быть всё таким же, и за большую нравственную силу, которую он выказывал в отношениях к начальникам и товарищам, вызывая к себе страх и уважение, и в игре, которую он вел на десятки тысяч и всегда, несмотря на выпитое вино, так тонко и твердо, что считался первым игроком в Английском Клубе. Вронский уважал и любил его в особенности за то, что чувствовал, что Яшвин любит его не за его имя и богатство, а за него самого. И из всех людей с ним одним Вронский хотел бы говорить про свою любовь. Он чувствовал, что Яшвин один, несмотря на то, что, казалось, презирал всякое чувство, – один, казалось Вронскому, мог понимать ту сильную страсть, которая теперь наполнила всю его жизнь. Кроме того, он был уверен, что Яшвин уже наверное не находит удовольствия в сплетне и скандале, а понимает это чувство как должно, то есть знает и верит, что любовь эта – не шутка, не забава, а что-то серьезнее и важнее.

Вронский не говорил с ним о своей любви, но знал, что он всё знает, всё понимает как должно, и ему приятно было видеть это по его глазам.

– А, да! – сказал он на то, что Вронский был у Тверских, и, блеснув своими черными глазами, взялся за левый ус и стал

заправлять его в рот, по своей дурной привычке.

– Ну, а ты вчера что сделал? Выиграл? – спросил Вронский.

– Восемь тысяч. Да три не хороши, едва ли отдаст.

– Ну, так можешь за меня и проиграть, – сказал Вронский смеясь. (Яшвин держал большое пари за Вронского.)

– Ни за что не проиграю. Один Махотин опасен.

И разговор перешел на ожидания нынешней скачки, о которой только и мог думать теперь Вронский.

– Пойдем, я кончил, – сказал Вронский и, встав, пошел к двери. Яшвин встал тоже, растянув свои огромные ноги и длинную спину.

– Мне обедать еще рано, а выпить надо. Я приду сейчас. Ей, вина! – крикнул он своим знаменитым в командовании, густым и заставлявшим дрожать стекла голосом. – Нет, не надо, – тотчас же опять крикнул он. – Ты домой, так я с тобой пойду.

И они пошли с Вронским.

XX.

Вронский стоял в просторной и чистой, разгороженной надвое чухонской избе. Петрицкий жил с ним вместе и в лагерьях. Петрицкий спал, когда Вронский с Яшвиным вошли в избу.

– Вставай, будет спать, – сказал Яшвин, заходя за пере-

городку и толкая за плечо уткнувшегося носом в подушку взлохмаченного Петрицкого.

Петрицкий вдруг вскочил на коленки и оглянулся.

– Твой брат был здесь, – сказал он Вронскому. – Разбудил меня, чорт его возьми, сказал, что придет опять. – И он опять, натягивая одеяло, бросился на подушку. – Да оставь же, Яшвин, – говорил он, сердясь на Яшвина, тащившего с него одеяло. – Оставь! – Он повернулся и открыл глаза. – Ты лучше скажи, *что* выпить; такая гадость во рту, что...

– Водки лучше всего, – пробасил Яшвин. – Терещенко! водки барину и огурцов, – крикнул он, видимо любя слушать свой голос.

– Водки, ты думаешь? А? – спросил Петрицкий, морщась и протирая глаза: – А ты выпьешь? Вместе, так выпьем! Вронский, выпьешь? – сказал Петрицкий, вставая и закутываясь под руками в тигровое одеяло.

Он вышел в дверь перегородки, поднял руки и запел по-французски: «Был король в Ту-у-ле». – Вронский, выпьешь?

– Убирайся, – сказал Вронский, надевавший подаваемый лакеем сюртук.

– Это куда? – спросил его Яшвин. – Вот и тройка, – прибавил он, увидев подъезжавшую коляску.

– В конюшню, да еще мне нужно к Брянскому об лошадях, – сказал Вронский.

Вронский действительно обещал быть у Брянского, в десяти верстах от Петергофа, и привезти ему за лошадей день-

ги; и он хотел успеть побывать и там. Но товарищи тотчас же поняли, что он не туда только едет.

Петрицкий, продолжая петь, подмигнул глазом и надул губы, как бы говоря: знаем, какой это Брянский.

– Смотри не опоздай – сказал только Яшвин, и, чтобы переменить разговор: – Что мой саврасый, служит хорошо? – спросил он, глядя в окно, про коренного, которого он продал.

– Стой! – закричал Петрицкий уже уходившему Вронскому. – Брат твой оставил письмо тебе и записку. Постой, где они?

Вронский остановился.

– Ну, где же они?

– Где они? Вот в чем вопрос! – проговорил торжественно Петрицкий, проводя кверху от носа указательным пальцем.

– Да говори же, это глупо! – улыбаясь сказал Вронский.

– Камина я не топил. Здесь где-нибудь.

– Ну, полно врать! Где же письмо?

– Нет, право забыл. Или я во сне видел? Постой, постой! Да что ж сердиться! Если бы ты, как я вчера, выпил четыре бутылки на брата, ты бы забыл, где ты лежишь. Постой, сейчас вспомню!

Петрицкий пошел за перегородку и лег на свою кровать.

– Стой! Так я лежал, так он стоял. Да-да-да-да... Вот оно! – и Петрицкий вынул письмо из-под матраца, куда он запрятал его.

Вронский взял письмо и записку брата. Это было то самое, что он ожидал, – письмо от матери с упреками за то, что он не приезжал, и записка от брата, в которой говорилось, что нужно переговорить. Вронский знал, что это всё о том же. «Что им за дело!» подумал Вронский и, смяв письма, сунул их между пуговиц сюртука, чтобы внимательно прочесть дорогой. В сенях избы ему встретились два офицера: один их, а другой другого полка.

Квартира Вронского всегда была притоном всех офицеров.

– Куда?

– Нужно, в Петергоф.

– А лошадь пришла из Царского?

– Пришла, да я не видал еще.

– Говорят, Махотина Гладиатор захромал.

– Вздор! Только как вы по этой грязи поскачете? – сказал другой.

– Вот мои спасители! – закричал, увидав вошедших, Петрицкий, пред которым стоял денщик с водкой и соленым огурцом на подносе. – Вот Яшвин велит пить, чтоб освежиться.

– Ну, уж вы нам задали вчера, – сказал один из пришедших, – всю ночь не давали спать.

– Нет, каково мы окончили! – рассказывал Петрицкий. – Волков залез на крышу и говорит, что ему грустно. Я говорю: давай музыку, погребальный марш! Он так и заснул на

крыше под погребальный марш.

— Выпей, выпей водки непременно, а потом сельтерской воды и много лимона, — говорил Яшвин, стоя над Петрицким, как мать, заставляющая ребенка принимать лекарство, — а потом уж шампанского немножечко, — так, бутылочку.

— Вот это умно. Постой, Вронский, выпьем.

— Нет, прощайте, господа, нынче я не пью.

— Что ж, потяжелеешь? Ну, так мы одни. Давай сельтерской воды и лимона.

— Вронский! — закричал кто-то, когда он уж выходил в сени.

— Что?

— Ты бы волоса обстриг, а то они у тебя тяжелы, особенно на лысине.

Вронский действительно преждевременно начинал плешиветь. Он весело засмеялся, показывая свои сплошные зубы и, надвинув фуражку на лысину, вышел и сел в коляску.

— В конюшню! — сказал он и достал было письма, чтобы прочесть их, но потом раздумал, чтобы не развлекаться до осмотра лошади. — «Потом»!...

XXI.

Временная конюшня, балаган из досок, была построена подле самого ипподрома, и туда вчера должна была быть

приведена его лошадь. Он еще не видал ее. В эти последние дни он сам не ездил на проездку, а поручил тренеру и теперь решительно не знал, в каком состоянии пришла и была его лошадь. Едва он вышел из коляски, как конюх его (грум), так называемый мальчик, узнав еще издали его коляску, вызвал тренера. Сухой Англичанин в высоких сапогах и в короткой жакетке, с клочком волос, оставленным только под подбородком, неумелою походкой жокеев, растопыривая локти и раскачиваясь, вышел навстречу.

– Ну что Фру-Фру? – спросил Вронский по-английски.

– All right, sir – все исправно, сударь, – где-то внутри горла проговорил голос Англичанина. – Лучше не ходите, – прибавил он, поднимая шляпу. – Я надел намордник, и лошадь возбуждена. Лучше не ходить, это тревожит лошадь.

– Нет, уж я войду. Мне хочется взглянуть.

– Пойдем, – всё так же не открывая рта, нахмурившись сказал Англичанин и, размахивая локтями, пошел вперед своею развинченною походкой.

Они вошли в дворик пред баракom. Дежурный, в чистой куртке, нарядный, молодцоватый мальчик, с метлой в руке, встретил входивших и пошел за ними. В бараке стояло пять лошадей по денникам, и Вронский знал, что тут же нынче должен быть приведен и стоит его главный соперник, рыжий, пятивершковый Гладиатор Махотина. Еще более, чем свою лошадь, Вронскому хотелось видеть Гладиятора, которого он не видал; но Вронский знал, что, по законам приличия кон-

ской охоты, не только нельзя видеть его, но неприлично и расспрашивать про него. В то время когда он шел по коридору, мальчик отворил дверь во второй денник налево, и Вронский увидел рыжую крупную лошадь и белые ноги. Он знал, что это был Гладиатор, но с чувством человека, отворачивающегося от чужого раскрытого письма, он отвернулся и пошел к деннику Фру-Фру.

– Здесь лошадь Ма-к... Мак... никогда не могу выговорить это имя, – сказал Англичанин через плечо, указывая большим, с грязным ногтем пальцем на денник Гладиатора.

– Махотина? Да, это мой один серьезный соперник, – сказал Вронский.

– Если бы вы ехали на нем, – сказал Англичанин, – я бы за вас держал.

– Фру-Фру нервнее, он сильнее, – сказал Вронский, улыбаясь от похвалы своей езде.

– С препятствиями всё дело в езде и в pluck, – сказал Англичанин.

Pluck, то есть энергии и смелости, Вронский не только чувствовал в себе достаточно, но, что гораздо важнее, он был твердо убежден, что ни у кого в мире не могло быть этого pluck больше, чем у него.

– А вы верно знаете, что не нужно было *большого потнения*?

– Не нужно, – отвечал Англичанин. – Пожалуйста, не говорите громко. Лошадь волнуется, – прибавил он, кивая го-

ловой на запертый денник, пред которым они стояли и где слышалась перестановка ног по соломе.

Он отворил дверь, и Вронский вошел в слабо освещенный из одного маленького окошечка денник. В деннике, перебирая ногами по свежей соломе, стояла караковая лошадь с намордником. Оглядевшись в полусвете денника, Вронский опять невольно обнял одним общим взглядом все стати своей любимой лошади. Фру-Фру была среднего роста лошадь и по статьям небезукоризненная. Она была вся узка костью; хотя ее грудина и сильно выдавалась вперед, грудь была узка. Зад был немного свислый и в ногах передних, и особенно задних, была значительная косолапина. Мышцы задних и передних ног не были особенно крупны; но зато в подпруге лошадь была необыкновенно широкая, что особенно поражаало теперь, при ее выдержке и поджаром животе. Кости ее ног ниже колен казались не толще пальца, глядя спереди, но за то были необыкновенно широки, глядя с боку. Она вся, кроме ребер, как будто была сдавлена с боков и вытянута в глубину. Но у ней в высшей степени было качество, заставляющее забывать все недостатки; это качество была *кровь*, та кровь, которая *сказывается*, по английскому выражению. Резко выступающие мышцы из-под сетки жил, растянутой в тонкой, подвижной и гладкой, как атлас, коже, казались столь же крепкими, как кость. Сухая голова ее с выпуклыми, блестящими, веселыми глазами, расширялась у храпа в выдающиеся ноздри с налитой внутри кровью перепонкой. Во

всей фигуре и в особенности в голове ее было определенное, энергическое и вместе нежное выражение. Она была одно из тех животных, которые, кажется, не говорят только потому, что механическое устройство их рта не позволяет им этого.

Вронскому по крайней мере показалось, что она поняла всё, что он теперь, глядя на нее, чувствовал.

Как только Вронский вошел к ней, она глубоко втянула в себя воздух и, скашивая свой выпуклый глаз так, что белок налился кровью, с противоположной стороны глядела на вошедших, потряхивая намордником и упруго переступая с ноги на ногу.

— Ну, вот видите, как она взволнована, — сказал Англичанин.

— О, милая! О! — говорил Вронский, подходя к лошади и уговаривая ее.

Но чем ближе он подходил, тем более она волновалась. Только когда он подошел к её голове, она вдруг затихла, и мускулы её затряслись под тонкою, нежною шерстью. Вронский погладил ее крепкую шею, поправил на остром загривке перекинувшуюся на другую сторону прядь гривы и придвинулся лицом к её растянутому, тонким, как крыло летучей мыши, ноздрям. Она звучно втянула и выпустила воздух из напряженных ноздрей, вздрогнув, прижала острое ухо и вытянула крепкую черную губу ко Вронскому, как бы желая поймать его за рукав. Но, вспомнив о наморднике, она встряхнула им и опять начала переставлять одну за другою

свои точеные ножи.

– Успокойся, милая, успокойся! – сказал он, погладив ее еще рукой по задку, и с радостным сознанием, что лошадь в самом хорошем состоянии, вышел из денника.

Волнение лошади сообщилось и Вронскому; он чувствовал, что кровь приливала ему к сердцу и что ему так же, как и лошади, хочется двигаться, кусаться; было и страшно и весело.

– Ну, так я на вас надеюсь, – сказал он Англичанину, – в шесть с половиной на месте.

– Всё исправно, – сказал Англичанин. – А вы куда едете, милорд? – спросил он неожиданно, употребив это название my-Lord, которого он почти никогда не употреблял.

Вронский с удивлением приподнял голову и посмотрел, как он умел смотреть, не в глаза, а на лоб Англичанина, удивляясь смелости его вопроса. Но поняв, что Англичанин, делая этот вопрос, смотрел на него не как на хозяина, но как на жокея, ответил ему:

– Мне нужно к Брянскому, я через час буду дома.

«Который раз мне делают нынче этот вопрос!» сказал он себе и покраснел, что с ним редко бывало. Англичанин внимательно посмотрел на него. И, как будто он знал, куда едет Вронский, прибавил:

– Первое дело быть спокойным пред ездой, – сказал он, – не будьте не в духе и ничем не расстраивайтесь.

– All right, – улыбаясь отвечал Вронский и, вскочив в ко-

ляску, велел ехать в Петергоф.

Едва он отъехал несколько шагов, как туча, с утра угрожавшая дождем, надвинулась, и хлынул ливень.

«Плохо! — подумал Вронский, поднимая коляску. — И то грязно было, а теперь совсем болото будет». Сидя в уединении закрытой коляски, он достал письмо матери и записку брата и прочел их.

Да, всё это было то же и то же. Все, его мать, его брат, все находили нужным вмешиваться в его сердечные дела. Это вмешательство возбуждало в нем злобу — чувство, которое он редко испытывал. «Какое им дело? Почему всякий считает своим долгом заботиться обо мне? И отчего они пристают ко мне? Оттого, что они видят, что это что-то такое, чего они не могут понять. Если б это была обыкновенная пошлая светская связь, они бы оставили меня в покое. Они чувствуют, что это что-то другое, что это не игрушка, эта женщина дороже для меня жизни. И это-то непонятно и потому досадно им. Какая ни есть и ни будет наша судьба, мы ее сделали, и мы на нее не жалуемся,—говорил он, в слове *мы* соединяя себя с Анною. — Нет, им надо научить нас, как жить. Они и понятия не имеют о том, что такое счастье, они не знают, что без этой любви для нас ни счастья, ни несчастья — нет жизни», думал он.

Он сердился на всех за вмешательство именно потому, что он чувствовал в душе, что они, эти все, были правы. Он чувствовал, что любовь, связывавшая его с Анной, не бы-

ла минутное увлечение, которое пройдет, как проходят светские связи не оставив других следов в жизни того и другого, кроме приятных или неприятных воспоминаний. Он чувствовал всю мучительность своего и её положения, всю трудность при той выставленности для глаз всего света, в которой они находились, скрывать свою любовь, лгать и обманывать; и лгать, обманывать, хитрить и постоянно думать о других тогда, когда страсть, связывавшая их, была так сильна, что они оба забывали оба всем другим, кроме своей любви.

Он живо вспомнил все те часто повторявшиеся случаи необходимости лжи и обмана, которые были так противны его натуре; вспомнил особенно живо не раз замеченное в ней чувство стыда за эту необходимость обмана и лжи. И он испытал странное чувство, со времени его связи с Анною иногда находившее на него. Это было чувство омерзения к чему-то: к Алексею ли Александровичу, к себе ли, ко всему ли свету, — он не знал хорошенько. Но он всегда отгонял от себя это странное чувство. И теперь, встряхнувшись, продолжал ход своих мыслей.

«Да, она прежде была несчастлива, но горда и спокойна; а теперь она не может быть спокойна и достойна, хотя она и не показывает этого. Да, это нужно кончить», решил он сам с собою.

И ему в первый раз пришла в голову ясная мысль о том, что необходимо прекратить эту ложь, и чем скорее, тем лучше. «Бросить всё ей и мне и скрыться куда-нибудь одним с

своею любовью», сказал он себе.

XXII.

Ливень был непродолжительный, и, когда Вронский подъезжал на всей рыси коренного, вытягивавшего скакавших уже без вожжей по грязи пристяжных, солнце опять выглянуло, и крыши дач, старые липы садов по обеим сторонам главной улицы блестели мокрым блеском, и с ветвей весело капала, а с крыш бежала вода. Он не думал уже о том, как этот ливень испортит гипподром, но теперь радовался тому, что, благодаря этому дождю, наверное застанет ее дома и одну, так как он знал, что Алексей Александрович, недавно вернувшийся с вод, не переезжал из Петербурга.

Надеясь застать ее одну, Вронский, как он и всегда делал это, чтобы меньше обратить на себя внимание, слез, не переезжая мостика, и пошел пешком. Он не пошел на крыльцо с улицы, но вошел во двор.

— Барин приехал? — спросил он у садовника.

— Никак нет. Барыня дома. Да вы с крыльца пожалуйста; там люди есть, отопрут, — отвечал садовник.

— Нет, я из сада пройду.

И убедившись, что она одна, и желая застать ее врасплох, так как он не обещался быть нынче и она, верно, не думала, что он приедет пред скачками, он пошел, придерживая саблю и осторожно шагая по песку дорожки, обсаженной цвета-

ми, к террасе, выходявшей в сад. Вронский теперь забыл всё, что он думал дорогой о тяжести и трудности своего положения. Он думал об одном, что сейчас увидит ее не в одном воображении, но живую, всю, какая она есть в действительности. Он уже входил, ступая во всю ногу, чтобы не шуметь, по отлогим ступеням террасы, когда вдруг вспомнил то, что он всегда забывал, и то, что составляло самую мучительную сторону его отношений к ней, — ее сына с его вопрошающим, противным, как ему казалось, взглядом.

Мальчик этот чаще всех других был помехой их отношений. Когда он был тут, ни Вронский, ни Анна не только не позволяли себе говорить о чем-нибудь таком, чего бы они не могли повторить при всех, но они не позволяли себе даже и намеками говорить то, чего бы мальчик не понял. Они не сговаривались об этом, но это установилось само собою. Они считали бы оскорблением самих себя обманывать этого ребенка. При нем они говорили между собой как знакомые. Но, несмотря на эту осторожность, Вронский часто видел устремленный на него внимательный и недоумевающий взгляд ребенка и странную робость, неровность, то ласку, то холодность и застенчивость в отношении к себе этого мальчика. Как будто ребенок чувствовал, что между этим человеком и его матерью есть какое-то важное отношение, значения которого он понять не может.

Действительно, мальчик чувствовал, что он не может понять этого отношения, и силился и не мог уяснить себе то

чувство, которое он должен иметь к этому человеку. С чуткостью ребенка к проявлению чувства он ясно видел, что отец, гувернантка, няня – все не только не любили, но с отвращением и страхом смотрели на Вронского, хотя и ничего не говорили про него, а что мать смотрела на него как на лучшего друга.

«Что же это значит? Кто он такой? Как надо любить его? Если я не понимаю, я виноват, или я глупый или дурной мальчик», думал ребенок; и от этого происходило его испытующее, вопросительное, отчасти неприязненное выражение, и робость, и неровность, которые так стесняли Вронского. Присутствие этого ребенка всегда и неизменно вызывало во Вронском то странное чувство беспричинного омерзения, которое он испытывал последнее время. Присутствие этого ребенка вызывало во Вронском и в Анне чувство, подобное чувству мореплавателя, видящего по компасу, что направление, по которому он быстро движется, далеко расходится с надлежащим, но что остановить движение не в его силах, что каждая минута удаляет его больше и больше от должного направления и что признаться себе в отступлении – всё равно, что признаться в гибели.

Ребенок этот с своим наивным взглядом на жизнь был компас, который показывал им степень их отклонения от того, что они знали, но не хотели знать.

На этот раз Сережи не было дома, и она была совершенно одна и сидела на террасе, ожидая возвращения сына, ушед-

шего гулять и застигнутого дождем. Она послала человека и девушку искать его и сидела ожидая. Одета в белое с широким шитьем платье, она сидела в углу террасы за цветами и не слыхала его. Склонив свою чернокурчавую голову, она прижала лоб к холодной лейке, стоявшей на перилах, и обеими своими прекрасными руками, со столь знакомыми ему кольцами, придерживала лейку. Красота всей ее фигуры, головы, шеи, рук каждый раз, как неожиданностью, поражала Вронского. Он остановился, с восхищением глядя на нее. Но только что он хотел ступить шаг, чтобы приблизиться к ней, она уже почувствовала его приближение, оттолкнула лейку и повернула к нему свое разгоряченное лицо.

– Что с вами? Вы нездоровы? – сказал он по-французски, подходя к ней. Он хотел подбежать к ней; но, вспомнив, что могли быть посторонние, оглянулся на балконную дверь и покраснел, как он всякий раз краснел, чувствуя, что должен бояться и оглядываться.

– Нет, я здорова, – сказала она, вставая и крепко пожимая его протянутую руку. – Я не ждала... тебя.

– Боже мой! какие холодные руки! – сказал он.

– Ты испугал меня, – сказала она. – Я одна и жду Сережу, он пошел гулять; они отсюда придут.

Но, несмотря на то, что она старалась быть спокойна, губы ее тряслись.

– Простите меня, что я приехал, но я не мог провести дня, не видав вас, – продолжал он по-французски, как он всегда

говорил, избегая невозможно-холодного между ними *вы* и опасного *ты* по-русски.

– За что ж простить? Я так рада!

– Но вы нездоровы или огорчены, – продолжал он, не выпуская ее руки и нагибаясь над нею. – О чем вы думали?

– Всё об одном, – сказала она с улыбкой.

Она говорила правду. Когда бы, в какую минуту ни спросили бы ее, о чем она думала, она без ошибки могла ответить: об одном, о своем счастье и о своем несчастье. Она думала теперь именно, когда он застал ее, вот о чем: она думала, почему для других, для Бетси, например (она знала ее скрытую для света связь с Тушкевичем), всё это было легко, а для нее так мучительно? Нынче эта мысль, по некоторым соображениям, особенно мучала ее. Она спросила его о скачках. Он отвечал ей и, видя, что она взволнована, стараясь развлечь ее, стал рассказывать ей самым простым тоном подробности приготовлений к скачкам.

«Сказать или не сказать? – думала она, глядя в его спокойные ласковые глаза. – Он так счастлив, так занят своими скачками, что не поймет этого как надо, не поймет всего значения для нас этого события».

– Но вы не сказали, о чем вы думали, когда я вошел, – сказал он, перервав свой рассказ, – пожалуйста, скажите!

Она не отвечала и, склонив немного голову, смотрела на него из-подлобья вопросительно своими блестящими из-за длинных ресниц глазами. Рука ее, игравшая сорванным ли-

стом, дрожала. Он видел это, и лицо его выразило ту покорность, рабскую преданность, которая так подкупала ее.

– Я вижу, что случилось что-то. Разве я могу быть минуту спокоен, зная, что у вас есть горе, которого я не разделяю? Скажите ради Бога! – умоляюще повторил он.

«Да, я не прощу ему, если он не поймет всего значения этого. Лучше не говорить, зачем испытывать?» думала она, всё так же глядя на него и чувствуя, что рука ее с листком всё больше и больше трясется.

– Ради Бога! – повторил он, взяв ее руку.

– Сказать?

– Да, да, да...

– Я беременна, – сказала она тихо и медленно.

Листок в ее руке задрожал еще сильнее, но она не спускала с него глаз, чтобы видеть, как он примет это. Он побледнел, хотел что-то сказать, но остановился, выпустил ее руку и опустил голову. «Да, он понял всё значение этого события», подумала она и благодарно пожала ему руку.

Но она ошибалась в том, что он понял значение известия так, как она, женщина, его понимала. При этом известии он с удесятеренною силой почувствовал припадок этого странного, находившего на него чувства омерзения к кому-то; но вместе с тем он понял, что тот кризис, которого он желал, наступит теперь, что нельзя более скрывать от мужа, и необходимо так или иначе разорвать скорее это неестественное положение. Но, кроме того, ее волнение физически сообща-

лось ему. Он взглянул на нее умиленным, покорным взглядом, поцеловал ее руку, встал и молча прошелся по террасе.

– Да, – сказал он, решительно подходя к ней. – Ни я, ни вы не смотрели на наши отношения как на игрушку, а теперь наша судьба решена. Необходимо кончить, – сказал он оглядываясь, – ту ложь, в которой мы живем.

– Кончить? Как же кончить, Алексей? – сказала она тихо. Она успокоилась теперь, и лицо ее сияло нежною улыбкой.

– Оставить мужа и соединить нашу жизнь.

– Она соединена и так, – чуть-слышно отвечала она.

– Да, но совсем, совсем.

– Но как, Алексей, научи меня, как? – сказала она с грустною насмешкой над безвыходностью своего положения. – Разве есть выход из такого положения? Разве я не жена своего мужа?

– Из всякого положения есть выход. Нужно решиться, – сказал он. – Всё лучше, чем то положение, в котором ты живешь. Я ведь вижу, как ты мучаешься всем, и светом, и сыном, и мужем.

– Ах, только не мужем, с простою усмешкой сказала она. – Я не знаю, я не думаю о нем. Его нет.

– Ты говоришь неискренно. Я знаю тебя. Ты мучаешься и о нем.

– Да он и не знает, – сказала она, и вдруг яркая краска стала выступать на ее лицо; щеки, лоб, шея ее покраснели, и

слезы стыда выступили ей на глаза. — Да и не будем говорить об нем.

XXIII.

Вронский уже несколько раз пытался, хотя и не так решительно, как теперь, наводить ее на обсуждение своего положения и каждый раз сталкивался с тою поверхностностию и легкостью суждений, с которою она теперь отвечала на его вызов. Как будто было что-то в этом такое, чего она не могла или не хотела уяснить себе, как будто, как только она начинала говорить про это, она, настоящая Анна, уходила куда-то в себя и выступала другая, странная, чуждая ему женщина, которой он не любил и боялся и которая давала ему отпор. Но нынче он решился высказать всё.

— Знает ли он или нет, — сказал Вронский своим обычным твердым и спокойным тоном, — знает ли он или нет, нам до этого дела нет. Мы не можем... вы не можете так оставаться, особенно теперь.

— Что ж делать, по вашему? — спросила она с тою же легкою насмешливостью. Ей, которая так боялась, чтоб он не принял легко ее беременность, теперь было досадно за то, что он из этого выводил необходимость предпринять что-то.

— Объявить ему всё и оставить его.

— Очень хорошо; положим, что я сделаю это, — сказала она. — Вы знаете, что из этого будет? Я вперед всё расскажу,—

и злой свет зажегся в ее за минуту пред этим нежных глазах. — «А, вы любите другого и вступили с ним в преступную связь? (Она, представляя мужа, сделала, точно так, как это делал Алексей Александрович, ударение на слове *преступную*,) Я предупреждал вас о последствиях в религиозном, гражданском и семейном отношениях. Вы не послушали меня. Теперь я не могу отдать позору свое имя... — и своего сына, — хотела она сказать, но сыном она не могла шутить... — позору свое имя», и еще что-нибудь в таком роде, — добавила она. — Вообще он скажет со своею государственною манерой и с ясностью и точностью, что он не может отпустить меня, но примет зависящие от него меры остановить скандал. И сделает спокойно, аккуратно то, что скажет. Вот что будет. Это не человек, а машина, и злая машина, когда рассердится, — прибавила она, вспоминая при этом Алексея Александровича со всеми подробностями его фигуры, манеры говорить и его характера и в вину ставя ему всё, что только могла она найти в нем нехорошего, не прощая ему ничего за ту страшную вину, которою она была пред ним виновата.

— Но, Анна, — сказал Вронский убедительным, мягким голосом, стараясь успокоить ее, — всё-таки необходимо сказать ему, а потом уж руководиться тем, что он предпримет.

— Что ж, бежать?

— Отчего ж и не бежать? Я не вижу возможности продолжать это. И не для себя, — я вижу, что вы страдаете.

— Да, бежать, и мне сделаться вашею любовницей? — злоб-

но сказала она.

– Анна! – укоризненно-нежно проговорил он.

– Да, – продолжала она, – сделаться вашею любовницей и погубить всё...

Она опять хотела сказать: сына, но не могла выговорить этого слова.

Вронский не мог понять, как она, со своею сильною, честною натурой, могла переносить это положение обмана и не желать выйти из него; но он не догадывался, что главная причина этого было то слово *сын*, которого она не могла выговорить. Когда она думала о сыне и его будущих отношениях к бросившей его отца матери, ей так становилось страшно за то, что она сделала, что она не рассуждала, а, как женщина, старалась только успокоить себя лживыми рассуждениями и словами, с тем чтобы всё оставалось по старому и чтобы можно было забыть про страшный вопрос, что будет с сыном.

– Я прошу тебя, я умоляю тебя, – вдруг совсем другим, искренним и нежным тоном сказала она, взяв его за руку, – никогда не говори со мной об этом!

– Но, Анна...

– Никогда. Предоставь мне. Всю низость, весь ужас своего положения я знаю; но это не так легко решить, как ты думаешь. И предоставь мне, и слушайся меня. Никогда со мной не говори об этом. Обещаешь ты мне?... Нет, нет, обещай!...

– Я всё обещаю, но я не могу быть спокоен, особенно по-

сле того, что ты сказала. Я не могу быть спокоен, когда ты не можешь быть спокойна...

— Я! — повторила она. — Да, я мучаюсь иногда; но это пройдет, если ты никогда не будешь говорить со мной об этом. Когда ты говоришь со мной об этом, тогда только это меня мучает.

— Я не понимаю, — сказал он.

— Я знаю, — перебила она его, — как тяжело твоей честной натуре лгать, и жалею тебя. Я часто думаю, как для меня ты погубил свою жизнь.

— Я то же самое сейчас думал, — сказал он, — как из-за меня ты могла пожертвовать всем? Я не могу простить себе то, что ты несчастлива.

— Я несчастлива? — сказала она, приближаясь к нему и с восторженной улыбкой любви глядя на него, — я — как голодный человек, которому дали есть. Может быть, ему холодно, и платье у него разорвано, и стыдно ему, но он не несчастлив. Я несчастлива? Нет, вот мое счастье...

Она услышала голос возвращавшегося сына и, окинув быстрым взглядом террасу, порывисто встала. Взгляд ее зажегся знакомым ему огнем, она быстрым движением подняла свои красивые, покрытые кольцами руки, взяла его за голову, посмотрела на него долгим взглядом и, приблизив свое лицо с открытыми, улыбающимися губами, быстро поцеловала его рот и оба глаза и оттолкнула. Она хотела идти, но он удержал ее.

— Когда? — проговорил он шопотом, восторженно глядя на нее.

— Нынче, в час, — прошептала она и, тяжело вздохнув, пошла своим легким и быстрым шагом навстречу сыну.

Сережу дождь застал в большом саду, и они с няней присидели в беседке.

— Ну, до свиданья, — сказала она Вронскому. — Теперь скоро надо на скачки. Бетси обещала заехать за мной.

Вронский, взглянув на часы, поспешно уехал.

XXIV.

Когда Вронский смотрел на часы на балконе Карениных, он был так растревожен и занят своими мыслями, что видел стрелки на циферблате, но не мог понять, который час. Он вышел на шоссе и направился, осторожно ступая по грязи, к своей коляске. Он был до такой степени переполнен чувством к Анне, что и не подумал о том, который час и есть ли ему еще время ехать к Брянскому. У него оставалась, как это часто бывает, только внешняя способность памяти, указывающая, что вслед за чем решено сделать. Он подошел к своему кучеру, задремавшему на козлах в косой уже тени густой липы, полюбовался переливающимися столбами толкачиков-мошек, вившихся над плотными лошадьми и, разбудив кучера, вскочил в коляску и велел ехать к Брянскому. Только отъехав верст семь, он настолько опомнился, что по-

смотрел на часы и понял, что было половина шестого и что он опоздал.

В этот день было несколько скачек: скачка конвойных, потом двухверстная офицерская, четырехверстная и та скачка, в которой он скакал. К своей скачке он мог поспеть, но если он поедет к Брянскому, то он только так приедет, и приедет, когда уже будет весь Двор. Это было нехорошо. Но он дал Брянскому слово быть у него и потому решил ехать дальше, приказав кучеру не жалеть тройки.

Он приехал к Брянскому, пробыл у него пять минут и поскакал назад. Эта быстрая езда успокоила его. Всё тяжелое, что было в его отношениях к Анне, вся неопределенность, оставшаяся после их разговора, всё выскочило из его головы; он с наслаждением и волнением думал теперь о скачке, о том, что он всё-таки поспеет, и изредка ожидание счастья свидания нынешней ночи вспыхивало ярким светом в его воображении.

Чувство предстоящей скачки всё более и более охватывало его по мере того, как он въезжал дальше и дальше в атмосферу скачек, обгоняя экипажи ехавших с дач и из Петербурга на скачки.

На его квартире никого уже не было дома: все были на скачках, и лакей его дожидался у ворот. Пока он переодевался, лакей сообщил ему, что уже начались вторые скачки, что приходило много господ спрашивать про него, и из конюшни два раза прибежал мальчик.

Переодевшись без торопливости (он никогда не торопился и не терял самообладания), Вронский велел ехать к баракам. От барakov ему уже были видны море экипажей, пешеходов, солдат, окружавших гипподром, и кипящие народом беседки. Шли, вероятно, вторые скачки, потому что в то время, как он входил в барак, он слышал звонок. Подходя к конюшне, он встретился с белоногим рыжим Гладиатором Махотина, которого в оранжевой с синим попоне с кажущимися огромными, отороченными синим ушами вели на гипподром.

– Где Корд? – спросил он у конюха.

– В конюшне, седлают.

В отворенном деннике Фру-Фру уже была оседлана. Ее собирались выводить.

– Не опоздал?

– All right! All right! Всё исправно, всё исправно, – проговорил Англичанин, – не будьте взволнованы.

Вронский еще раз окинул взглядом прелестные, любимые формы лошади, дрожавшей всем телом, и, с трудом оторвавшись от этого зрелища, вышел из барака. Он подъехал к беседкам в самое выгодное время для того, чтобы не обратить на себя ничьего внимания. Только что кончилась двухверстная скачка, и все глаза были устремлены на кавалергарда впереди и лейб-гусара сзади, из последних сил погонявших лошадей и подходивших к столбу. Из середины и извне круга все теснились к столбу, и кавалергардская группа солдат и

офицеров громкими возгласами выражала радость ожидаемого торжества своего офицера и товарища. Вронский незаметно вошел в середину толпы почти в то самое время, как раздался звонок, оканчивающий скачки, и высокий, забрызганный грязью кавалергард, пришедший первым, опустившись на седло, стал спускать поводья своему серому, потемневшему от поту, тяжело дышащему жеребцу.

Жеребец, с усилием тыкаясь ногами, укоротил быстрый ход своего большого тела, и кавалергардский офицер, как человек, проснувшийся от тяжелого сна, оглянулся кругом и с трудом улыбнулся. Толпа своих и чужих окружила его.

Вронский умышленно избегал той избранной, великосветской толпы, которая сдержанно и свободно двигалась и переговаривалась пред беседками. Он узнал, что там была и Каренина, и Бетси, и жена его брата, и нарочно, чтобы не развлечься, не подходил к ним. Но беспрестанно встречавшиеся знакомые останавливали его, рассказывая ему подробности бывших скачек и расспрашивая его, почему он опоздал.

В то время как скакавшие были призваны в беседку для получения призов и все обратились туда, старший брат Вронского, Александр, полковник с аксельбантами, невысокий ростом, такой же коренастый, как и Алексей, но более красивый и румяный, с красным носом и пьяным, открытым лицом, подошел к нему.

– Ты получил мою записку? – сказал он. – Тебя никогда не найдешь.

Александр Вронский, несмотря на разгульную, в особенности пьяную жизнь, по которой он был известен, был вполне придворный человек.

Он теперь, говоря с братом о неприятной весьма для него вещи, зная, что глаза многих могут быть устремлены на них, имел вид улыбающийся, как будто он о чем-нибудь неважном шутил с братом.

– Я получил и, право, не понимаю, о чем *ты* заботишься, – сказал Алексей.

– Я о том забочусь, что сейчас мне было замечено, что тебя нет и что в понедельник тебя встретили в Петергофе.

– Есть дела, которые подлежат обсуждению только тех, кто прямо в них заинтересован, и то дело, о котором ты так заботишься, такое...

– Да, но тогда не служат, не...

– Я тебя прошу не вмешиваться, и только.

Нахмуренное лицо Алексея Вронского побледнело, и выдающаяся нижняя челюсть его дрогнула, что с ним бывало редко. Он, как человек с очень добрым сердцем, сердился редко, но когда сердился и когда у него дрожал подбородок, то, как это и знал Александр Вронский, он был опасен. Александр Вронский весело улыбнулся.

– Я только хотел передать письмо матушки. Отвечай ей и не расстраивайся пред ездой. *Vonne chance*, – прибавил он улыбаясь и отошел от него.

Но вслед за ним опять дружеское приветствие остановило

Вронского.

– Не хочешь знать приятелей! Здравствуй, mon cher! – заговорил Степан Аркадьич, и здесь, среди этого петербургского блеска, не менее, чем в Москве, блистая своим румяным лицом и лоснящимися расчесанными бакенбардами. – Вчера приехал и очень рад, что увижу твое торжество. Когда увидимся?

– Заходи завтра в артель, – сказал Вронский и, пожав его, извиняясь, за рукав пальто, отошел в середину гипподрома, куда уже вводили лошадей для большой скачки с препятствиями.

Потные, измученные скакавшие лошади, провожаемые конюхами, уводились домой, и одна за другой появлялись новые к предстоящей скачке, свежие, большею частию английские лошади, в капорах, со своими поддернутыми животами, похожие на странных огромных птиц. Направо водили поджарую красавицу Фру-Фру, которая как на пружинах переступала на своих эластичных и довольно длинных бабках. Недалеко от нее снимали попону с лопоухого Гладиа-тора. Крупные, прелестные, совершенно правильные формы жеребца с чудесным задом и необычайно короткими, над самими копытами сидевшими бабками невольно останавливали на себе внимание Вронского. Он хотел подойти к своей лошади, но его опять задержал знакомый.

– А, вот Каренин! – сказал ему знакомый, с которым он разговаривал. – Ищет жену, а она в середине беседки. Вы не

видали ее?

– Нет, не видал, – отвечал Вронский и, не оглянувшись даже на беседку, в которой ему указывали на Каренину, подошел к своей лошади.

Не успел Вронский посмотреть седло, о котором надо было сделать распоряжение, как скачущих позвали к беседке для вынимания номеров и отправления. С серьезными, строгими, многие с бледными лицами, семнадцать человек офицеров сошлись к беседке и разобрали номера. Вронскому достался 7-й номер. Послышалось: «садиться!»

Чувствуя, что он вместе с другими скачущими составляет центр, на который устремлены все глаза, Вронский в напряженном состоянии, в котором он обыкновенно делался медлителен и спокоен в движениях, подошел к своей лошади. Корд для торжества скачек оделся в свой парадный костюм, черный застегнутый сюртук, туго-накрахмаленные воротнички, подпиравшие ему щеки, и в круглую, черную шляпу и ботфорты. Он был, как и всегда, спокоен и важен и сам держал за оба поводья лошадь, стоя пред нею. Фру-Фру продолжала дрожать, как в лихорадке. Полный огня глаз ее косился на подходившего Вронского. Вронский подsunул палец под подпругу. Лошадь покосилась сильнее, оскалилась и прижала ухо. Англичанин поморщился губами, желая выразить улыбку над тем, что поверяли его седланье.

– Садитесь, меньше будете волноваться.

Вронский оглянулся в последний раз на своих соперни-

ков. Он знал, что на езде он уже не увидит их. Двое уже ехали вперед к месту, откуда должны были пускать. Гальцин, один из опасных соперников и приятель Вронского, вертелся вокруг гнедого жеребца, не дававшего садиться. Маленький лейб-гусар в узких рейтузах ехал галопом, согнувшись, как кот, на крупу, из желания подражать Англичанам. Князь Кузовлев сидел бледный на своей кровной, Грабовского завода, кобыле, и Англичанин вел ее под уздцы. Вронский и все его товарищи знали Кузовлева и его особенность «слабых» нервов и страшного самолюбия. Они знали, что он боялся всего, боялся ездить на фронтовой лошади; но теперь, именно потому, что это было страшно, потому что люди ломали себе шеи и что у каждого препятствия стояли доктор, лазаретная фура с нашитым крестом и сестрою милосердия, он решился скакать. Они встретились глазами, и Вронский ласково и одобрительно подмигнул ему. Одного только он не видал, главного соперника, Махотина на Гладиаторе.

– Не торопитесь, – сказал Корд Вронскому, – и помните одно: не задерживайте у препятствий и не посылайте, давайте ей выбирать, как она хочет.

– Хорошо, хорошо, – сказал Вронский, взявшись за поводья.

– Если можно, ведите скачку; но не отчаивайтесь до последней минуты, если бы вы были и сзади.

Лошадь не успела двинуться, как Вронский гибким и сильным движением стал в стальное, зазубренное стремя и

легко, твердо положил свое сбитое тело на скрипящее кожей седло. Взяв правою ногой стремя, он привычным жестом уравнил между пальцами двойные поводья, и Корд пустил руки. Как будто не зная, какою прежде ступить ногой, Фру-Фру, вытягивая длинною шеей поводья, тронулась, как на пружинах, покачивая седока на своей гибкой спине. Корд, прибавляя шага, шел за ним. Взволнованная лошадь то с той, то с другой стороны, стараясь обмануть седока, вытягивала поводья, и Вронский тщетно голосом и рукой старался успокоить ее.

Они уже подходили к запруженной реке, направляясь к тому месту, откуда должны были пускать их. Многие из скачущих были впереди, многие сзади, как вдруг Вронский услышал сзади себя по грязи дороги звуки галопа лошади, и его обогнал Махотин на своем белоногом, лопоухом Гладиаторе. Махотин улыбнулся, выставляя свои длинные зубы, но Вронский сердито взглянул на него. Он не любил его вообще, теперь же считал его самым опасным соперником, и ему досадно стало на него, что он проскакал мимо, разгорячив его лошадь. Фру-Фру вскинула левую ногу на галоп и сделала два прыжка и, сердясь на натянутые поводья, перешла на тряскую рысь, вскидывавшую седока. Корд тоже нахмурился и почти бежал иноходью за Вронским.

XXV.

Всех офицеров скакало семнадцать человек. Скачки должны были происходить на большом четырехверстном эллиптической формы кругу пред беседкой. На этом кругу были устроены девять препятствий: река, большой, в два аршина, глухой барьер пред самою беседкой, канава сухая, канава с водою, косогор, ирландская банкетка, состоящая (одно из самых трудных препятствий), из вала, утыканного хворостом, за которым, невидная для лошади, была еще канава, так что лошадь должна была перепрыгнуть оба препятствия или убиться; потом еще две канавы с водою и одна сухая, — и конец скачки был против беседки. Но начинались скачки не с круга, а за сто сажен в стороне от него, и на этом расстоянии было первое препятствие — запруженная река в три аршина шириною, которую ездоки по произволу могли перепрыгивать или переезжать в брод.

Раза три ездоки выравнивались, но каждый раз высовывалась чья-нибудь лошадь, и нужно было заезжать опять сначала. Знаток пускания, полковник Сестрин, начинал уже сердиться, когда наконец в четвертый раз крикнул: «пошел!» — и ездоки тронулись.

Все глаза, все бинокли были обращены на пеструю кучку всадников, в то время как они выравнивались.

«Пустили! Скачут!» слышалось со всех сторон после

тишины ожидания.

И кучки и одинокие пешеходы стали перебегать с места на место, чтобы лучше видеть. В первую же минуту собранная кучка всадников растянулась, и видно было, как они по два, по три и один за другим близятся к реке. Для зрителей казалось, что они все поскакали вместе; но для ездовых были секунды разницы, имевшие для них большое значение.

Взволнованная и слишком нервная Фру-Фру потеряла первый момент, и несколько лошадей взяли с места прежде ее, но, еще не доскакивая реки, Вронский, изо всех сил сдерживая влегшую в поводья лошадь, легко обошел трех, и впереди его остался только рыжий Гладиатор Махотина, ровно и легко отбивавший задом пред самым Вронским, и еще впереди всех прелестная Диана, несшая ни живого, ни мертвого Кузовлева.

В первые минуты Вронский еще не владел ни собою, ни лошадью. Он до первого препятствия, реки, не мог руководить движениями лошади.

Гладиатор и Диана подходили вместе, и почти в один и тот же момент: раз-раз, поднялись над рекой и перелетели на другую сторону; незаметно, как бы летя, взвилась за ними Фру-Фру, но в то самое время, как Вронский чувствовал себя на воздухе, он вдруг увидал, почти под ногами своей лошади, Кузовлева, который барахтался с Дианой на той стороне реки (Кузовлев пустил поводья после прыжка, и лошадь полетела с ним через голову). Подробности эти Врон-

ский узнал уже после, теперь же он видел только то, что прямо под ноги, куда должна стать Фру-Фру, может попасть нога или голова Дианы. Но Фру-Фру, как падающая кошка, сделала на прыжке усилие ногами и спиной и, миновав лошадь, понеслась дальше.

«О, милая!» подумал Вронский.

После реки Вронский овладел вполне лошадью и стал удерживать ее, намереваясь перейти большой барьер позади Махотина и уже на следующей, беспрепятственной дистанции саженой в двести попытаться обойти его.

Большой барьер стоял пред самой царскою беседкой. Государь, и весь двор, и толпы народа – все смотрели на них, – на него и на шедшего на лошадь дистанции впереди Махотина, когда они подходили к чорту (так назывался глухой барьер). Вронский чувствовал эти направленные на него со всех сторон глаза, но он ничего не видел, кроме ушей и шеи своей лошади, бежавшей ему навстречу земли и крупа и белых ног Гладиатора, быстро отбивавших такт впереди его и остававшихся всё в одном и том же расстоянии. Гладиатор поднялся, не стукнув ничем, взмахнул коротким хвостом и исчез из глаз Вронского.

– Bravo! – сказал чей-то один голос.

В то же мгновение пред глазами Вронского, пред ним самим, мелькнули доски барьера. Без малейшей перемены движения лошадь взвилась под ним; доски скрылись, и только сзади стукнуло что-то. Разгоряченная шедшим впереди Гла-

диатором, лошадь поднялась слишком рано перед барьером и стукнула о него задним копытом. Но ход ее не изменился, и Вронский, получив в лицо комок грязи, понял, что он стал опять в то же расстояние от Гладиатора. Он увидел опять впереди себя его круп, короткий хвост, и опять те же неудачающиеся, быстро движущиеся белые ноги.

В то самое мгновение, как Вронский подумал о том, что надо теперь обходить Махотина, сама Фру-Фру, поняв уже то, что он подумал, безо всякого поощрения, значительно надала и стала приближаться к Махотину с самой выгодной стороны, со стороны веревки. Махотин не давал веревки. Вронский только подумал о том, что можно обойти и извне, как Фру-Фру переменила ногу и стала обходить именно таким образом. Начиравшее уже темнеть от пота плечо Фру-Фру поравнялось с крупом Гладиатора. Несколько скачков они прошли рядом. Но пред препятствием, к которому они подходили, Вронский, чтобы не итти большой круг, стал работать поводьями, и быстро, на самом косогоре, обошел Махотина. Он видел мельком его лицо, забрызганное грязью. Ему даже показалось, что он улыбнулся. Вронский обошел Махотина, но он чувствовал его сейчас же за собой и не переставая слышал за самою спиной ровный поскок и отрывистое, совсем еще свежее дыхание ноздрей Гладиатора.

Следующие два препятствия, канава и барьер, были перейдены легко, но Вронский стал слышать ближе сап и скок Гладиатора. Он послал лошадь и с радостью почувствовал,

что она легко прибавила ходу, и звук копыт Гладиатора стал слышен опять в том же прежнем расстоянии.

Вронский вел скачку — то самое, что он и хотел сделать и что ему советовал Корд, и теперь он был уверен в успехе. Волнение его, радость и нежность к Фру-Фру всё усиливались. Ему хотелось оглянуться назад, но он не смел этого сделать и старался успокаивать себя и не посылать лошади, чтобы приберечь в ней запас, равный тому, который, он чувствовал, оставался в Гладиаторе. Оставалось одно и самое трудное препятствие; если он перейдет его впереди других, то он придет первым. Он подскакивал к ирландской банкетке. Вместе с Фру-Фру он еще издалека видел эту банкетку, и вместе им обоим, ему и лошади, пришло мгновенное сомнение. Он заметил нерешимость в ушах лошади и поднял хлыст, но тотчас же почувствовал, что сомнение было неосновательно: лошадь знала, что нужно. Она наддала и мерно, так точно, как он предполагал, взвилась и, оттолкнувшись от земли, отдалась силе инерции, которая перенесла ее далеко за канаву; и в том же самом такте, без усилия, с той же ноги, Фру-Фру продолжала скачку.

— Bravo, Вронский! — слышались ему голоса кучки людей — он знал, его полка и приятелей, — которые стояли у этого препятствия; он не мог не узнать голоса Яшвина, но он не видал его.

«О, прелесть моя!» думал он на Фру-Фру, прислушиваясь к тому, что происходило сзади. «Перескочил!» подумал он,

услыхав сзади поскок Гладиятора. Оставалась одна последняя канавка с водой в два аршина. Вронский и не смотрел на нее, а, желая прийти далеко первым, стал работать поводьями кругообразно, в такт скока поднимая и опуская голову лошади. Он чувствовал, что лошадь шла из последнего запаса; не только шея и плечи ее были мокры, но на загривке, на голове, на острых ушах каплями выступал пот, и она дышала резко и коротко. Но он знал, что запаса этого слишком достанет на остающиеся 200 сажен. Только потому, что он чувствовал себя ближе к земле, и по особенной мягкости движения Вронский знал, как много прибавила быстроты его лошадь. Канавку она перелетела, как бы не замечая. Она перелетела ее, как птица; но в это самое время Вронский, к ужасу своему, почувствовал, что, не поспев за движением лошади, он, сам не понимая как, сделал скверное, непростительное движение, опустившись на седло. Вдруг положение его изменилось, и он понял, что случилось что-то ужасное. Он не мог еще дать себе отчета о том, что случилось, как уже мелькнули подле самого его белые ноги рыжего жеребца, и Махотин на быстром скаку прошел мимо. Вронский касался одной ногой земли, и его лошадь валилась на эту ногу. Он едва успел выпростать ногу, как она упала на один бок, тяжело хрипя, и, делая, чтобы подняться, тщетные усилия своей тонкою, потною шеей, она затрепыхалась на земле у его ног, как подстреленная птица. Неловкое движение, сделанное Вронским, сломало ей спину. Но это он понял гораз-

до после. Теперь же он видел только то, что Махотин быстро удалялся, а он, шатаясь, стоял один на грязной неподвижной земле, а пред ним, тяжело дыша, лежала Фру-Фру и, перегнув к нему голову, смотрела на него своим прелестным глазом. Всё еще не понимая того, что случилось, Вронский тянул лошадь за повод. Она опять вся забилась, как рыбка, треща крыльями седла, выпростала передние ноги, но, не в силах поднять зада, тотчас же замоталась и опять упала на бок. С изуродованным страстью лицом, бледный и с трясущеюся нижнею челюстью, Вронский ударил ее каблуком в живот и опять стал тянуть за поводья. Но она не двигалась, а, уткнув храп в землю, только смотрела на хозяина своим говорящим взглядом.

— Ааа! — промычал Вронский, схватившись за голову. — Ааа! что я сделал! — прокричал он. — И проигранная скачка! И своя вина, постыдная, непростительная! И эта несчастная, милая, погубленная лошадь! — Ааа! что я сделал!

Народ, доктор и фельдшер, офицеры его полка, бежали к нему. К своему несчастью, он чувствовал, что был цел и невредим. Лошадь сломала себе спину, и решено было ее пристрелить. Вронский не мог отвечать на вопросы, не мог говорить ни с кем. Он повернулся и, не подняв соскочившей с головы фуражки, пошел прочь от гипподрома, сам не зная куда. Он чувствовал себя несчастным. В первый раз в жизни он испытал самое тяжелое несчастье, несчастье неисправимое и такое, в котором виною сам.

Яшвин с фуражкой догнал его, проводил его до дома, и через полчаса Вронский пришел в себя. Но воспоминание об этой скачке надолго осталось в его душе самым тяжелым и мучительным воспоминанием в его жизни.

XXVI.

Внешние отношения Алексея Александровича с женою были такие же, как и прежде. Единственная разница состояла в том, что он еще более был занят, чем прежде. Как и в прежние года, он с открытием весны поехал на воды за границу поправлять свое расстраиваемое ежегодно усиленным зимним трудом здоровье и, как обыкновенно, вернулся в июле и тотчас же с увеличенною энергией взялся за свою обычную работу. Как и обыкновенно, жена его переехала на дачу, а он остался в Петербурге.

Со времени того разговора после вечера у княгини Тверской он никогда не говорил с Анною о своих подозрениях и ревности, и тот его обычный тон представления кого-то был как нельзя более удобен для его теперешних отношений к жене. Он был несколько холоднее к жене. Он только как будто имел на нее маленькое неудовольствие за тот первый ночной разговор, который она отклонила от себя. В его отношениях к ней был оттенок досады, но не более. «Ты не хотела объясниться со мной, — как будто говорил он, мысленно обращаясь к ней, — тем хуже для тебя. Теперь уж ты будешь

просить меня, а я не стану объясняться. Тем хуже для тебя», говорил он мысленно, как человек, который бы тщетно попытался потушить пожар, рассердился бы на свои тщетные усилия и сказал бы: «так на же тебе! так сгоришь за это!»

Он, этот умный и тонкий в служебных делах человек, не понимал всего безумия такого отношения к жене. Он не понимал этого, потому что ему было слишком страшно понять свое настоящее положение, и он в душе своей закрыл, запер и запечатал тот ящик, в котором у него находились его чувства к семье, т. е. к жене и сыну. Он, внимательный отец, с конца этой зимы стал особенно холоден к сыну и имел к нему то же подтрунивающее отношение, как и к желе. «А! молодой человек!» обращался он к нему.

Алексей Александрович думал и говорил, что ни в какой год у него не было столько служебного дела, как в нынешний; но он не сознавал того, что он сам выдумывал себе в нынешнем году дела, что это было одно из средств не открывать того ящика, где лежали чувства к жене и семье и мысли о них и которые делались тем страшнее, чем дольше они там лежали. Если бы кто-нибудь имел право спросить Алексея Александровича, что он думает о поведении своей жены, то кроткий, смирный Алексей Александрович ничего не ответил бы, а очень бы рассердился на того человека, который у него спросил бы про это. От этого-то и было в выражении лица Алексея Александровича что-то гордое и строгое, когда у него спрашивали про здоровье его жены. Алексей Алексан-

дрович ничего не хотел думать о поведении и чувствах своей жены, и действительно он об этом ничего не думал.

Постоянная дача Алексея Александровича была в Петергофе, и обыкновенно графиня Лидия Ивановна жила лето там же, в соседстве и постоянных сношениях с Анной. В нынешнем году графиня Лидия Ивановна отказалась жить в Петергофе, ни разу не была у Анны Аркадьевны и намекнула Алексею Александровичу на неудобство сближения Анны с Бетси и Вронским. Алексей Александрович строго остановил ее, высказав мысль, что жена его выше подозрения, и с тех пор стал избегать графини Лидии Ивановны. Он не хотел видеть и не видел, что в свете уже многие косо смотрят на его жену, не хотел понимать и не понимал, почему жена его особенно настаивала на том, чтобы переехать в Царское, где жила Бетси, откуда недалеко было до лагеря полка Вронского. Он не позволял себе думать об этом и не думал; но вместе с тем он в глубине своей души никогда не высказывая этого самому себе и не имея на то никаких не только доказательств, но и подозрений, знал несомненно, что он был обманутый муж, и был от этого глубоко несчастлив.

Сколько раз во время своей восьмилетней счастливой жизни с женой, глядя на чужих неверных жен и обманутых мужей, говорил себе Алексей Александрович: «как допустить до этого? как не развязать этого безобразного положения?» Но теперь, когда беда пала на его голову, он не только не думал о том, как развязать это положение, но вовсе не

хотел знать его, не хотел знать именно потому, что оно было слишком ужасно, слишком неестественно.

Со времени своего возвращения из-за границы Алексей Александрович два раза был на даче. Один раз обедал, другой раз провел вечер с гостями, но ни разу не ночевал, как он имел обыкновение делать это в прежние годы.

День скачек был очень занятой день для Алексея Александровича; но, с утра еще сделав себе расписание дня, он решил, что тотчас после раннего обеда он поедет на дачу к жене и оттуда на скачки, на которых будет весь Двор и на которых ему надо быть. К жене же он заедет потому, что он решил себе бывать у нее в неделю раз для приличия. Кроме того, в этот день ему нужно было передать жене к пятнадцатому числу, по заведенному порядку, на расход деньги.

С обычной властью над своими мыслями, обдумав всё это о жене, он не позволил своим мыслям распространяться далее о том, что касалось ее.

Утро это было очень занято у Алексея Александровича. Накануне графиня Лидия Ивановна прислала ему брошюру бывшего в Петербурге знаменитого путешественника в Китае с письмом, прося его принять самого путешественника, человека, по разным соображениям весьма интересного и нужного. Алексей Александрович не успел прочесть брошюру вечером и дочитал ее утром. Потом явились просители, начались доклады, приемы, назначения, удаления, распределения наград, пенсий, жалованья, переписки – то буд-

ничное дело, как называл его Алексей Александрович, отнимавшее так много времени. Потом было личное дело, посещение доктора и управляющего делами. Управляющий делами не занял много времени. Он только передал нужные для Алексея Александровича деньги и дал краткий отчет о состоянии дел, которые были не совсем хороши, так как случилось, что нынешний год вследствие частых выездов было прожито больше, и был дефицит. Но доктор, знаменитый петербургский доктор, находившийся в приятельских отношениях к Алексею Александровичу, занял много времени. Алексей Александрович и не ждал его нынче и был удивлен его приездом и еще более тем, что доктор очень внимательно расспросил Алексея Александровича про его состояние, прослушал его грудь, постучал и пощупал печень. Алексей Александрович не знал, что его друг Лидия Ивановна, заметив, что здоровье Алексея Александровича нынешний год нехорошо, просила доктора приехать и посмотреть больного. «Сделайте это для меня», сказала ему графиня Лидия Ивановна.

– Я сделаю это для России, графиня, – отвечал доктор.

– Бесценный человек! – сказала графиня Лидия Ивановна.

Доктор остался очень недоволен Алексеем Александровичем. Он нашел печень значительно увеличенную, питание уменьшенным и действия вод никакого. Он предписал как можно больше движения физического и как можно меньше

умственного напряжения и, главное, никаких огорчений, то есть то самое, что было для Алексея Александровича так же невозможно, как не дышать; и уехал, оставив в Алексее Александровиче неприятное сознание того, что что-то в нем нехорошо и что исправить этого нельзя.

Выходя от Алексея Александровича, доктор столкнулся на крыльце с хорошо знакомым ему Слюдиным, правителем дел Алексея Александровича. Они были товарищами по университету и, хотя редко встречались, уважали друг друга и были хорошие приятели, и оттого никому, как Слюдину, доктор не высказал бы своего откровенного мнения о больном.

– Как я рад, что вы у него были, – сказал Слюдин. – Он нехорош, и мне кажется... Ну что?

– А вот что, – сказал доктор, махая через голову Слюдина своему кучеру, чтоб он подавал. – Вот что, – сказал доктор, взяв в свои белые руки палец лайковой перчатки и натянув его. – Не натягивайте струны и попробуйте перервать – очень трудно; но натяните до последней возможности и наляжьте тяжестью пальца на натянутую струну – она лопнет. А он по своей усидчивости, добросовестности к работе, – он натянут до последней степени; а давление постороннее есть, и тяжелое, – заключил доктор, значительно подняв брови. – Будете на скачках? – прибавил он, спускаясь к поданной карете! – Да, да, разумеется, берет много времени, – отвечал доктор что-то такое на сказанное Слюдиным и нерасслышанное им.

Вслед за доктором, отнявшим так много времени, явился знаменитый путешественник, и Алексей Александрович, пользуясь только что прочитанной брошюрой и своим прежним знанием этого предмета, поразил путешественника глубиною своего знания предмета и широтою просвещенного взгляда.

Вместе с путешественником было доложено о приезде губернского предводителя, явившегося и Петербург и с которым нужно было переговорить. После его отъезда нужно было закончить занятия будничные с правителем дел и еще надо было съездить по серьезному и важному делу к одному значительному лицу. Алексей Александрович только успел вернуться к пяти часам, времени своего обеда, и, пообедав с правителем дел, пригласил его с собой вместе ехать на дачу и на скачки.

Не отдавая себе в том отчета, Алексей Александрович искал теперь случая иметь третье лицо при своих свиданиях с женою.

XXVII.

Анна стояла наверху пред зеркалом, прикалывая с помощью Аннушки последний бант на платье, когда она услышала у подъезда звуки давящих щибень колес.

«Для Бетси еще рано», подумала она и, взглянув в окно, увидела карету и высовывающуюся из нее черную шля-

пу и столь знакомые ей уши Алексея Александровича. «Вот некстати; неужели ночевать?» подумала она, и ей так показалось ужасно и страшно всё, что могло от этого выйти, что она, ни минуты не задумываясь, с веселым и сияющим лицом вышла к ним навстречу и, чувствуя в себе присутствие уже знакомого ей духа лжи и обмана, тотчас же отдалась этому духу и начала говорить, сама не зная, что скажет.

– А, как это мило! – сказала она, подавая руку мужу и улыбкой здороваясь с домашним человеком, Слюдиным. – Ты ночуешь, надеюсь? – было первое слово, которое подсказал ей дух обмана, – а теперь едем вместе. Только жаль, что я обещала Бетси. Она заедет за мной.

Алексей Александрович поморщился при имени Бетси.

– О, я не стану разлучать неразлучных, – сказал он своим обычным тоном шутки. – Мы поедем с Михайлом Васильевичем. Мне и доктора велят ходить. Я пройдуся дорогой и буду воображать, что я на водах.

– Торопиться некуда, – сказала Анна. – Хотите чаю? – Она позвонила.

– Подайте чаю да скажите Сереже, что Алексей Александрович приехал. Ну, что, как твое здоровье? Михаил Васильевич, вы у меня не были; посмотрите, как на балконе у меня хорошо, – говорила она, обращаясь то к тому, то к другому.

Она говорила очень просто и естественно, но слишком много и слишком скоро. Она сама чувствовала это, тем более

что в любопытном взгляде, которым взглянул на нее Михаил Васильевич, она заметила, что он как будто наблюдал ее.

Михаил Васильевич тотчас же вышел на террасу.

Она села подле мужа.

– У тебя не совсем хороший вид, – сказала она.

– Да, – сказал он, – нынче доктор был у меня и отнял час времени. Я чувствую, что кто-нибудь из друзей моих прислал его: так драгоценно мое здоровье...

– Нет, что ж он сказал?

Она спрашивала его о здоровье и занятиях, уговаривала отдохнуть и переехать к ней.

Всё это она говорила весело, быстро и с особенным блеском в глазах; но Алексей Александрович теперь не приписывал этому тону ее никакого значения. Он слышал только ее слова и придавал им только тот прямой смысл, который они имели. И он отвечал ей просто, хотя и шутливо. Во всем разговоре этом не было ничего особенного, но никогда после без мучительной боли стыда Анна не могла вспомнить всей этой короткой сцены.

Вошел Сережа, предшествоваемый гувернанткой. Если б Алексей Александрович позволил себе наблюдать, он заметил бы робкий, растерянный взгляд, с каким Сережа взглянул на отца, а потом на мать. Но он ничего не хотел видеть и не видал.

– А, молодой человек! Он вырос. Право, совсем мужчина делается. Здравствуй, молодой человек.

И он подал руку испуганному Сереже.

Сережа, и прежде робкий в отношении к отцу, теперь, после того как Алексей Александрович стал его звать молодым человеком и как ему зашла в голову загадка о том, друг или враг Вронский, чуждался отца. Он, как бы прося защиты, оглянулся на мать. С одною матерью ему было хорошо. Алексей Александрович между тем, заговорив с гувернанткой, держал сына за плечо, и Сереже было так мучительно неловко, что Анна видела, что он собирается плакать.

Анна, покрасневшая в ту минуту, как вошел сын, заметив, что Сереже неловко, быстро вскочила, подняла с плеча сына руку Алексея Александровича и, поцеловав сына, повела его на террасу и тотчас же вернулась.

— Однако пора уже, — сказала она, взглянув на свои часы, — что это Бетси не едет!...

— Да, — сказал Алексей Александрович и, встав, заложил руки и потрещал ими. — Я заехал еще привезть тебе денег, так как соловья баснями не кормят, — сказал он. — Тебе нужно, я думаю.

— Нет, не нужно... да, нужно, — сказала она, не глядя на него и краснея до корней волос. — Да ты, я думаю, заедешь сюда со скачек.

— О да! — отвечал Алексей Александрович. — Вот и краса Петергофа, княгиня Тверская, — прибавил он, взглянув в окно на подъезжавший английский, в шорах, экипаж с чрезвычайно высоко поставленным крошечным кузовом коляски. —

Какое щегольство! Прелесть! Ну, так поедemте и мы.

Княгиня Тверская не выходила из экипажа, а только ее в штиблетах, пелеринке и черной шляпке лакей соскочил у подъезда.

— Я иду, прощайте! — сказала Анна и, поцеловав сына, подошла к Алексею Александровичу и протянула ему руку. — Ты очень мил, что приехал.

Алексей Александрович поцеловал ее руку.

— Ну, так до свиданья. Ты заедешь чай пить, и прекрасно! — сказала она и вышла, сияющая и веселая. Но, как только она перестала видеть его, она почувствовала то место на руке, к которому прикоснулись его губы, и с отвращением вздрогнула.

XXVIII.

Когда Алексей Александрович появился на скачках, Анна уже сидела в беседке рядом с Бетси, в той беседке, где собиралось всё высшее общество. Она увидела мужа еще издалека. Два человека, муж и любовник, были для нее двумя центрами жизни, и без помощи внешних чувств она чувствовала их близость. Она еще издалека почувствовала приближение мужа и невольно следила за ним в тех волнах толпы, между которыми он двигался. Она видела, как он подходил к беседке, то снисходительно отвечая на заискивающие поклоны, то дружелюбно, рассеянno здороваясь с равными, то

старательно выжидая взгляда сильных мира и снимая свою круглую, большую шляпу, нажимавшую кончики его ушей. Она знала все эти приемы, и все они ей были отвратительны. «Одно честолюбие, одно желание успеть – вот всё, что есть в его душе, – думала она, – а высокие соображения, любовь к просвещению, религия, всё это – только орудия для того, чтоб успеть».

По его взглядам на дамскую беседку (он смотрел прямо на нее, но не узнавал жены в море кисеи, лент, перьев, зонтиков и цветов) она поняла, что он искал ее; но она нарочно не замечала его.

– Алексей Александрович! – закричала ему княгиня Бетси, – вы верно не видите жену; вот она!

Он улыбнулся своею холодною улыбкой.

– Здесь столько блеска, что глаза разбежались, – сказал он и пошел в беседку. Он улыбнулся жене, как должен улыбнуться муж, встречая жену, с которою он только что виделся, и поздоровался с княгиней и другими знакомыми, воздав каждому должное, то есть пошутив с дамами и перекинувшись приветствиями с мужчинами. Внизу подле беседки стоял уважаемый Алексей Александровичем, известный своим умом и образованием генерал-адъютант. Алексей Александрович заговорил с ним.

Был промежуток между скачками, и потому ничто не мешало разговору. Генерал-адъютант осуждал скачки. Алексей Александрович возражал, защищая их. Анна слушала его

тонкий, ровный голос, не пропуская ни одного слова, и каждое слово его казалось ей фальшиво и болью резало ее ухо.

Когда началась четырехверстная скачка с препятствиями, она нагнулась вперед и, не спуская глаз, смотрела на подхлывшего к лошади и садившегося Вронского и в то же время слышала этот отвратительный, неумолкающий голос мужа. Она мучалась страхом за Вронского, но еще более мучалась неумолкавшим, ей казалось, звуком тонкого голоса мужа с знакомыми интонациями.

«Я дурная женщина, я погибшая женщина, — думала она, — но я не люблю лгать, я не переносу лжи, а *его* (мужа) пища — это ложь. Он всё знает, всё видит; что же он чувствует, если может так спокойно говорить? Убей он меня, убей он Вронского, я бы уважала его. Но нет, ему нужны только ложь и приличие», — говорила себе Анна, не думая о том, чего именно она хотела от мужа, каким бы она хотела его видеть. Она не понимала и того, что эта нынешняя особенная словоохотливость Алексея Александровича, так раздражавшая ее, была только выражением его внутренней тревоги и беспокойства. Как убившийся ребенок, прыгая, приводит в движение свои мускулы, чтобы заглушить боль, так для Алексея Александровича было необходимо умственное движение, чтобы заглушить те мысли о жене, которые в ее присутствии и в присутствии Вронского и при постоянном повторении его имени требовали к себе внимания. А как ребенку естественно прыгать, так и ему было естественно хо-

рошо и умно говорить. Он говорил:

– Опасность в скачках военных, кавалерийских, есть необходимое условие скачек. Если Англия может указать в военной истории на самые блестящие кавалерийские дела, то только благодаря тому, что она исторически развивала в себе эту силу и животных и людей. Спорт, по моему мнению, имеет большое значение, и, как всегда, мы видим только самое поверхностное.

– Не поверхностное, – сказала княгиня Тверская. – Один офицер, говорят, сломал два ребра.

Алексей Александрович улыбнулся своею улыбкой, только открывавшею зубы, но ничего более не говорившею.

– Положим, княгиня, что это не поверхностное, – сказал он, – но внутреннее. Но не в том дело – и он опять обратился к генералу, с которым говорил серьезно, – не забудьте, что скачут военные, которые избрали эту деятельность, и согласитесь, что всякое призвание имеет свою оборотную сторону медали. Это прямо входит в обязанности военного. Безобразный спорт кулачного боя или испанских тореадоров есть признак варварства. Но специализованный спорт есть признак развития.

– Нет, я не поеду в другой раз; это меня слишком волнует, – сказала княгиня Бетси. – Не правда ли, Анна?

– Волнует, но нельзя оторваться, – сказала другая дама. – Если б я была Римлянка, я бы не пропустила ни одного цирка.

Анна ничего не говорила и, не спуская бинокля, смотрела в одно место.

В это время через беседку проходил высокий генерал. Прервав речь, Алексей Александрович поспешно, но достойно встал и низко поклонился проходившему военному.

– Вы не скачете? – пошутил ему военный.

– Моя скачка труднее, – почтительно отвечал Алексей Александрович.

И хотя ответ ничего не значил, военный сделал вид, что получил умное слово от умного человека и вполне понимает *la pointe de la sauce*.²³

– Есть две стороны, – продолжал снова Алексей Александрович, – исполнителей и зрителей; и любовь к этим зрелищам есть вернейший признак низкого развития для зрителей, я согласен, но...

– Княгиня, пари! – слышался снизу голос Степана Аркадьича, обращавшегося к Бетси. – За кого вы держите?

– Мы с Анной за князя Кузовлева, – отвечала Бетси.

– Я за Вронского. Пара перчаток.

– Идет!

– А как красиво, не правда ли?

Алексей Александрович помолчал, пока говорили около него, но тотчас опять начал.

– Я согласен, но мужественные игры... – продолжал было он.

---

²³ [в чем его острота.]

Но в это время пускали ездовых, и все разговоры прекратились. Алексей Александрович тоже замолк, и все поднялись и обратились к реке. Алексей Александрович не интересовался скачками и потому не глядел на скакавших, а рассеянно стал обводить зрителей усталыми глазами. Взгляд его остановился на Анне.

Лицо ее было бледно и строго. Она, очевидно, ничего и никого не видела, кроме одного. Рука ее судорожно сжимала веер, и она не дышала. Он посмотрел на нее и поспешно отвернулся, оглядывая другие лица.

«Да вот и эта дама и другие тоже очень взволнованы; это очень натурально», сказал себе Алексей Александрович. Он хотел не смотреть на нее, но взгляд его невольно притягивался к ней. Он опять вглядывался в это лицо, стараясь не читать того, что так ясно было на нем написано, и против воли своей с ужасом читал на нем то, чего он не хотел знать.

Первое падение Кузовлева на реке взволновало всех, но Алексей Александрович видел ясно на бледном, торжествующем лице Анны, что тот, на кого она смотрела, не упал. Когда после того, как Махотин и Вронский перескочили большой барьер, следующий офицер упал тут же на голову и разбился замертво и шорох ужаса пронесся по всей публике, Алексей Александрович видел, что Анна даже не заметила этого и с трудом поняла, о чем заговорили вокруг. Но он всё чаще и чаще, и с большим упорством вглядывался в нее. Анна, вся поглощенная зрелищем скакавшего Вронского, по-

чувствовала сбоку устремленный на себя взгляд холодных глаз своего мужа.

Она оглянулась на мгновение, вопросительно посмотрела на него и, слегка нахмурившись, опять отвернулась.

— Ах, мне всё равно, — как будто сказала она ему и уже более ни разу не взглядывала на него.

Скачки были несчастливы, и из семнадцати человек попало и разбилось больше половины. К концу скачек все были в волнении, которое еще более увеличилось тем, что Государь был недоволен.

XXIX.

Все громко выражали свое неодобрение, все повторяли сказанную кем-то фразу: «недостает только цирка с львами», и ужас чувствовался всеми, так что, когда Вронский упал и Анна громко ахнула, в этом не было ничего необыкновенного. Но вслед затем в лице Анны произошла перемена, которая была уже положительно неприлична. Она совершенно потерялась. Она стала биться, как пойманная птица: то хотела встать и идти куда-то, то обращалась к Бетси.

— Поедем, поедем, — говорила она.

Но Бетси не слыхала ее. Она говорила, перегнувшись вниз, с подошедшим к ней генералом.

Алексей Александрович подошел к Анне и учтиво подал ей руку.

– Пойдемте, если вам угодно, – сказал он по-французски; но Анна прислушивалась к тому, что говорил генерал, и не заметила мужа.

– Тоже сломал ногу, говорят, – говорил генерал. – Это ни на что не похоже.

Анна, не отвечая мужу, подняла бинокль и смотрела на то место, где упал Вронский; но было так далеко, и там столпилось столько народа, что ничего нельзя было разобрать. Она опустила бинокль и хотела идти; но в это время подсказал офицер и что-то докладывал Государю. Анна высунулась вперед, слушая.

– Стива! Стива! – прокричала она брату.

Но брат не слышал ее. Она опять хотела выходить.

– Я еще раз предлагаю вам свою руку, если вы хотите идти, – сказал Алексей Александрович, дотрогиваясь до ее руки.

Она с отвращением отстранилась от него и, не взглянув ему в лицо, отвечала:

– Нет, нет, оставьте меня, я останусь.

Она видела теперь, что от места падения Вронского через круг бежал офицер к беседке. Бетси махала ему платком. Офицер принес известие, что ездок не убится, но лошадь сломала себе спину.

Услыхав это, Анна быстро села и закрыла лицо веером. Алексей Александрович видел, что она плакала и не могла удержать не только слез, но и рыданий, которые поднимали

ее грудь. Алексей Александрович загородил ее собою, давая ей время оправиться.

– В третий раз предлагаю вам свою руку, – сказал он чрез несколько времени, обращаясь к ней. Анна смотрела на него и не знала, что сказать. Княгиня Бетси пришла ей на помощь.

– Нет, Алексей Александрович, я увезла Анну, и я обещалась отвезти ее, – вмешалась Бетси.

– Извините меня, княгиня, – сказал он, учтиво улыбаясь, но твердо глядя ей в глаза, – но я вижу, что Анна не совсем здорова, и желаю, чтоб она ехала со мною.

Анна испуганно оглянулась, покорно встала и положила руку на руку мужа.

– Я пошлю к нему, узнаю и пришлю сказать, – прошептала ей Бетси.

На выходе из беседки Алексей Александрович, так же как всегда, говорил со встречавшимися, и Анна должна была, как и всегда, отвечать и говорить; но она была сама не своя и как во сне шла под-руку с мужем.

«Убился или нет? Правда ли? Придет или нет? Увижу ли я его нынче?» думала она.

Она молча села в карету Алексея Александровича и молча выехала из толпы экипажей. Несмотря на всё, что он видел, Алексей Александрович всё-таки не позволял себе думать о настоящем положении своей жены. Он только видел внешние признаки. Он видел, что она вела себя неприлично, и считал своим долгом сказать ей это. Но ему очень трудно

было не сказать более, а сказать только это. Он открыл рот, чтобы сказать ей, как она неприлично вела себя, но невольно сказал совершенно другое.

— Как однако мы все склонны к этим жестоким зрелищам, — сказал он. — Я замечаю...

— Что? я не понимаю, — презрительно сказала Анна.

Он оскорбился и тотчас же начал говорить то, что хотел.

— Я должен сказать вам, — проговорил он.

«Вот оно, объяснение», подумала она, и ей стало страшно.

— Я должен сказать вам, что вы неприлично вели себя нынче, — сказал он ей по-французски.

— Чем я неприлично вела себя? — громко сказала она, быстро поворачивая к нему голову и глядя ему прямо в глаза, но совсем уже не с прежним скрывающим что-то весельем, а с решительным видом, под которым она с трудом скрывала испытываемый страх.

— Не забудьте, — сказал он ей, указывая на открытое окно против кучера.

Он приподнялся и поднял стекло.

— Что вы нашли неприличным? — повторила она.

— То отчаяние, которое вы не умели скрыть при падении одного из ездоков.

Он ждал, что она возразит; но она молчала, глядя перед собою.

— Я уже просил вас держать себя в свете так, чтоб и злые языки не могли ничего сказать против вас. Было время, ко-

гда я говорил о внутренних отношениях; я теперь не говорю про них. Теперь я говорю о внешних отношениях. Вы неприлично держали себя, и я желал бы, чтоб это не повторялось.

Она не слышала половины его слов, она испытывала страх к нему и думала о том, правда ли то, что Вронский не убится. О нем ли говорили, что он цел, а лошадь сломала спину? Она только притворно-насмешливо улыбнулась, когда он кончил, и ничего не отвечала, потому что не слыхала того, что он говорил. Алексей Александрович начал говорить смело, но, когда он ясно понял то, о чем он говорит, страх, который она испытывала, сообщился ему. Он увидел эту улыбку, и странное заблуждение нашло на него.

«Она улыбается над моими подозрениями. Да, она скажет сейчас то, что говорила мне тот раз: что нет оснований моим подозрениям, что это смешно».

Теперь, когда над ним висело открытие всего, он ничего так не желал, как того, чтоб она, так же как прежде, насмешливо ответила ему, что его подозрения смешны и не имеют основания. Так страшно было то, что он знал, что теперь он был готов поверить всему. Но выражение лица ее, испуганного и мрачного, теперь не обещало даже обмана.

– Может быть, я ошибаюсь, – сказал он. – В таком случае я прошу извинить меня.

– Нет, вы не ошиблись, – сказала она медленно, отчаянно взглянув на его холодное лицо. – Вы не ошиблись. Я была и не могу не быть в отчаянии. Я слушаю вас и думаю о нем. Я

люблю его, я его любовница, я не могу переносить, я боюсь, я ненавижу вас... Делайте со мной что хотите.

И, откинувшись в угол кареты, она зарыдала, закрываясь руками. Алексей Александрович не пошевелился и не изменил прямого направления взгляда. Но всё лицо его вдруг приняло торжественную неподвижность мертвого, и выражение это не изменилось во всё время езды до дачи. Подъезжая к дому, он повернул к ней голову всё с тем же выражением.

– Так! Но я требую соблюдения внешних условий приличия до тех пор, – голос его задрожал, – пока я приму меры, обеспечивающие мою честь, и сообщу их вам.

АННА КАРЕНИНА

РОМАНЪ

ГРАФА

Л. Н. ТОЛСТАГО

ВЪ ВОСЬМИ ЧАСТЯХЪ

ТОМЪ ВТОРОЙ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІИ Т. ГИЗЪ, У КУЗКА Ч., Д. МЕРНИЦКОВОЙ.

1878.

Обложка первого отдельного трехтомного (второго печатного) издания «Анны Карениной»

Размер подлинника

Он вышел вперед и высадил ее. В виду прислуги, он пожал ей молча руку, сел в карету и уехал в Петербург.

Вслед за ним пришел лакей от княгини Бетси и принес Анне записку:

«Я послала к Алексею узнать об его здоровье, и он мне пишет, что здоров и цел, но в отчаянии».

«Так *он* будет! – подумала она. – Как хорошо я сделала, что всё сказала ему».

Она взглянула на часы. Еще оставалось три часа, и воспоминания подробностей последнего свидания зажгли ей кровь.

«Боже мой, как светло! Это страшно, но я люблю видеть его лицо и люблю этот фантастический свет... Муж! ах, да... Ну, и слава Богу, что с ним всё кончено».

XXX.

Как и во всех местах, где собираются люди, так и на маленьких немецких водах, куда приехали Щербацкие, совершилась обычная как бы кристаллизация общества, определяющая каждому его члену определенное и неизменное место. Как определено и неизменно частица воды на холоде

получает известную форму снежного кристалла, так точно каждое новое лицо, приехавшее на воды, тотчас же устанавливалось в свойственное ему место.

Фюрст Щербацкий замт гемалин унд тохтэр,²⁴ и по квартире, которую заняли, и по имени, и по знакомым, которых они нашли, тотчас же кристаллизовались в свое определенное и предназначенное им место.

На водах в этом году была настоящая немецкая фюрстин, вследствие чего кристаллизация общества совершалась еще энергичнее. Княгиня непременно пожелала представить принцессе свою дочь и на второй же день совершила этот обряд. Кити низко и грациозно присела в своем выписанном из Парижа *очень простом*, то есть очень нарядном летнем платье. Принцесса сказала: «надеюсь, что розы скоро вернутся на это хорошенькое личико», и для Щербацких тотчас же твердо установились определенные пути жизни, из которых нельзя уже было выйти. Щербацкие познакомились и с семейством английской леди, и с немецкою графиней, и с ее раненым в последней войне сыном, и со Шведом ученым, и с М. Canut и его сестрой. Но главное общество Щербацких невольно составилось из московской дамы, Марьи Евгениевны Ртищевой с дочерью, которая была неприятна Кити потому, что заболела так же, как и она, от любви, и московского полковника, которого Кити с детства видела и знала в мундире и эполетах и который тут, со своими маленькими глаз-

---

²⁴ [Князь Щербацкий с женой и дочерью.]

ками и с открытою шеей в цветном галстучке, был необыкновенно смешон и скучен тем, что нельзя было от него отделаться. Когда всё это так твердо установилось, Кити стало очень скучно, тем более что князь уехал в Карлсбад, и она осталась одна с матерью. Она не интересовалась теми, кого знала, чувствуя, что от них ничего уже не будет нового. Главный же задушевный интерес ее на водах составляли теперь наблюдения и догадки о тех, которых она не знала. По свойству своего характера Кити всегда в людях предполагала всё самое прекрасное, и в особенности в тех, кого она не знала. И теперь, делая догадки о том, кто — кто, какие между ними отношения и какие они люди, Кити воображала себе самые удивительные и прекрасные характеры и находила подтверждение в своих наблюдениях.

Из таких лиц в особенности занимала ее одна русская девушка, приехавшая на воды с больною русскою дамой, с мадам Шталь, как ее все звали. Мадам Шталь принадлежала к высшему обществу, но она была так больна, что не могла ходить, и только в редкие хорошие дни появлялась на водах в колясочке. Но не столько по болезни, сколько по гордости, как объясняла княгиня, мадам Шталь не была знакома ни с кем из Русских. Русская девушка ухаживала за мадам Шталь и, кроме того, как замечала Кити, сходилась со всеми тяжело-больными, которых было много на водах, и самым натуральным образом ухаживала за ними. Русская девушка эта, по наблюдениям Кити, не была родня мадам Шталь и вместе

с тем не была наемная помощница. Мадам Шталь звала ее Варенька, а другие звали «М-lle Варенька». Не говоря уже о том, что Кити интересовали наблюдения над отношениями этой девушки к г-же Шталь и к другим незнакомым ей лицам, Кити, как это часто бывает, испытывала необъяснимую симпатию к этой М-lle Вареньке и чувствовала, по встречающимся взглядам, что и она нравится.

М-lle Варенька эта была не то что не первой молодости, но как бы существо без молодости: ей можно было дать и девятнадцать и тридцать лет. Если разбирать ее черты, она, несмотря на болезненный цвет лица, была скорее красива, чем дурна. Она была бы и хорошо сложена, если бы не слишком большая сухость тела и несоразмерная голова, по среднему росту; но она не должна была быть привлекательна для мужчин. Она была похожа на прекрасный, хотя еще и полный лепестков, но уже отцветший, без запаха цветок. Кроме того, она не могла быть привлекательною для мужчин еще и потому, что ей недоставало того, чего слишком много было в Кити – сдержанного огня жизни и сознания своей привлекательности.

Она всегда казалась занятою делом, в котором не могло быть сомнения, и потому, казалось, ничем посторонним не могла интересоваться. Этою противоположностью с собой она особенно привлекла к себе Кити. Кити чувствовала, что в ней, в ее складе жизни, она найдет образец того, чего теперь мучительно искала: интересов жизни, достоинства жизни –

вне отвратительных для Кити светских отношений девушки к мужчинам, представлявшихся ей теперь позорною выставкой товара, ожидающего покупателей. Чем больше Кити наблюдала своего неизвестного друга, тем более убеждалась, что эта девушка есть то самое совершенное существо, каким она ее себе представляла, и тем более она желала познакомиться с ней.

Обе девушки встречались в день по несколько раз, и при каждой встрече глаза Кити говорили: «кто вы? что вы? Ведь правда, что вы то прелестное существо, каким я воображаю вас? Но ради Бога не думайте, — прибавлял ее взгляд, — что я позволяю себе навязываться в знакомые. Я просто люблюсь вами и люблю вас». — «Я тоже люблю вас, и вы очень, очень милы. И еще больше любила бы вас, если б имела время», — отвечал взгляд неизвестной девушки. И действительно, Кити видела, что она всегда занята: или она уводит с вод детей русского семейства, или несет плед для больной и укутывает ее, или старается развлечь раздраженного больного, или выбирает и покупает печенье к кофею для кого-то.

Скоро после приезда Щербацких на утренних водах появились еще два лица, обратившие на себя общее недружелюбное внимание. Это были: очень высокий, сутуловатый мужчина с огромными руками, в коротком, не по росту, и старом пальто, с черными, наивными и вместе страшными глазами, и рябоватая миловидная женщина, очень дурно и безвкусно одетая. Признав этих лиц за Русских, Кити уже

начала в своём воображении составлять о них прекрасный и трогательный роман. Но княгиня, узнав по Kurliste,²⁵ что это был Левин Николай и Марья Николаевна, объяснила Кити, какой дурной человек был этот Левин, и все мечты об этих двух лицах исчезли. Не столько потому, что мать сказала ей, сколько потому, что это был брат Константина, для Кити эти лица вдруг показались в высшей степени неприятны. Этот Левин возбуждал в ней теперь своею привычкою подёргиваться головой непреодолимое чувство отвращения.

Ей казалось, что в его больших страшных глазах, которые упорно следили за ней, выражалось чувство ненависти и насмешки, и она старалась избегать встречи с ним.

XXXI.

Был ненастный день, дождь шел всё утро, и больные с зонтиками толпились в галлерее.

Кити ходила с матерью и с московским полковником, весело щеголявшим в своём европейском, купленном готовым во Франкфурте сюртучке. Они ходили по одной стороне галлерей, стараясь избегать Левина, ходившего по другой стороне. Варенька в своем темном платье, в черной, с отогнутыми вниз полями шляпе ходила со слепую Француженкой во всю длину галлерей, и каждый раз, как она встречалась с Кити, они перекидывались дружелюбным взглядом.

---

²⁵ [по курортному списку.]

– Мама, можно мне заговорить с нею? – сказала Кити, следившая за своим незнакомым другом и заметившая, что она подходит к ключу, и что они могут сойтись у него.

– Да если тебе так хочется, я узнаю прежде о ней и сама подойду, – отвечала мать. – Что ты в ней нашла особенного? Компаньонка, должно быть. Если хочешь, я познакомлюсь с мадам Шталь. Я знала её *belle-soeur*, – прибавила княгиня, гордо поднимая голову.

Кити знала, что княгиня оскорблена тем, что г-жа Шталь как будто избегала знакомиться с нею. Кити не настаивала.

– Чудо какая милая! – сказала она, глядя на Вареньку, в то время как та подавала стакан Француженке. – Посмотрите, как всё просто, мило.

– Уморительны мне твои *engouements*,²⁶ – сказала княгиня, – нет, пойдём лучше назад, – прибавила она, заметив двигавшегося им навстречу Левина с своею дамой и с немецким доктором, с которым он что-то громко и сердито говорил.

Они поворачивались, чтоб идти назад, как вдруг услышали уже не громкий говор, а крик. Левин, остановившись, кричал, и доктор тоже горячился. Толпа собиралась вокруг них. Княгиня с Кити поспешно удалились, а полковник присоединился к толпе, чтоб узнать, в чём дело.

Чрез несколько минут полковник нагнал их.

– Что это там было? – спросила княгиня.

– Позор и срам! – отвечал полковник. – Одного боишь-

---

²⁶ увлечения.]

ся, – это встречаться с Русскими за границей. Этот высокий господин побранился с доктором, наговорил ему дерзости за то, что тот его не так лечит, и замахнулся палкой. Срам просто!

– Ах, как неприятно! – сказала княгиня. – Ну, чем же кончилось?

– Спасибо, тут вмешалась эта... эта в шляпе грибом. Русская, кажется, – сказал полковник.

– М-lle Варенька? – радостно спросила Кити.

– Да, да. Она нашлась скорее всех, она взяла этого господина под руку и увела.

– Вот, мама, – сказала Кити матери, – вы удивляетесь, что я восхищаюсь ею.

С следующего дня, наблюдая неизвестного своего друга, Кити заметила, что М-lle Варенька и с Левиным и его женщиной находится уже в тех отношениях, как и с другими своими *protégés*. Она подходила к ним, разговаривала, служила переводчицей для женщины, не умевшей говорить ни на одном иностранном языке.

Кити еще более стала умолять мать позволить ей познакомиться с Варенькой. И, как ни неприятно было княгине как будто делать первый шаг в желании познакомиться с г-жею Шталь, позволявшею себе чем-то гордиться, она навела справки о Вареньке и, узнав о ней подробности, дававшие заключить, что не было ничего худого, хотя и хорошего мало, в этом знакомстве, сама первая подошла к Вареньке и

познакомилась с нею.

Выбрав время, когда дочь ее пошла к ключу, а Варенька остановилась против булочника, княгиня подошла к ней.

— Позвольте мне познакомиться с вами, — сказала она с своею достойною улыбкой. — Моя дочь влюблена в вас, — сказала она. — Вы, может быть, не знаете меня. Я...

— Это больше, чем взаимно, княгиня, — поспешно отвечала и Варенька.

— Какое вы доброе дело сделали вчера нашему жалкому соотечественнику! — сказала княгиня.

Варенька покраснела.

— Я не помню, я, кажется, ничего не делала, — сказала она.

— Как же, вы спасли этого Левина от неприятности.

— Да, *sa compagne*²⁷ позвала меня, и я постаралась успокоить его: он очень болен и недоволен был доктором. А я имею привычку ходить за этими больными.

— Да, я слышала, что вы живёте в Ментоне с вашей тётушкой, кажется, *M-me Шталь*. Я знала ее *belle-soeur*.

— Нет, она мне не тетка. Я называю её *mamаn*, но я ей не родня; я воспитана ею, — опять покраснев, отвечала Варенька.

Это было так просто сказано, так мило было правдивое и открытое выражение её лица, что княгиня поняла, почему её Кити полюбила эту Вареньку.

— Ну, что же этот Левин? — спросила княгиня.

---

²⁷ [его спутница]

– Он уезжает, – отвечала Варенька.

В это время, сияя радостью о том, что мать её познакоми-
лась с её неизвестным другом, от ключа подходила Кити.

– Ну вот, Кити, твоё сильное желание познакомиться с М-
lle...

– Варенькой, – улыбаясь подсказала Варенька, – так все
меня зовут.

Кити покраснела от радости и долго молча жала руку сво-
его нового друга, которая не отвечала на её пожатие, но
неподвижно лежала в её руке. Рука не отвечала на пожатие,
но лицо М-lle Вареньки просияло тихою, радостною, хотя
и несколько грустною улыбкой, открывавшею большие, но
прекрасные зубы.

– Я сама давно хотела этого, – сказала она.

– Но вы так заняты...

– Ах, напротив, я ничем не занята, – отвечала Варенька,
но в ту же минуту должна была оставить своих новых зна-
комых, потому что две маленькие русские девочки, дочери
больного, бежали к ней.

– Варенька, мама зовет! – кричали они.

И Варенька пошла за ними.

XXXII.

Подробности, которые узнала княгиня о прошедшем Ва-
реньки и об отношениях ее к мадам Шталь и о самой мадам

Шталь, были следующие.

Мадам Шталь, про которую одни говорили, что она замучала своего мужа, а другие говорили, что он замучал её своим безнравственным поведением, была всегда болезненная и восторженная женщина. Когда она родила, уже разведясь с мужем, первого ребенка, ребенок этот тотчас же умер, и родные г-жи Шталь, зная ее чувствительность и боясь, чтоб это известие не убило ее, подменили ей ребенка, взяв родившуюся в ту же ночь и в том же доме в Петербурге дочь придворного повара. Это была Варенька. Мадам Шталь узнала впоследствии, что Варенька была не ее дочь, но продолжала ее воспитывать, тем более что очень скоро после этого родных у Вареньки никого не осталось.

Мадам Шталь уже более десяти лет безвыездно жила за границей на юге, никогда не вставая с постели. И одни говорили, что мадам Шталь сделала себе общественное положение добродетельной, высокорелигиозной женщины; другие говорили, что она была в душе то самое высоко-нравственное существо, жившее только для добра ближнего, каким она представлялась. Никто не знал, какой она религии, – католической, протестантской или православной; но одно было несомненно – она находилась в дружеских связях с самыми высшими лицами всех церквей и исповеданий.

Варенька жила с нею постоянно за границей, и все, кто знал мадам Шталь, знали и любили М-лле Вареньку, как все её звали.

Узнав все эти подробности, княгиня не нашла ничего предосудительного в сближении своей дочери с Варенькой, тем более что Варенька имела манеры и воспитание самые хорошие: отлично говорила по-французски и по-английски, а главное – передала от г-жи Шталь сожаление, что она по болезни лишена удовольствия познакомиться с княгиней.

Познакомившись с Варенькой, Кити всё более и более прельщалась своим другом и с каждым днем находила в ней новые достоинства.

Княгиня, услышав о том, что Варенька хорошо поет, попросила ее прийти к ним петь вечером.

– Кити играет, и у нас есть фортепьяно, нехорошее, правда, но вы нам доставите большое удовольствие, – сказала княгиня с своею притворною улыбкой, которая особенно неприятна была теперь Кити, потому что она заметила, что Вареньке не хотелось петь. Но Варенька однако пришла вечером и принесла с собой тетрадь нот. Княгиня пригласила Марью Евгеньевну с дочерью и полковника.

Варенька казалась совершенно равнодушною к тому, что тут были незнакомые ей лица, и тотчас же подошла к фортепьяно. Она не умела себе акомпанировать, но прекрасно читала ноты голосом. Кити, хорошо игравшая, акомпанировала ей.

– У вас необыкновенный талант, – сказала ей княгиня после того, как Варенька прекрасно спела первую пиесу.

Марья Евгеньевна с дочерью благодарили и хвалили ее.

– Посмотрите, – сказал полковник, глядя в окно, – какая публика собралась вас слушать. – Действительно, под окнами собралась довольно большая толпа.

– Я очень рада, что это доставляет вам удовольствие, – просто отвечала Варенька.

Кити с гордостью смотрела на своего друга. Она восхищалась и ее искусством, и ее голосом, и ее лицом, но более всего восхищалась ее манерой, тем, что Варенька, очевидно, ничего не думала о своем пении и была совершенно равнодушна к похвалам; она как будто спрашивала только: нужно ли еще петь или довольно?

«Если б это была я – думала про себя Кити, – как бы я гордилась этим! Как бы я радовалась, глядя на эту толпу под окнами! А ей совершенно всё равно. Ее побуждает только желание не отказать и сделать приятное *tata*. Что же в ней есть? Что дает ей эту силу пренебрегать всем, быть независимо спокойною? Как бы я желала это знать и научиться от нее этому», вглядываясь в это спокойное лицо, думала Кити. Княгиня попросила Вареньку спеть еще, и Варенька спела другую пиесу так же ровно, отчетливо и хорошо, прямо стоя у фортепьяно и отбивая по ним такт своею худою смуглою рукой.

Следующая затем в тетради пиеса была итальянская песня. Кити сыграла прелюдию и оглянулась на Вареньку.

– Пропустим эту, – сказала Варенька покраснев.

Кити испуганно и вопросительно остановила свои глаза

на лице Вареньки.

– Ну, другое, – поспешно сказала она, перевертывая листы и тотчас же поняв, что с этою пиесой было соединено что-то.

– Нет, – отвечала Варенька, положив свою руку на ноты и улыбаясь, – нет, споемте это. И она спела это так же спокойно, холодно и хорошо, как и прежде.

Когда она кончила, все опять благодарили ее и пошли пить чай. Кити с Варенькой вышли в садик, бывший подле дома.

– Правда, что у вас соединено какое-то воспоминание с этою песней? – сказала Кити. – Вы не говорите, – поспешно прибавила она, – только скажите – правда?

– Нет, отчего? Я скажу, – просто сказала Варенька и, не дожидаясь ответа, продолжала: – да, это воспоминание, и было тяжелое когда-то. Я любила одного человека, и эту вещь я пела ему.

Кити с открытыми большими глазами молча, умиленно смотрела на Вареньку.

– Я любила его, и он любил меня; но его мать не хотела, и он женился на другой. Он теперь живет недалеко от нас, и я иногда вижу его. Вы не думали, что у меня тоже был роман? – сказала она, и в красивом лице ее чуть брезжил тот огонек, который, Кити чувствовала, когда-то освещал ее всю.

– Как не думала? Если б я была мужчина, я бы не могла любить никого, после того как узнала вас. Я только не понимаю, как он мог в угоду матери забыть вас и сделать вас

несчастною; у него не было сердца.

— О нет, он очень хороший человек, и я не несчастна; напротив, я очень счастлива. Ну, так не будем больше петь нынче? — прибавила она, направляясь к дому.

— Как вы хороши, как вы хороши! — вскрикнула Кити и, остановив ее, поцеловала. — Если б я хоть немножко могла быть похожа на вас!

— Зачем вам быть на кого-нибудь похожей? Вы хороши, как вы есть, — улыбаясь своею кроткою и усталою улыбкой, сказала Варенька.

— Нет, я совсем не хороша. Ну, скажите мне... Пойдите, посидимте, — сказала Кити, усаживая ее опять на скамейку подле себя. — Скажите, неужели не оскорбительно думать, что человек пренебрег вашею любовью, что он не хотел?..

— Да он не пренебрег; я верю, что он любил меня, но он был покорный сын...

— Да, но если б он не по воле матери, а просто, сам?... — говорила Кити, чувствуя, что она выдала свою тайну и что лицо её, горящее румянцем стыда, уже изобличило её.

— Тогда бы он дурно поступил, и я бы не жалела его, — отвечала Варенька, очевидно поняв, что дело идет уже не о ней, а о Кити.

— Но оскорбление? — сказала Кити. — Оскорбления нельзя забыть, нельзя забыть, — говорила она, вспоминая свой взгляд на последнем бале, во время остановки музыки.

— В чем же оскорбление? Ведь вы не поступили дурно?

– Хуже, чем дурно, – стыдно.

Варенька покачала головой и положила свою руку на руку Кити.

– Да в чем же стыдно? – сказала она. – Ведь вы не могли сказать человеку, который равнодушен к вам, что вы его любите?

– Разумеется, нет; я никогда не сказала ни одного слова, но он знал. Нет, нет, есть взгляды, есть манеры. Я буду сто лет жить, не забуду.

– Так что ж? Я не понимаю. Дело в том, любите ли вы его теперь или нет, – сказала Варенька, называя всё по имени.

– Я ненавижу его; я не могу простить себе.

– Так что ж?

– Стыд, оскорбление.

– Ах! если бы все так были, как вы, чувствительны, – сказала Варенька. – Нет девушки, которая бы не испытала этого. И всё это так неважно.

– А что же важно? – спросила Кити, с любопытным удивлением вглядываясь в её лицо.

– Ах, многое важно, – улыбаясь сказала Варенька.

– Да что же?

– Ах, многое важнее, – отвечала Варенька, не зная, что сказать. Но в это время из окна слышался голос княгини:

– Кити, свежо! Или шаль возьми, или иди в комнаты.

– Правда, пора! – сказала Варенька вставая. – Мне еще надо зайти к М-me Berthe; она меня просила.

Кити держала ее за руку и с страстным любопытством и мольбой спрашивала ее взглядом: «Что же, что же это самое важное, что дает такое спокойствие? Вы знаете, скажите мне!» Но Варенька не понимала даже того, о чем спрашивал ее взгляд Кити. Она помнила только о том, что ей ныне нужно еще зайти к М-me Berthe и поспеть домой к чаю тапан, к 12 часам. Она вошла в комнаты, собрала ноты и, простившись со всеми, собралась уходить.

– Позвольте, я провожу вас, – сказал полковник.

– Да как же одной итти теперь ночью? – подтвердила княгиня. – Я пошлю хоть Парашу.

Кити видела, что Варенька с трудом удерживала улыбку при словах, что ее нужно провожать.

– Нет, я всегда хожу одна, и никогда со мной ничего не бывает, – сказала она, взяв шляпу. И, поцеловав ещё раз Кити и так и не сказав, что было важно, бодрым шагом, с нотами под мышкой, скрылась в полутьме летней ночи, унося с собой свою тайну о том, что важно и что даёт ей это завидное спокойствие и достоинство.

XXXIII.

Кити познакомилась и с г-жою Шталь, и знакомство это вместе с дружбою к Вареньке не только имело на неё сильное влияние, но утешало ее в ее горе. Она нашла это утешение в том, что ей, благодаря этому знакомству, открыл-

ся совершенно новый мир, не имеющий ничего общего с её прошедшим, мир возвышенный, прекрасный, с высоты которого можно было спокойно смотреть на это прошедшее. Ей открылось то, что, кроме жизни инстинктивной, которой до сих пор отдавалась Кити, была жизнь духовная. Жизнь эта открывалась религией, но религией, не имеющею ничего общего с тою, которую с детства знала Кити и которая выражалась в обедне и всенощной во Вдовьем Доме, где можно было встретить знакомых, и в изучении с батюшкой наизусть славянских текстов; это была религия возвышенная, таинственная, связанная с рядом прекрасных мыслей и чувств, в которую не только можно было верить, потому что так велено, но которую можно было любить.

Кити узнала всё это не из слов. Мадам Шталь говорила с Кити как с милым ребенком, на которого любишь, как на воспоминание своей молодости, и только один раз упомянула о том, что во всех людских горестях утешение дает лишь любовь и вера и что для сострадания к нам Христа нет ничтожных горестей, и тотчас же перевела разговор на другое. Но Кити в каждом ее движении, в каждом слове, в каждом небесном, как называла Кити, взгляде ее, в особенности во всей истории ее жизни, которую она знала чрез Вареньку, во всем узнавала то, «что было важно» и чего она до сих пор не знала.

Но как ни возвышен был характер мадам Шталь, как ни трогательна вся ее история, как ни возвышенна и нежна ее

речь, Кити невольно подметила в ней такие черты, которые смущали ее. Она заметила, что, расспрашивая про ее родных, мадам Шталь улыбнулась презрительно, что было противно христианской доброте. Заметила еще, что, когда она застала у нее католического священника, мадам Шталь старательно держала свое лицо в тени абажура и особенно улыбалась. Как ни ничтожны были эти два замечания, они смущали ее, и она сомневалась в мадам Шталь. Но зато Варенька, одинокая, без родных, без друзей, с грустным разочарованием, ничего не желавшая, ничего не жалевавшая, была тем самым совершенством, о котором только позволяла себе мечтать Кити. На Вареньке она поняла, что стоило только забыть себя и любить других, и будешь спокойна, счастлива и прекрасна. И такую хотела быть Кити. Поняв теперь ясно, что было *самое важное*, Кити не удовлетворялась тем, чтобы восхищаться этим, но тотчас же всею душою отдалась этой новой, открывшейся ей жизни. По рассказам Вареньки о том, что делала мадам Шталь и другие, кого она называла, Кити уже составила себе план будущей жизни. Она, так же как и племянница г-жи Шталь, Aline, про которую ей много рассказывала Варенька, будет, где бы ни жила, отыскивать несчастных, помогать им сколько можно, раздавать Евангелие, читать Евангелие больным, преступникам, умирающим. Мысль чтения Евангелия преступникам, как это делала Aline, особенно прельщала Кити. Но всё это были тайные мечты, которых Кити не высказывала ни матери, ни

Вареньке.

Впрочем, в ожидании поры исполнять в больших размерах свои планы, Кити и теперь, на водах, где было столько больных и несчастных, легко нашла случай прилагать свои новые правила, подражая Вареньке.

Сначала княгиня замечала только, что Кити находится под сильным влиянием своего *engouement*, как она называла, к госпоже Шталь и в особенности к Вареньке. Она видела, что Кити не только подражает Вареньке в её деятельности, но невольно подражает ей в её манере ходить, говорить и мигать глазами. Но потом княгиня заметила, что в дочери, независимо от этого очарования, совершается какой-то серьезный душевный переворот.

Княгиня видела, что Кити читает по вечерам французское Евангелие, которое ей подарила госпожа Шталь, чего она прежде не делала; что она избегает светских знакомых и сходится с больными, находившимися под покровительством Вареньки, и в особенности с одним бедным семейством больного живописца Петрова. Кити, очевидно, гордилась тем, что исполняла в этом семействе обязанности сестры милосердия. Всё это было хорошо, и княгиня ничего не имела против этого, тем более что жена Петрова была вполне порядочная женщина и что принцесса, заметившая деятельность Кити, хвалила её, называя ангелом-утешителем. Всё это было бы очень хорошо, если бы не было излишества. А княгиня видела, что дочь её впадает в крайность, что она и

говорила ей.

– Il ne faut jamais rien outrer,²⁸ говорила она ей.

Но дочь ничего ей не отвечала; она только думала в душе, что нельзя говорить об излишестве в деле христианства. Какое же может быть излишество в следовании учению, в котором велено подставить другую щёку, когда ударят по одной, и отдать рубашку, когда снимают кафтан? Но княгине не нравилось это излишество, и ещё более не нравилось то, что, она чувствовала, Кити не хотела открыть ей всю свою душу. Действительно, Кити таила от матери свои новые взгляды и чувства. Она таила их не потому, чтоб она не уважала, не любила свою мать, но только потому, что это была ее мать. Она всякому открыла бы их скорее, чем матери.

– Что-то давно Анна Павловна не была у нас, – сказала раз княгиня про Петрову, – Я звала ее. А она что-то как будто недовольна.

– Нет, я не заметила, тамап, – вспыхнув сказала Кити.

– Ты давно не была у них?

– Мы завтра собираемся сделать прогулку в горы, – отвечала Кити.

– Что же, поезжайте, – отвечала княгиня, вглядываясь в смущенное лицо дочери и стараясь угадать причину ее смущения.

В этот же день Варенька пришла обедать и сообщила, что Анна Павловна раздумала ехать завтра в горы. И княгиня

---

²⁸ [Никогда ни в чем не следует впадать в крайность,]

заметила, что Кити опять покраснела.

— Кити, не было ли у тебя чего-нибудь неприятного с Петровыми? — сказала княгиня, когда они остались одни. — Отчего она перестала присылать детей и ходить к нам?

Кити отвечала, что ничего не было между ними и что она решительно не понимает, почему Анна Павловна как будто недовольна ею. Кити ответила совершенную правду. Она не знала причины перемены к себе Анны Павловны, но догадывалась. Она догадывалась в такой вещи, которую она не могла сказать матери, которой она не говорила и себе. Это была одна из тех вещей, которые знаешь, но которые нельзя сказать даже самой себе; так страшно и постыдно ошибиться.

Опять и опять перебирала она в своём воспоминании все отношения свои к этому семейству. Она вспоминала наивную радость, выражавшуюся на круглом добродушном лице Анны Павловны при их встречах; вспоминала их тайные переговоры о больном, заговоры о том, чтоб отвлечь его от работы, которая была ему запрещена, и увести его гулять; привязанность меньшего мальчика, называвшего ее «моя Кити», не хотевшего без нее ложиться спать. Как всё было хорошо! Потом она вспомнила худую-худую фигуру Петрова с его длинною шеей, в его коричневом сюртуке; его редкие выующиеся волосы, вопросительные, страшные в первое время для Кити голубые глаза и его болезненные старания казаться бодрым и оживленным в её присутствии. Она вспоминала свое усилие в первое время, чтобы преодолеть отвраще-

ние, которое она испытывала к нему, как и ко всем чахоточным, и старания, с которыми она придумывала, что сказать ему. Она вспоминала этот робкий, умиленный взгляд, которым он смотрел на нее, и странное чувство сострадания и неловкости и потом сознания своей добродетельности, которое она испытывала при этом. Как всё это было хорошо! Но всё это было первое время. Теперь же, несколько дней тому назад, всё вдруг испортилось. Анна Павловна с притворной любезностью встречала Кити и не переставая наблюдала ее и мужа.

Неужели эта трогательная радость его при ее приближении была причиной охлаждения Анны Павловны?

«Да, – вспоминала она, что-то было ненатуральное в Анне Павловне и совсем непохожее на ее доброту, когда она третьего дня с досадой сказала: «Вот, всё дожидался вас, не хотел без вас пить кофе, хотя ослабел ужасно».

«Да, может быть, и это неприятно ей было, когда я подавала ему плед. Всё это так просто, но он так неловко это принял, так долго благодарил, что и мне стало неловко. И потом этот портрет мой, который он так хорошо сделал. А главное – этот взгляд, смущенный и нежный! Да, да, это так! – с ужасом повторила себе Кити. – Нет, это не может, не должно быть! Он так жалок!» говорила она себе вслед за этим.

Это сомнение отравляло прелесть ее новой жизни.

XXXIV.

Уже перед концом курса вод князь Щербацкий, ездивший после Карлсбада в Баден и Киссинген к русским знакомым набраться русского духа, как он говорил, вернулся к своим.

Взгляды князя и княгини на заграничную жизнь были совершенно противоположные. Княгиня находила всё прекрасным и, несмотря на свое твердое положение в русском обществе, старалась за границей походить на европейскую даму, чем она не была, — потому что она была русская барыня, — и потому притворялась, что ей было отчасти неловко. Князь же, напротив, находил за границей всё скверным, тяготился европейской жизнью, держался своих русских привычек и нарочно старался выказывать себя за границей менее Европейцем, чем он был в действительности.

Князь вернулся похудевший, с обвислыми мешками кожи на щеках, но в самом веселом расположении духа. Веселое расположение его еще усилилось, когда он увидел Кити совершенно исправившуюся. Известие о дружбе Кити с госпожей Шталь и Варенькой и переданные княгиней наблюдения над какой-то переменной, происшедшей в Кити, смутили князя и возбудили в нем обычное чувство ревности ко всему, что увлекало его дочь помимо его, и страх, чтобы дочь не ушла из под его влияния в какие-нибудь недоступные ему области. Но эти неприятные известия потонули в том море

добродушия и веселости, которые всегда были в нем и особенно усилились Карлсбадскими водами.

На другой день по своем приезде князь в своем длинном пальто, со своими русскими морщинами и одутловатыми щеками, подпертыми крахмаленными воротничками, в самом веселом расположении духа пошел с дочерью на воды.

Утро было прекрасное: опрятные, веселые дома с садами, вид краснолицых, красноруких, налитых пивом, весело работающих немецких служанок и яркое солнце веселили сердце; но чем ближе они подходили к водам, тем чаще встречались больные, и вид их казался еще плачевнее среди обычных условий благоустроенной немецкой жизни. Кисти уже не поражала эта противоположность. Яркое солнце, веселый блеск зелени, звуки музыки были для нее естественною рамкой всех этих знакомых лиц и перемен к ухудшению или улучшению, за которыми она следила; но для князя свет и блеск июньского утра и звуки оркестра, игравшего модный веселый вальс, и особенно вид здоровенных служанок казались чем-то неприличным и уродливым в соединении с этими собравшимися со всех концов Европы, уныло двигавшимися мертвецами.

Несмотря на испытываемое им чувство гордости и как бы возврата молодости, когда любимая дочь шла с ним под руку, ему теперь как будто неловко и совестно было за свою сильную походку, за свои крупные, облитые жиром члены. Он испытывал почти чувство человека не одетого в обществе.

– Представь, представь меня своим новым друзьям, – говорил он дочери, пожимая локтем ее руку. – Я и этот твой гадкий Соден полюбил за то, что он тебя так справил. Только грустно, грустно у вас. Это кто?

Кити называла ему те знакомые и незнакомые лица, которые они встречали. У самого входа в сад они встретили слепую M-me Berthe с проводницей, и князь порадовался на умиленное выражение старой Француженки, когда она услышала голос Кити. Она тотчас с французским излишеством любезности заговорила с ним, хваля его за то, что у него такая прекрасная дочь, и в глаза превознося до небес Кити и называя ее сокровищем, перлом и ангелом-утешителем.

– Ну, так она второй ангел, – сказал князь улыбаясь. – Она называет ангелом номер 1-й M-lle Вареньку.

– Oh! M-lle Варенька, это настоящий ангел, allez,²⁹ – подхватила M-me Berthe.

В галлерее они встретили и самую Вареньку. Она поспешно шла им навстречу, неся элегантную красную сумочку.

– Вот и папа приехал! – сказала ей Кити.

Варенька сделала просто и естественно, как и всё, что она делала, движение, среднее между поклоном и приседанием, и тотчас же заговорила с князем, как она говорила со всеми, нестесненно и просто.

– Разумеется, я вас знаю, очень знаю, – сказал ей князь с улыбкой, по которой Кити с радостью узнала, что друг ее

---

²⁹ [что и толковать,]

понравился отцу. – Куда же вы так торопитесь?

– Мамап здесь, – сказала она, обращаясь к Кити. – Она не спала всю ночь, и доктор посоветовал ей выехать. Я несу ей работу.

– Так это ангел № 1-й! – сказал князь, когда Варенька ушла.

Кити видела, что ему хотелось посмеяться над Варенькой, но что он никак не мог этого сделать, потому что Варенька понравилась ему.

– Ну вот и всех увидим твоих друзей, – прибавил он, – и мадам Шталь, если она удостоит узнать меня.

– А ты разве её знал, папа? – спросила Кити со страхом, замечая зажегшийся огонь насмешки в глазах князя при упоминании о мадам Шталь.

– Знал ее мужа и ее немножко, еще прежде, чем она в пиетистки записалась.

– Что такое пиетистка, папа? – спросила Кити, уже испуганная тем, что то, что она так высоко ценила в госпоже Шталь, имело название.

– Я и сам не знаю хорошенько. Знаю только, что она за всё благодарит Бога, за всякое несчастье, и за то, что у ней умер муж, благодарит Бога. Ну, и выходит смешно, потому что они дурно жили.

– Это кто? Какое жалкое лицо! – спросил он, заметив сидевшего на лавочке невысокого больного в коричневом пальто и белых панталонах, делавших странные складки на ли-

шенных мяса костях его ног.

Господин этот приподнял свою соломенную шляпу над вьющимися редкими волосами, открывая высокий, болезненно покрасневший от шляпы лоб.

– Это Петров, живописец, – отвечала Кити, покраснев. – А это жена его, – прибавила она, указывая на Анну Павловну, которая как будто нарочно, в то самое время, как они подходили, пошла за ребенком, отбежавшим по дорожке.

– Какой жалкий, и какое милое у него лицо! – сказал князь. – Что же ты не подошла? Он что-то хотел сказать тебе?

– Ну, так подойдем, – сказала Кити, решительно поворачиваясь. – Как ваше здоровье нынче? – спросила она у Петрова.

Петров встал, опираясь на палку, и робко посмотрел на князя.

– Это моя дочь, – сказал князь. – Позвольте быть знакомым.

Живописец поклонился и улыбнулся, открывая странно блестящие белые зубы.

– Мы вас ждали вчера, княжна, – сказал он Кити.

Он пошатнулся, говоря это, и, повторяя это движение, старался показать, что он это сделал нарочно.

– Я хотела прийти, но Варенька сказала, что Анна Павловна присылала сказать, что вы не поедете.

– Как не поедем? – покраснев и тотчас же закашлявшись,

сказал Петров, отыскивая глазами жену. — Анета, Анета! — проговорил он громко, и на тонкой белой шее его, как веревки, натянулись толстые жилы.

Анна Павловна подошла.

— Как же ты послала сказать княжне, что мы не поедем! — потеряв голос, раздражительно прошептал он ей.

— Здравствуйте, княжна! — сказала Анна Павловна с притворною улыбкой, столь непохожею на прежнее ее обращение. — Очень приятно познакомиться, — обратилась она к князю. — Вас давно ждали, князь.

— Как же ты послала сказать княжне, что мы не поедем? — хрипло прошептал ещё раз живописец ещё сердитее, очевидно раздражаясь ещё более тем, что голос изменяет ему и он не может дать своей речи того выражения, какое бы хотел.

— Ах, Боже мой. Я думала, что мы не поедем, — с досадою отвечала жена.

— Как же, когда... — Он закашлялся и махнул рукой.

Князь приподнял шляпу и отошел с дочерью.

— О, ох! — тяжело вздохнул он, — о, несчастные!

— Да, папа, — отвечала Кити. — Но надо знать, что у них трое детей, никого прислуги и почти никаких средств. Он что-то получает от Академии, — оживленно рассказывала она, стараясь заглушить волнение, поднявшееся в ней вследствие странной в отношении к ней перемены Анны Павловны.

— А вот и мадам Шталь, — сказала Кити, указывая на ко-

лясочку, в которой обложенное подушками, в чём-то сером и голубом, под зонтиком лежало что-то.

Это была г-жа Шталь. Сзади её стоял мрачный здоровенный работник Немец, катавший её. Подле стоял белокурый шведский граф, которого знала по имени Кити. Несколько человек больных медлили около колясочки, глядя на эту даму, как на что-то необыкновенное.

Князь подошёл к ней. И тотчас же в глазах его Кити заметила смущавший её огонек насмешки. Он подошёл к мадам Шталь и заговорил на том отличном французском языке, на котором столь немногие уже говорят теперь, чрезвычайно учтиво и мило.

– Не знаю, вспомните ли вы меня, но я должен напомнить себя, чтобы поблагодарить за вашу доброту к моей дочери, – сказал он ей, сняв шляпу и не надевая её.

– Князь Александр Щербацкий, – сказала мадам Шталь, поднимая на него свои небесные глаза, в которых Кити заметила неудовольствие. – Очень рада. Я так полюбила вашу дочь.

– Здоровье ваше всё нехорошо?

– Да я уж привыкла, – сказала мадам Шталь и познакомила князя со шведским графом.

– А вы очень мало переменились, – сказал ей князь. – Я не имел чести видеть вас десять или одиннадцать лет.

– Да, Бог дает крест и дает силу нести его. Часто удивляешься, к чему тянется эта жизнь... С той стороны! – с до-

садой обратилась она к Вареньке, не так завёртывавшей ей пледом ноги.

– Чтобы делать добро, вероятно, – сказал князь, смеясь глазами.

– Это не нам судить, – сказала госпожа Шталь, заметив оттенок выражения на лице князя. – Так вы пришлете мне эту книгу, любезный граф? Очень благодарю вас, – обратилась она к молодому Шведу.

– А! – вскрикнул князь, увидав московского полковника, стоявшего около, и, поклонившись госпоже Шталь, отошел с дочерью и с присоединившимся к ним московским полковником.

– Это наша аристократия, князь! – с желанием быть насмешливым сказал московский полковник, который был в претензии на госпожу Шталь за то, что она не была с ним знакома.

– Всё такая же, – отвечал князь.

– А вы еще до болезни знали ее, князь, то есть прежде, чем она слегла?

– Да. Она при мне слегла, – сказал князь.

– Говорят, она десять лет не встает...

– Не встает, потому что коротконожка. Она очень дурно сложена...

– Папа, не может быть! – вскрикнула Кити.

– Дурные языки так говорят, мой дружок. А твоей Вареньке так достается, – прибавил он. – Ох, эти больные барыни!

— О, нет, папа! — горячо возразила Кити. — Варенька обо-
жает ее. И потом она делает столько добра! У кого хочешь
спроси! Ее и Aline Шталь все знают.

— Может быть, — сказал он, пожимая локтем её руку. — Но
лучше, когда делают так, что, у кого ни спроси, никто не зна-
ет.

Кити замолчала, не потому, что ей нечего было говорить;
но она и отцу не хотела открыть свои тайные мысли. Одна-
ко, странное дело, несмотря на то, что она так готовилась не
подчиниться взгляду отца, не дать ему доступа в свою святы-
ню, она почувствовала, что тот божественный образ госпожи
Шталь, который она месяц целый носила в душе, безвозврат-
но исчез, как фигура, составившаяся из брошенного платья,
исчезает, когда поймёшь, как лежит это платье. Осталась од-
на коротконогая женщина, которая лежит потому, что дурно
сложена, и мучает безответную Вареньку за то, что та не так
подвертывает ей плед. И никакими усилиями воображения
нельзя уже было возвратить прежнюю мадам Шталь.

XXXV.

Князь передал свое веселое расположение духа и домаш-
ним своим, и знакомым, и даже Немцу-хозяину, у которою
стояли Щербацкие.

Вернувшись с Кити с вод и пригласив к себе к кофе и пол-
ковника, и Марью Евгеньевну, и Вареньку, князь велел вы-

нести стол и кресла в садик, под каштан, и там накрыть завтрак. И хозяин и прислуга оживились под влиянием его веселости. Они знали его щедрость, и чрез полчаса больной гамбургский доктор, живший наверху, с завистью смотрел в окно на эту веселую русскую компанию здоровых людей, собравшуюся под каштаном. Под дрожащею кругами тенью листьев, у покрытого белою скатертью и уставленного кофейниками, хлебом, маслом, сыром, холодною дичью стола, сидела княгиня в наkolке с лиловыми лентами, раздавая чашки и тартинки. На другом конце сидел князь, плотно кушая и громко и весело разговаривая. Князь разложил подле себя свои покупки, резные сундучки, бирюльки, разрезные ножики всех сортов, которых он накупил кучу на всех водах, и раздаривал их всем, в том числе Лисхен, служанке и хозяйину, с которым он шутил на своем комическом дурном немецком языке, уверяя его, что не воды вылечили Кити, но его отличные кушанья, в особенности суп с черносливом. Княгиня подсмеивалась над мужем за его русские привычки, но была так оживлена и весела, как не была во всё время жизни на водах. Полковник, как всегда, улыбался шуткам князя; но насчет Европы, которую он внимательно изучал, как он думал, он держал сторону княгини. Добродушная Марья Евгеньевна покатывались со смеху от всего, что говорил смешного князь, и Варенька, чего еще Кити никогда не видала, раскисала от слабого, но сообщающегося смеха, который возбуждали в ней шутки князя.

Всё это веселило Кити, но она не могла не быть озабоченною. Она не могла разрешить задачи, которую ей невольно задал отец своим веселым взглядом на ее друзей и на ту жизнь, которую она так полюбила. К задаче этой присоединилась ещё перемена ее отношений к Петровым, которая нынче так очевидно и неприятно высказалась. Всем было весело, но Кити не могла быть веселою, и это еще более мучало ее. Она испытывала чувство в роде того, какое испытывала в детстве, когда под наказанием была заперта в своей комнате и слушала весёлый смех сестёр.

– Ну, на что ты купил эту бездну? – говорила княгиня, улыбаясь и подавая мужу чашку с кофеем.

– Пойдёшь ходить, ну, подойдешь к лавочке, просят купить: «Эрлаухт, эксцеленц, дурхлаухт». ³⁰ Ну, уж как скажут: «Дурхлаухт», уж я и не могу: десяти талеров и нет.

– Это только от скуки, – сказала княгиня.

– Разумеется, от скуки. Такая скука, матушка, что не знаешь, куда деться.

– Как можно скучать, князь? Так много интересного теперь в Германии, – сказала Марья Евгеньевна.

– Да я всё интересное знаю: суп с черносливом знаю, гороховую колбасу знаю. Всё знаю.

– Нет, но как хотите, князь, интересны их учреждения, – сказал полковник.

– Да что же интересного? Все они довольны, как медные

---

³⁰ [«Ваше сиятельство, ваше превосходительство, ваша светлость».]

гроши; всех победили. Ну, а мне-то чем же довольным быть? Я никого не победил, а только сапоги снимай сам, да еще за дверь их сам выставляй. Утром вставай, сейчас же одевайся, иди в салон чай скверный пить. То ли дело дома! Проснешься не торопясь, посердишься на что-нибудь, поворчишь, опомнишься хорошенько, всё обдумаешь, не торопишься.

– А время – деньги, вы забываете это, – сказал полковник.

– Какое время! Другое время такое, что целый месяц за полтинник отдашь, а то так никаких денег за полчаса не возьмешь. Так ли, Катенька? Что ты, какая скучная?

– Я ничего.

– Куда же вы? Посидите еще, – обратился он к Вареньке.

– Мне надо домой, – сказала Варенька вставая и опять залилась смехом.

Оправившись, она простилась и пошла в дом, чтобы взять шляпу. Кити пошла за нею. Даже Варенька представлялась ей теперь другою. Она не была хуже, но она была другая, чем та, какую она прежде воображала ее себе.

– Ах, я давно так не смеялась! – сказала Варенька, собирая зонтик и мешочек. – Какой он милый, ваш папа!

Кити молчала.

– Когда же увидимся? – спросила Варенька.

– Маман хотела зайти к Петровым. Вы не будете там? – сказала Кити, испытывая Вареньку.

– Я буду, – отвечала Варенька. – Они собираются уезжать,

так я обещалась помочь укладываться.

– Ну, и я приду.

– Нет, что вам?

– Отчего? отчего? отчего? – широко раскрывая глаза, заговорила Кити, взявшись, чтобы не выпускать Вареньку, за ее зонтик. – Нет, постойте, отчего?

– Так; ваш папа приехал, и потом с вами они стесняются.

– Нет, вы мне скажите, отчего вы не хотите, чтоб я часто бывала у Петровых? Ведь вы не хотите? Отчего?

– Я не говорила этого, – спокойно сказала Варенька.

– Нет, пожалуйста, скажите!

– Всё говорить? – спросила Варенька.

– Всё, всё! – подхватила Кити.

– Да особенного ничего нет, а только то, что Михаил Алексеевич (так звали живописца) прежде хотел ехать раньше, а теперь не хочет уезжать, – улыбаясь сказала Варенька.

– Ну! Ну! – торопила Кити, мрачно глядя на Вареньку.

– Ну, и почему-то Анна Павловна сказала, что он не хочет оттого, что вы тут. Разумеется, это было некстати, но из-за этого, из-за вас вышла ссора. А вы знаете, как эти больные раздражительны.

Кити, всё более хмурясь, молчала, и Варенька говорила одна, стараясь смягчить и успокоить ее и видя собиравшийся взрыв, она не знала чего, – слез или слов.

– Так лучше вам не ходить... И вы понимаете, вы не обижайтесь?..

– И по делом мне, и по делом мне! – быстро заговорила Кити, схватывая зонтик из рук Вареньки и глядя мимо глаз своего друга.

Вареньке хотелось улыбнуться, глядя на детский гнев своего друга, но она боялась оскорбить ее.

– Как по делом? Я не понимаю, – сказала она.

– По делом за то, что всё это было притворство, потому что это всё выдуманное, а не от сердца. Какое мне дело было до чужого человека? И вот вышло, что я причиной ссоры и что я делала то, чего меня никто не просил. Оттого что всё притворство! притворство! притворство!...

– Да с какою же целью притворяться? – тихо сказала Варенька.

– Ах, как глупо, гадко! Не было мне никакой нужды... Всё притворство! – говорила она, открывая и закрывая зонтик

– Да с какою же целью?

– Чтобы казаться лучше пред людьми, пред собой, пред Богом; всех обмануть. Нет, теперь я уже не поддамся на это! Быть дурною, но по крайней мере не лживою, не обманщицей!

– Да кто же обманщица? – укоризненно сказала Варенька. – Вы говорите, как будто...

Но Кити была в своем припадке вспыльчивости. Она не дала ей договорить.

– Я не об вас, совсем не об вас говорю. Вы совершенство. Да, да, я знаю, что вы все совершенство; но что же делать,

что я дурная? Этого бы не было, если б я не была дурная. Так пускай я буду какая есть, но не буду притворяться. Что мне за дело до Анны Павловны! Пускай они живут как хотят, и я как хочу. Я не могу быть другою... И всё это не то, не то!..

– Да что же не то? – в недоумении говорила Варенька.

– Всё не то. Я не могу иначе жить, как по сердцу, а вы живете по правилам. Я вас полюбила просто, а вы, верно, только затем, чтобы спасти меня, научить меня!

– Вы несправедливы, – сказала Варенька.

– Да я ничего не говорю про других, я говорю про себя.

– Кити! – послышался голос матери, – поди сюда, покажи папа свои корольки.

Кити с гордым видом, не помирившись с своим другом, взяла со стола корольки в коробочке и пошла к матери.

– Что с тобой? Что ты такая красная? – сказали ей мать и отец в один голос.

– Ничего, – отвечала она, – я сейчас приду, – и побежала назад.

«Она еще тут! – подумала она. – Что я скажу ей, Боже мой! что я наделала, что я говорила! За что я обидела ее? Что мне делать? Что я скажу ей?» думала Кити и остановилась у двери.

Варенька в шляпе и с зонтиком в руках сидела у стола, рассматривая пружину, которую сломала Кити. Она подняла голову.

– Варенька, простите меня, простите! – прошептала Кити,

подходя к ней. — Я не помню, что я говорила. Я...

— Я право не хотела вас огорчать, — сказала Варенька улыбаясь.

Мир был заключен. Но с приездом отца для Кити изменился весь тот мир, в котором она жила. Она не отреклась от всего того, что узнала, но поняла, что она себя обманывала, думая, что может быть тем, чем хотела быть. Она как будто очнулась; почувствовала всю трудность без притворства и хвастовства удержаться на той высоте, на которую она хотела подняться; кроме того, она почувствовала всю тяжесть этого мира горя, болезней, умирающих, в котором она жила; ей мучительно показались те усилия, которые она употребляла над собой, чтобы любить это, и поскорее захотелось на свежий воздух, в Россию, в Ергушово, куда, как она узнала из письма, переехала уже ее сестра Долли с детьми.

Но любовь ее к Вареньке не ослабела. Прощаясь, Кити упрашивала ее приехать к ним в Россию.

— Я приеду, когда вы выйдете замуж, — сказала Варенька.

— Я никогда не выйду.

— Ну, так я никогда не приеду.

— Ну, так я только для этого выйду замуж. Смотрите ж, помните обещание! — сказала Кити.

Предсказания доктора оправдались. Кити возвратилась домой, в Россию, излеченная. Она не была так беззаботна и весела как прежде, но была спокойна. Московские горести ее стали воспоминанием.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Сергей Иванович Кознышев хотел отдохнуть от умственной работы и, вместо того чтоб отправиться по обыкновению за границу, приехал в конце мая в деревню к брату. По его убеждениям, самая лучшая жизнь была деревенская. Он приехал теперь наслаждаться этою жизнью к брату. Константин Левин был очень рад, тем более что он не ждал уже в это лето брата Николая. Но, несмотря на свою любовь и уважение к Сергею Ивановичу, Константину Левину было в деревне неловко с братом. Ему неловко, даже неприятно было видеть отношение брата к деревне. Для Константина Левина деревня была место жизни, то есть радостей, страданий, труда; для Сергея Ивановича деревня была, с одной стороны, отдых от труда, с другой – полезное противоядие испорченности, которое он принимал с удовольствием и сознанием его пользы. Для Константина Левина деревня была тем хороша, что она представляла поприще для труда несомненно полезного; для Сергея Ивановича деревня была особенно хороша тем, что там можно и должно ничего не делать. Кроме того, и отношение Сергея Ивановича к народу несколько коробило Константина. Сергей Иванович говорил, что он любит и

знает народ и часто беседовал с мужиками, что он умел делать хорошо, не притворяясь и не ломаясь, и из каждой такой беседы выводил общие данные в пользу народа и в доказательство, что знал этот народ. Такое отношение к народу не нравилось Константину Левину. Для Константина народ был только главный участник в общем труде, и, несмотря на всё уважение и какую-то кровную любовь к мужику, всосанную им, как он сам говорил, вероятно с молоком бабы-кормилицы, он, как участник с ним в общем деле, иногда приходивший в восхищение от силы, кротости, справедливости этих людей, очень часто, когда в общем деле требовались другие качества, приходил в озлобление на народ за его беспечность, неряшливость, пьянство, ложь. Константин Левин, если б у него спросили, любит ли он народ, решительно не знал бы, как на это ответить. Он любил и не любил народ так же, как и вообще людей. Разумеется, как добрый человек, он больше любил, чем не любил людей, а потому и народ. Но любить или не любить народ, как что-то особенное, он не мог, потому что не только жил с народом, не только все его интересы были связаны с народом, но он считал и самого себя частью народа, не видел в себе и народе никаких особенных качеств и недостатков и не мог противопоставлять себя народу. Кроме того, хотя он долго жил в самых близких отношениях к мужикам как хозяин и посредник, а главное, как советчик (мужики верили ему и ходили верст за сорок к нему советоваться), он не имел никакого опреде-

ленного суждения о народе, и на вопрос, знает ли он народ, был бы в таком же затруднении ответить, как на вопрос, любит ли он народ. Сказать, что он знает народ, было бы для него то же самое, что сказать, что он знает людей. Он постоянно наблюдал и узнавал всякого рода людей и в том числе людей-мужиков, которых он считал хорошими и интересными людьми, и беспрестанно замечал в них новые черты, изменял о них прежние суждения и составлял новые. Сергей Иванович напротив. Точно так же, как он любил и хвалил деревенскую жизнь в противоположность той, которой он не любил, точно так же и народ любил он в противоположность тому классу людей, которого он не любил, и точно так же он знал народ, как что-то противоположное вообще людям. В его методическом уме ясно сложились определенные формы народной жизни, выведенные отчасти из самой народной жизни, но преимущественно из противоположения. Он никогда не изменял своего мнения о народе и сочувственного к нему отношения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.